ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА «ЩЕПОТКА МАГИИ»
13
проклятий
МИШЕЛЬ
ХАРРИСОН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вторая часть трилогии «13 сокровищ» – дебюта Мишель Харрисон, который принес ей литературную известность и был отмечен премией книжной сети Waterstones.

Никогда не называйте им своего имени – имена обладают огромной силой. Что еще может защитить человека, попавшего в царство фейри? Безрассудство или бесстрашие, безжалостность или отчаяние, верность данной себе клятве или доверие к тем, кто готов прийти на помощь?

Вернуть младшего брата, похищенного фейри, становится целью жизни Рыжей. Она не поступится ничем, чтобы найти его. Однако у волшебного народа свои законы, и заключенная здесь сделка угрожает обернуться жестокой игрой, цена которой свобода.

Два мира существуют рядом и пересекаются. В поместье Элвесден помнят о Рыжей, но и здесь нависла тревога: исчезает отец Фабиана. Тане, Фабиану и Рыжей предстоит раскрыть опасные и неожиданные тайны, протянувшиеся из прошлого в настоящее.

В час, когда волшебные силы оборачиваются своей темной стороной, когда сокровища становятся проклятиями, когда добро превращается в зло, удастся ли героям среди тьмы, обмана и страха найти путь к подлинной цели?

На подушке лежала мягкая игрушечная собачка. Сильно потрепанные уши, одно длиннее другого. Вся в пятнах, скатавшаяся, без одного глаза и хвоста. Собачка выглядела как игрушка, которую всегда любили больше всего.

Зачем читать

• Это увлекательное и захватывающее переосмысление классических тем: семья и дружба, добро и зло, выживание и взросление, – которые точно не оставят равнодушным подростков;

• Узнать больше о волшебной народце, живущем по своим законом в параллельном мире, и окунуться в чарующий и опасный мир кельтской мифологии в современном прочтении;

• Отвлечься от реальности, погрузится в темный, таинственный и неизведанный мир фэнтези и приключений, будоражащих воображение.

Никогда не называйте им своего имени. Имена обладают огромной силой.

Для кого

Для фанатов кельтских мифов и легенд. Тех, кто хочет сбежать от повседневности в мир, полный таинственного и неизведанного, и тех, кто не прочь испугаться и удивиться.

Смерч клубился в небе, а затем стал развеиваться и опускаться, оседая в темных щелях и уголках церковного кладбища. Тени вновь стали просто тенями.

- Мишель Харрисон
  -
  -
  -
  - Пролог
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31

- 32
- Эпилог
- Благодарности
- Об авторе
- Рекомендуем книги по теме

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

Мишель Харрисон
13 проклятий

Издательство благодарит Дину Баймухаметову и Екатерину Пташкину за консультации и помощь в подготовке текста перевода.

Главный редактор: *Лана Богомаз*
Руководители проекта: *Анастасия Маркелова, Ирина Останина*
Художественный редактор: *Алина Умирова*
Литературный редактор: *Мария Брауде*
Корректор: *Зоя Скобелкина*
Компьютерная верстка: *Ольга Макаренко*
Дизайн обложки: *Мария Ухова*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Text copyright © 2010 Michelle Harrison
© ООО «Альпина Паблишер», 2024

* * *

МИШЕЛЬ ХАРРИСОН

13 проклятий

Перевод с английского Марии Петренко

Под редакцией Марии Брауде

альпина .дети

Москва, 2024

Терезе и Джанет

Пролог

Надвигалась полночь, по Лесу Висельника бежали две девочки, отчаянно пытаясь выбраться. Каждый их шаг громко отдавался в удушливой тьме, и с каждым шагом приближался колдовской час – время, когда переплетаются мир людей и царство фейри.

Девочка помладше, с темными волосами, бежала из последних сил. Если не успеть и остаться в лесу, то в момент соединения двух миров хитрость и обман сделают свое дело и она перенесется в царство фейри.

Вторая, долговязая и похожая на мальчика, опережала первую, ее зеленые глаза упорно искали просвет, который указал бы, что лес скоро закончится. Она бежала, а из порезов на ладонях капала кровь – руки жгло и ломило. Всего несколько минут назад она изрезала их, освобождая свою связанную спутницу.

Они продирались сквозь чащу, бежали со всех ног по древесным корням, по ковру из листьев, устилающему землю. В воздухе скользили и устремлялись вниз диковинные существа – фейри ждали момента, когда первая девочка окажется у них. Проступающие на узловатой коре деревьев лица шевелились и звали. Время иссякало, а лес все не кончался и опушка так и не проглядывала.

Обе уже задыхались, но выбора не было: только упорно двигаться вперед. И все-таки настал миг, когда неотвратимое приблизилось вплотную.

– Постой, – пробормотала та, что поменьше, замедляя шаг.

– Нельзя останавливаться! – шикнула другая. – Бежим! Я сказала, БЕЖИМ!

Но темноволосая остановилась и стала оседать, закрыв глаза и зажав уши, чтобы заглушить шум, который слышала только она.

– Вставай! – настаивала вторая. – Таня, нельзя сейчас останавливаться – вставай!

Но Таня была слишком слаба, она тяжело опустилась на землю, припав к траве. Наступила полночь, и начался переход. Никто из них не мог этого сдержать. К упавшей Тане, извиваясь, стали подползать вьющиеся побеги, захватывая ее в ловушку, готовясь затащить в темные глубины царства фейри. Выхватив нож, ее спутница принялась резать и кромсать надвигающиеся стебли. Но их было чересчур много. Считаные мгновения – и Таня станет узницей в царстве фейри. Разве только…

Решение было настолько очевидным, что высокая девочка

не могла поверить, как это не пришло в голову раньше. Дрожащими окровавленными руками она достала из кармана маленькие серебряные ножницы. Встав на колени рядом с Таней, лежащей без сознания, надавила острием на ее большой палец и держала, пока не проступила темная капелька крови. Затем приложила к ранке свой окровавленный палец и крепко прижала. Таня, почувствовав боль от укола, стала приходить в себя.

– Как я?.. – начала она.

– Возьмите меня, – прошептала вторая девочка, еще крепче прижимая свою руку к Таниной.

Их кровь смешалась, и родственный долг, унаследованный Таней, был разделен.

– Возьмите меня вместо нее, – повторяла вторая. – У нее есть к чему возвращаться, есть жизнь. У меня – нет… Возьмите меня вместо нее.

Побеги, ползущие по Тане, замедлились… а потом изменили направление и устремились ко второй девочке. Она ощутила прохладное, влажное прикосновение темных листьев. Сдерживая порыв пуститься в бегство, она не двигалась, позволяя лесу поглотить себя. Ножницы выпали у нее из руки, наступающая зелень накрыла их, накрыла ее всю. В ушах загудело, глухое роение в конце концов превратилось в бормочущие голоса.

Она почувствовала, как опутавшие тело стебли тянут и дергают ее то в одну, то в другую сторону – будто кошка играет с пауком в паутине. Голоса стали отчетливее: существа с любопытством переговаривались, ожидая нового прибытия в свой мир. Затем зеленые побеги отступили так же быстро, как перед этим надвигались, оставив ее на земле – сжавшейся в комок и окруженной толпой фейри. Сверкали глаза: одни существа разглядывали ее с любопытством, другие очень пристально – молодые и старые, красивые и уродливые. Она вскочила на ноги и, пронзительно закричав, метнулась вперед. От ее крика больше половины фейри кинулись врассыпную и попрятались, в поредевшей толпе образовались просветы, и, выбрав самый близкий, она рванула туда.

Легкие горели – она все еще не могла отдышаться после того, как вместе с Таней бежала по лесу. Но теперь она была одна, Таня благополучно вернулась в мир людей. За спиной слышались шорох и хлопанье крыльев в воздухе. Она неслась прочь, а ветви тянулись к ней, пытаясь сбить с ног. Уворачиваться получалось труднее с каждым прыжком, усталость сковывала, двигаться становилось все тяжелее.

И тут она увидела это. Дупло в огромном старом дереве – такое большое, что в нем можно было спрятаться. Среди листвы –

зеленые ягоды. Она узнала их. Никаким фейри сюда не попасть. Бросив рюкзак в дупло, она забралась туда сама и расправила ветки с ягодами, чтобы лучше замаскировать свое укрытие. Шум погони нарастал, приблизился к ее убежищу, но постепенно стал отдаляться. Все стихло. Ей удалось. Она сбежала.

Измученная, она провалилась в сон. Через несколько часов взошло солнце, но не пробудило ее. Не пошевелилась она и когда снова наступила ночь. Лес вокруг словно баюкал старое дерево и дупло в объятиях листвы.

Она все спала.

1

С тех пор, как фейри украли ее младшего брата, Роуэн Фокс (или Рыжая, как она сейчас себя называла) думала лишь о том, как его вернуть. Это обуревало ее, стало единственной целью, смыслом существования. Полтора года назад их родители погибли, а меньше чем через два месяца Джеймс пропал. При первой же возможности Рыжая сбежала, чтобы разыскать его. Следующие месяцы она жила сама по себе и не допускала сомнений – даже мимолетно! – что не сможет его найти. Ее упорство было вознаграждено. Она совершила прорыв. Настоящий прорыв.

Ей наконец удалось проникнуть в царство фейри.

Когда Рыжая очнулась от похожего на черную пустоту сна, брезжил рассвет. Она лежала, свернувшись калачиком, в дупле старого дерева. Дрожа, раздвинула замерзшей и затекшей рукой спутанные ветки и плети ежевики, скрывающие ее от леса. Пятнышки утреннего света проникли в дупло, и она увидела шрамы.

На обеих ладонях засохло что-то темное. Запекшаяся кровь. Кожу вдоль и поперек рассекали тонкие порезы. Так много, что не сосчитать. Хотя следы крови еще оставались, раны уже затянулись, превратились в серебристые рубцы. Рыжая вспомнила: она изрезала руки, освобождая связанную Таню.

В пустом животе заурчало. Кроме того, давил полный мочевой пузырь.

Поморщившись, Рыжая выбралась из дупла, оступаясь, отошла от дерева. Ноги сводило и покалывало – она долго лежала, скрючившись в тесноте. Не в силах больше терпеть, быстро и настороженно огляделась, приспустила штаны и присела.

В лесу стояла неестественная тишина. Рыжая привела одежду в порядок и вытащила вещи из дупла. Достала из рюкзака нож, который всегда носила с собой, и вложила в ножны на поясе. Затем сделала несколько шагов назад и посмотрела на дерево. Старый крепкий дуб. Но то ли птицы, то ли кто-то еще, здесь обитавший, занес семена другого растения, которые попали в какую-то трещину в коре, прижились и разрослись прямо на верхушке. Вот почему здесь рдели гроздья красных ягод. Рябина. Роуэн. Ее тезка[1], хотя уже давно никто не называл Рыжую настоящим именем. Теперь другая жизнь. Но потому она и выбрала это дерево. Поверья говорят, что рябина защищает от чар, от злого колдовства ведьм и… от фейри.

Внезапно Рыжую охватила тревога. Когда, вскоре после полуночи, она залезла в дупло, ягоды были твердыми и зелеными. Теперь они красные и мягкие – созрели за ночь? А вдобавок еще и шрамы, в которые превратились порезы на руках. Это сбивало с толку. Сколько же времени прошло?

Рыжая попыталась вспомнить все, что знала о рябине. Ягоды обычно краснеют осенью. Но когда – сразу после полуночи – она забралась в дупло, был разгар лета, июль. Что-то не складывалось. Она слышала, что время в царстве фейри течет по-другому, а значит, если она правильно догадывается, то каким-то образом прошло больше двух месяцев.

Рыжая огляделась. Лес вокруг был недвижим, но она знала: тишина и покой лишь иллюзия. Она не одна. Что-нибудь раньше или позже выдаст свою истинную сущность: проступит на коре дерева лицо или зазвучит навязчивая мелодия, манящая танцевать. Ей было известно об опасностях царства фейри.

Теперь она здесь, и надо быть начеку.

Перед тем как отправиться в путь, следовало еще кое-что сделать. Она вскарабкалась по узловатому стволу дуба, подтянулась и достала до крепкой рябиновой ветви – чуть тоньше своего запястья, – а затем навалилась всем весом и обломила. Спустившись, подобрала ее с земли – по длине получилось примерно на фут[2] короче, чем рост Рыжей.

Вынула нож из ножен и, зажав ветку локтем, принялась обстругивать мелкие сучки и отростки. С таким посохом, годным для защиты, можно было трогаться в путь.

Вокруг было тихо и прохладно, по лесной подстилке, по мху, по траве пробегал утренний ветерок, кружился в низком тумане призрачными тенями. Вниз срывались капли росы. Рыжая чувствовала, что одежда пропахла прелой листвой – она долго пробыла в дупле. Этот запах смешивался с запахом пота и крови. От нее отвратительно разило – Рыжая это знала.

Она упорно шла вперед, следуя за солнцем, что поднималось все выше в небе. Немного потеплело, но все же осенняя прохлада не отступала. Рыжая все шла, держа наготове посох, вглядываясь, чутко прислушиваясь к каждому шороху – не преследуют ли ее. Лес проснулся, листья над головой зашелестели от легкого движения. Несколько раз, подняв глаза, Рыжая замечала фейри, смотревших на нее сверху вниз. Иногда их взгляды встречались с ее, и они тут же скрывались из виду. Другие, полюбопытнее и не такие опасливые, вылезали из потаенных уголков, чтобы рассмотреть ее поближе, их расцветка, окраска их крыльев сливались с золотистой, рубиновой и бурой листвой.

Спустя какое-то время послышалось приветливое журчание

воды. На душе стало легче. Она пошла на звук и вскоре оказалась у бегущего через лес небольшого ручейка.

По течению изредка проплывали опавшие листья. Рыжая опустилась на колени у воды, бережно положив свой посох рядом – вдруг понадобится. Сняла рюкзак, расстегнула молнию одного из отделений. Достала оттуда фляжку и встряхнула: почти пустая – меньше глотка. Отвинтила крышку, выплеснула затхлые остатки в траву и опустила фляжку в ручей. Ледяная, чистая вода побежала по ее руке.

Рыжая наполнила фляжку и перед тем, как положить ее обратно в рюкзак, сделала несколько больших глотков. Затем снова повернулась к ручью и начала смывать запекшуюся кровь с рук, глядя, как исчезают в струящемся потоке темно-красные завитки. Зачерпнув пригоршню воды, плеснула на лицо и шею и стала рассматривать свое отражение. Отражение покачивалось в такт бегу воды, и в какой-то момент Рыжая увидела, что у нее отросли волосы. Наклонившись вперед, она поднесла руку к голове и коснулась коротких, мышиного цвета прядей. Всего несколько дней назад она сама постриглась – совсем коротко, под мальчишку. Несомненно, сейчас волосы стали длиннее. И у корней были ее натурального рыжего цвета – примерно на полдюйма[3]. Точно прошло какое-то время.

Внезапно рядом с ее отражением на воде появилось отражение какой-то фигуры. Быстро, как кошка, Рыжая схватила рябиновый посох и развернулась – фигура была уже в нескольких дюймах от нее. Ошеломленная Рыжая отшатнулась, потеряла равновесие и, выронив посох, упала спиной в ручей. С деревьев, тревожно крича, будто предупреждая, взметнулась стая птиц и фейри.

Отплевываясь, она поднялась из холодной воды и краем глаза заметила, что рябиновый посох уплывает вниз по течению – уже не достать.

К ней протянулась шершавая рука, послышался тихий голос:

– Пойдем, дитя…

Лицо говорившей частично скрывал капюшон зеленого плаща. Выбивающиеся из-под него длинные седые волосы рассыпались по плечам. В прядки были вплетены какие-то лоскутки, скрученные обрывки ткани. Из-под капюшона торчал крючковатый нос, с тонкой переносицей, широкий у ноздрей, будто окаймленных розовым. Узкий кривой рот, губы бесцветные, бесцветная и кожа, а вот изнутри рот – становилось видно, когда она говорила, – был каким-то необычно красным. И засохшие капельки слюны в уголках. Не понять, кто она, фейри или человек.

– Пойдем, – повторила старуха с трудом, будто ей было тяжело произносить слова. Вдруг сгорбилась и ужасно, надрывно закашляла.

Рыжая не двинулась с места. Сердце все еще колотилось от этого внезапного появления. Как ей удалось подойти так бесшумно? Вода струйками стекала с Рыжей, рука сжимала рукоять ножа, готовая выхватить его из-за пояса. По наклону головы она поняла: старая женщина заметила нож. Рыжая чуть дернула рукой, будто собиралась его вытащить. Настороженность не проходила, хотя было неясно, есть ли у старухи дурные намерения или нет. Хотелось, чтобы она ушла, а если для этого следует ее припугнуть – что ж, припугнет.

Старуха отступила, так же бесшумно, как пришла, и стала удаляться, пробираясь между деревьев. Не шевельнувшись, Рыжая наблюдала, как та медленно исчезает из виду. Что-то странное было в ее движениях, но что именно – непонятно. Рыжую передернуло, руки покрылись гусиной кожей. Она сильно проголодалась, а теперь еще и замерзла. Необходимо было найти еду – и как можно скорее.

Подняв рюкзак, она привычно тронула нож в ножнах. Знакомый холод рукояти успокаивал. Закинув рюкзак на плечо, Рыжая отправилась дальше быстрым шагом, чтобы согреться и обсохнуть. Мокрая одежда прилипала к телу, с волос капала ледяная вода. Продрогшая, она пошла еще быстрее, злясь, что не во что переодеться. Вся ее одежда была на ней.

Пройдя не так далеко, она снова увидела фейри. Ее внимание привлекло едва уловимое шевеление в ветвях над головой. Там пряталось серокожее существо размером с маленького ребенка. Коренастое и округлое, шкура, похожая на слоновью. По бокам куполообразной головы торчали большие уши, как у летучей мыши. Оно смахивало на уродливую каменную гаргулью. На мгновение Рыжая приостановилась, а затем двинулась вперед, не сводя с него глаз. На ее пристальный взгляд существо ответило немигающим взглядом янтарных глаз и припало к ветке, за которую держалось кривыми когтями. С его появлением другие шорохи и перешептывания прекратились. То ли фейри вели себя очень тихо, то ли в этой части леса их было до странного мало.

Осторожно поглядывая на существо над головой, Рыжая ускорила шаг. Тропинку перегораживало упавшее дерево, толщиной ей почти до колена. Вокруг все густо поросло папоротником, громоздился валежник. Тут нужна была осторожность – просто так не перелезть. Рыжая перестала следить за похожим на гаргулью существом и сосредоточилась на том, чтобы перешагнуть через толстенный ствол. Следом произошли

сразу две вещи. Первая – сверху донесся непонятный звук, словно металл лязгнул о металл. Вторая – стоило перенести ногу за дерево, как земля под ней провалилась.

Рыжую резко бросило вперед: размахивая руками, она падала, но левую ногу, все еще остававшуюся за лежащим деревом, крепко прижало к шероховатому стволу. Трещала и рвалась ткань на штанах, кора обдирала кожу по всей голени. Миг – и сквозь ветки и листву Рыжая полетела вниз, в темноту. Земля заглотила ее. Последнее, что она услышала, был пронзительный клекот. И все погрузилось во тьму.

2

Полтора года назад

Прогремел гром, с неба полетели первые капли дождя. Они шлепались на ветровое стекло автомобиля жирными, неряшливыми кляксами, и их со скрипом стирали дворники. Дождь все собирался этим серым январским днем, и наконец-то разразилась гроза.

Погода идеально соответствовала настроению в машине.

Сзади, опустив голову, сидела Роуэн, ее длинные рыжие волосы падали вперед на плечи. Сквозь челку она видела в наружном зеркале лицо отца. Он смотрел на дорогу, но по тому, как были сдвинуты его темные брови, она понимала, что мысли его заняты другим. Он зол. Зол на нее. До сих пор они ехали в тишине, но Роуэн знала: это скоро закончится. Ждать долго не пришлось.

– Ты наказана. – Голос отца звучал ровно, но жестко. Он старался держать себя в руках.

Она слегка кивнула. На меньшее не стоило и рассчитывать.

– Месяц не будешь выходить из дома, – добавил он.

После этих слов Роуэн вскинула голову.

– Месяц? Но… школьный поход на следующей неделе… Я уже собрала вещи!

– Все отменяется, – сказала мать с переднего сиденья. – Квитанции мы сохранили. Ты не поедешь.

– Но так нельзя! Все ведь спланировано – вы должны меня отпустить!

– «Нельзя», юная леди, – это вести себя, как ты ведешь, – рявкнул отец. – Сегодня мы чуть с ума не сошли из-за тебя!

Роуэн откинула волосы.

– Со мной все было нормально, – пробормотала она, уставившись в отцовский затылок. Безумно хотелось щелкнуть его по плеши, просвечивающей в темных, некогда густых волосах.

– Нормально?! Нормально?! – воскликнула мать. – С тобой могло случиться все что угодно! Нельзя вот так, с бухты-барахты, прогулять школу и уехать в Лондон! О чем ты только думала?!

– Вовсе не с бухты-барахты… – прошептала Роуэн.

«Я заранее готовилась», – договорила она мысленно и задумчиво опустила взгляд на маленький бумажный пакет, зажатый в руке. На нем было написано «Национальная галерея».

– Тебе двенадцать лет, Роуэн, – продолжил отец. – Может, ты думаешь, что уже взрослая, однако ты не настолько взрослая, чтобы отправляться в Лондон одной…

– Не говоря уже о метро! – перебила его мама. – Мне дурно, как только представлю!

Она помассировала висок. Этот жест Роуэн хорошо знала.

– Я ведь уже извинилась, – пробормотала Роуэн. В зеркале она поймала взгляд отца, который быстро снова переключился на дорогу.

– «Извините» – всего лишь слово. Сказать его и действительно сожалеть о сделанном – далеко не одно и то же.

– Я действительно сожалею.

Мама обернулась и внимательно на нее посмотрела.

– Ты не сожалеешь о том, что сделала. Ты сожалеешь, что тебя поймали.

Роуэн ничего не сказала. В какой-то степени это была правда.

– Снова на грани исключения! – продолжала мама. – Три школы за два года. И теперь получаешь последнее предупреждение… – Ее голос дрогнул, и она замолчала.

Роуэн снова опустила голову. Все это она слышала уже не раз.

– Твою одержимость следует пресечь, Роуэн, – сказал отец. – Я не шучу. Больше никаких разговоров о том, что ты видишь всякое… всяких существ… этих… фейри. – Последнее слово он прямо-таки выплюнул, словно не вытерпел его вкус во рту. – Или как там их в наши дни называют. Возможно, мы слишком долго тебе потакали. Время для подобных историй и фантазий прошло. Кончилось!

– Для тебя – может быть, – прошептала Роуэн.

Потупившись, потихоньку залезла в пакет и достала несколько открыток, купленных в галерее. Загляделась на первую. Это было черно-белое фото: девочка, подперев подбородок, невозмутимо смотрит в камеру. А перед ней – на первом плане – танцуют крошечные фигурки. Одна из пяти знаменитых фотографий, сделанных в начале двадцатого века. Подпись мелкими буквами на обороте гласила: «Феи из Коттингли». Роуэн поглощенно перебирала остальные открытки. Акварель цвета сепии, изображающая полет крылатых существ над лондонскими Кенсингтонскими садами; женщина в маске из зеленых листьев. Все прекрасны и таинственны. И на обороте каждой открытки кроме подписи значилось название выставки «Фейри: история в искусстве и фотографии».

Роуэн осторожно положила открытки обратно в бумажный пакет. Но все-таки он зашуршал. На переднем сиденье взметнулись светлые волосы матери – она резко обернулась на звук.

– Что там у тебя?

– Ничего. – Роуэн попыталась запихнуть пакет в рюкзак, но было поздно.

– Дай сюда. Сейчас же!

Роуэн нехотя передала пакет матери. Открытки снова достали из пакета, и наступила тишина – слышно было только урчание двигателя машины, едущей по автостраде М25, как всегда перегруженной. В этот момент Роуэн уловила тихий вздох и впервые за время дороги взглянула на младшего брата, спящего в своем детском кресле. Он засунул большой палец в розовый ротик, по запястью бежали слюнки. Такой хорошенький, весь в маму: светлые кудри и большие голубые глаза с густыми ресницами. Роуэн невольно поднесла руку к своим рыжим волосам, снова кляня эту буйную копну. Даже внешне она была не похожа на остальных. Даже внешне не вписывалась в свою семью.

Звук раздираемой бумаги вернул ее к реальности.

– Что ты делаешь?! – возмутилась Роуэн, потянувшись вперед.

Мать уже разорвала открытки пополам и готовилась порвать еще.

– Не надо! – закричала Роуэн.

– Тихо! – прошипел отец. – Разбудишь Джеймса!

Но Роуэн видела только руки матери, вцепившиеся в открытки, и ее вдруг перестало заботить, что брат спит. Она была слишком зла.

– Прекрати! – бушевала она. – Прекрати!

К ней присоединились вопли Джеймса – он проснулся. В машине воцарился хаос. Роуэн и родители кричали. Малыш визжал. Роуэн, натягивая ремень безопасности, рвалась к передним сиденьям, пытаясь перехватить руки матери. Та орала, чтобы дочь села на свое место. Снаружи дождь хлестал по ветровому стеклу, и дворники яростно скребли, убирая воду. А потом, осознав безнадежность ситуации, Роуэн сдалась и откинулась на спинку сиденья. Слезы застилали ей глаза. Она заморгала, чтобы их прогнать. Рядом продолжал подвывать Джеймс, она протянула руку и стала нежно гладить зареванное личико. На его щеке виднелось родимое пятно чайного цвета в форме рыбки.

Поборов слезы, Роуэн почувствовала, что в ногах, под сиденьем, что-то шевелится, и взглянула вниз. Ее рюкзак немного приоткрылся, оттуда показались две крошечные блеклые лапки, а за ними и голова похожего на грызуна существа. Оно неодобрительно посмотрело на девочку, а потом выползло из рюкзака, взобралось по ее ноге и два раза куснуло. Роуэн поморщилась и поняла: существо сердится на нее из-за открыток с изображениями фейри. Хотя, конечно, не настолько, как сердились бы родители, узнав, что не все открытки были куплены. У нее не хватило смелости украсть книгу, посвященную выставке, но открытки маленькие и почти невесомые… В общем-

то, все получилось легко – кроме того, что ее отыскали.

Роуэн проснулась, позавтракала, почистила зубы, затем приняла душ и надела школьную форму. Взяла в кухне со столешницы контейнер с ланчем, поцеловала Джеймса в белокурую макушку – он, перепачканный детским питанием, сидел на своем высоком стульчике. Попрощавшись с матерью, Роуэн вышла из дома и, как обычно, пошла по маленькой улочке.

Только сегодня вместо того, чтобы повернуть в конце улицы налево, к школе, она отправилась направо, к железнодорожной станции. Прежде чем купить билет, быстро переоделась в вокзальном туалете: засунула школьную форму в рюкзак и натянула джинсы и кофту, припрятанные вчера вечером. Мельком глянув в зеркало, убедилась, что без формы выглядит старше своих двенадцати – по крайней мере на четырнадцать.

Потребовалось чуть больше получаса, чтобы добраться до Фенчерч-стрит, потом еще примерно двадцать минут на метро – и она оказалась в центре Лондона. В метро ей совсем не понравилось. Был час пик, и ехать пришлось в битком набитом вагоне, уткнувшись носом в чью-то подмышку. Сойдя с поезда, она поспешила на выход, опустив голову и стараясь ни с кем не встречаться взглядом – ни с пассажирами, ни со служащими метро, ни с попрошайками, тянувшими руки к каждому, кто проходил мимо.

Выбравшись на воздух и дойдя до Трафальгарской площади, Роуэн почувствовала себя увереннее. Уворачиваясь от голубей, миновала огромных каменных львов и поднялась по ступенькам в Национальную галерею. Посетителей внутри было полно – легко затеряться среди толп туристов и школьных экскурсий. Роуэн взяла путеводитель по выставке и, не обращая внимания на знаменитые картины – Боттичелли и Ван Гога, – у которых останавливались все, направилась в самые дальние залы, туда, где находилась выставка, ради которой она приехала. Здесь было тихо и малолюдно.

Роуэн жадно разглядывала изображения, развешанные на стенах, вникая и критически оценивая каждое. Большую часть она отмела сразу – слащавые картинки с красивыми созданиями, гнездящимися в цветах или благонравно восседающими на мухоморах. С первого взгляда становилось ясно: это не то, что нужно, – так, вычурные грезы. Ее интересовали другие образы. Мрачные существа в масках, скрывающиеся в лесу. Люди, против своей воли танцующие под колдовскую мелодию. Снова странное существо – одной рукой подманивает к ручью ребенка, а второй удерживает другого малыша под ледяной водой. Эти картины

искала Роуэн. Картины, где была показана правда – правда, увиденная такими же, как она сама. Теми, у кого есть второе зрение.

Роуэн оторвалась от своих мыслей и вернулась в реальность. Сейчас в машине было тихо, если не считать слабого хныканья Джеймса. Но кто бы сомневался: как только они приедут домой, родители отправят Джеймса в другую комнату и устроят ей хорошую взбучку. Утешало лишь одно – ей все-таки удалось выполнить задуманное и ее не поймали. То есть поймали, но позже, сразу после того, как она, выйдя из галереи, шла по площади. На плечо легла рука, и, обернувшись, она увидела того, кого меньше всего ожидала, – своего отца. Облегчение на его лице тут же сменилось гневом. Он повертел у нее перед носом рекламным буклетом Национальной галереи, посвященным выставке. И там расписание поездов – почерком Роуэн. В панике она все же сообразила: отец наверняка вытащил буклет из мусора, когда из школы позвонили и сообщили о ее отсутствии.

До сих пор трудно было поверить, что отец ее нашел.

Существо, которое могла видеть только она, пробралось к Джеймсу и уютно устроилось рядышком в детском кресле, тихо и странно мурлыча, будто убаюкивая колыбельной. Роуэн задумалась, слышит ли его брат. Видеть его он точно не видел, однако вроде снова стал задремывать. Роуэн наблюдала, как существо протянуло лапку и отвело золотистую прядь от глаз Джеймса. Малыш легонько улыбнулся во сне, когда усы существа скользнули по его щеке. И в этот самый момент жизнь Роуэн изменилась навсегда. Грузовик с оглушительным скрежетом металла о металл проломил центральный барьер и врезался в их машину.

Потом Роуэн всегда будет помнить эти несколько секунд в ужасающих подробностях. Расколовшееся с грохотом стекло, ледяной ветер и дождь. Треск и хруст автомобиля, смятого громадой грузовика. Беспомощные крики Джеймса, ее крик, когда машина перевернулась на крышу и стала вращаться как волчок. Куски открыток, кружившиеся вокруг ее головы, словно порванные крылья фейри.

Роуэн будет помнить, как хотела оградить брата от этого ужаса… и как маленькое уродливое безымянное существо внезапно увеличилось в размерах и, прижавшись к Джеймсу, окутало его пушистым защитным коконом.

В ее памяти останутся мигающие огни и срезанный борт машины; то, как она кричала, когда ее вытаскивали, сломав руку. И ей никогда не забыть то, что будет преследовать ее всегда

и мучить больше всего, – полную тишину в передней части искореженной машины.

3

Рыжая пришла в сознание и сразу почувствовала, что во рту земля. С отвращением выплюнув ее, она потрогала раскалывающуюся от боли голову. На виске вспухала шишка. В проникавших сверху тусклых лучах можно было рассмотреть, что тут вокруг.

Она упала в яму – это ясно. Под ней валялись поломанные ветки и корни, похожие на отрубленные конечности. Все тело болело, будто ее избили. Рыжая провела рукой по земляным стенам ямы и судорожно сглотнула. Влажная земля липла к пальцам. Отовсюду торчали корни разной толщины. Собравшись с духом, она встала и подняла глаза, готовая принять то, чего все больше страшилась: яма могла оказаться Катакомбой Висельника, одной из семи глубоких провалов в лесу, имеющих дурную славу. Катакомбы существуют только в мире смертных или есть и в царстве фейри? Вертевшийся в голове вопрос почти сразу исчез: ветки, которые беспорядочно прикрывали яму, находились не более чем в шести футах над ней.

Сквозь дыру, в которую она провалилась, лился солнечный свет. Нет, это не катакомба. В голове немного прояснилось, и Рыжая стала размышлять логически. Снова проведя руками по земляным стенам, она заметила то, что упустила в первый раз: если не считать корней, стены гладкие, а значит, не сами собой образовались. Яма вырыта с определенной целью.

Это ловушка.

Рыжая села, стараясь успокоиться и не обращать внимания на дрожащие от прилива адреналина руки и ноги. Она попадала в ситуации и похуже и знала, что самое губительное – паниковать. Быстро прикинула размеры ловушки. Диаметр – метра полтора, высота – около трех. Если хорошенько поразмыслить и прикинуть, что тут пригодится, можно выбраться. Рыжая вытащила нож и что есть мочи вонзила в земляную стену. Налегла на рукоять: сидит крепко. Должен выдержать ее вес. С усилием вытащила нож, поднялась и стала искать первую точку опоры.

В темном углу что-то шевельнулось. Рыжая мгновенно замерла. Глупо, но она даже не подумала, что в западне может быть кто-то еще. Напряженно вслушиваясь, шагнула. Кроме шороха под ногами снова какой-то тихий звук. Поскуливание. Она медленно опустилась на колени, взяла упавшую сверху длинную тонкую ветку и стала осторожно разгребать и отодвигать листья. Раз, другой, и Рыжая увидела жалкого

исхудавшего лисенка – одни ребра и шерсть.

Зверек посмотрел на нее в ответ тусклыми глазами, в которых не было надежды, словно уже сдался и ждал смерти. И, похоже, ждать оставалось недолго. У нее мелькнула мысль о воде в фляжке. Но Рыжая заставила себя забыть жалость и отвела взгляд. Нужно спасаться самой. Если лисенок умирает от жажды, значит, он в ловушке уже несколько дней. Ее может постигнуть та же участь.

Вскоре она нашла то, что искала, – толстый корень, выступающий из земляной стены, чуть выше пары футов от дна ямы. Проверила, навалившись всем весом, – держится крепко. Встав на него, стала нащупывать, за что еще можно ухватиться. Ее цепкие пальцы коснулись чего-то холодного и шероховатого: камень, вросший в землю. Ободренная, Рыжая отступила назад. Теперь нужно было воткнуть что-то между корнем и камнем, чтобы получить еще одну точку опоры. Опустившись на четвереньки, она стала шарить вокруг. Идеально годилась бы толстая ветка – палка, которую можно заострить ножом и вбить в стену.

И вот тут Рыжую ждала вторая находка. Роясь в куче сухих листьев, она кое-что нащупала. Еще не видя, она почему-то уже поняла, что это. Достала, поднесла к свету, и по коже побежали мурашки. Желтая туфелька. Детская… расшитая крошечными цветочками. Должно быть, принадлежала маленькой девочке. Малышка… не больше трех-четырех лет, попала в эту яму… сидела одна в темноте… Что с ней случилось? Внезапно Рыжей стало страшно. Она вытряхнула из туфельки грязь и какое-то время просто сидела, уставившись на нее. Туфелька явно лежала тут давно. Кожа местами сгнила, но ярлычок внутри подтверждал – это обувь из мира людей. Рыжая вздрогнула и выронила ее. Ее носил ребенок, ребенок с именем и семьей. Чья-то дочь. Может быть, чья-то сестра. Такой же ребенок, как Джеймс.

Рыжая пыталась убедить себя, что, кто бы (или что бы) ни устроил западню, это наверняка было сделано, чтобы добывать еду, ловить диких животных. Ребенок, скорее всего, упал в яму случайно – но тогда, если малышку спасли, почему туфелька осталась здесь?

Встревоженная, Рыжая взглянула на лисенка. Зверек наблюдал за ней пустыми янтарными глазами. Кем бы ни был вырывший ловушку, ему вряд ли понадобится это жалкое существо – кожа да кости. Даже воронам тут нечем поживиться. Хоть Рыжая и решила, что это ее не должно трогать, она просто не могла позволить ему умереть. Медленно подойдя, она

опустилась на колени рядом с лисенком. Тот посмотрел на нее снизу вверх, попытался отползти и издал что-то вроде слабого рычания. Это обнадеживало – в зверьке все еще теплилась воля к жизни. Рыжая достала из рюкзака фляжку и маленькую жестяную походную миску, из которой обычно ела (когда была еда). Налила в миску немного воды, стараясь не перелить – вдруг бедняга вылакает слишком быстро. Окунула пальцы в воду, дала нескольким прохладным каплям упасть на горячий, сухой нос лисенка, потом поднесла миску прямо к его пасти и отодвинулась. Она сделала все, что могла. Теперь все зависело от лисенка.

Еще поворошив листья, Рыжая нашла крепкий древесный сук. Сломала его каблуком ботинка и принялась обстругивать один конец ножом. Краем глаза взглянула на лисенка. Высунув язык, зверек пытался слизнуть с носа каплю воды.

– Бедняга, – пробормотала Рыжая.

От звука ее голоса уши лисенка чуть дернулись. К ее удивлению, он приподнял голову и потянулся к миске с водой.

– Пей-пей, – шептала Рыжая.

Лисенок окунул морду в миску и начал медленно лакать. Настороженно смотрел на Рыжую и лакал – всего несколько секунд: быстро устав, он опустил голову, чтобы передохнуть, но все же это вселяло надежду.

Рыжая упорно работала, заостряя сначала одну половину сломанной палки, затем другую. Чуть погодя лисенок опять поднял голову, еще немного полакал и опять отдохнул. В его глазах уже показалась искра жизни. Рыжая продолжала сосредоточенно трудиться. Лисенок время от времени пил. Когда миска опустела, Рыжая снова наполнила ее, слушая, как зверек шумно лакает. Ее мучил вопрос: хватит ли воды, чтобы его спасти (ведь тот, кто устроил ловушку, наверняка сжалится над тощим существом и отпустит), или, поддерживая в лисенке жизнь, она только продлевает его страдания? Последнюю мысль она просто отмела. Рыжая была готова привести свой план в исполнение.

Сняв ботинок, она стала каблуком вбивать оструганный колышек в земляную стену примерно на высоте пояса – между корнями и камнем, обнаруженными раньше. С каждым ударом ботинка у нее выступал пот. Когда она закончила, колышек прочно торчал в стене. Добрых несколько дюймов – как раз чтобы поставить ногу. Все еще с ботинком в руке, Рыжая наступила на выступающий корень, ближайший ко дну ямы, ухватилась за толстый корень над головой и влезла на сделанную только что опору. Теперь предстояло более сложное: надо было вбить второй колышек. Только на сей раз, чтобы вогнать его каблуком в землю,

приходилось балансировать и прижиматься к стене ямы. И вот тут-то план дал сбой.

Земля над ней стала осыпаться, обструганный сук обломился и упал на Рыжую. Сверху летели земляные комья, песок попал в глаза. Задержав дыхание, чтобы не вдыхать все это, она еще упорствовала, пытаясь справиться с колышком, но безрезультатно. Выше земля была совершенно сухой, и вбить туда палку не удавалось. В отчаянии Рыжая спустилась, отряхивая грязь с волос и одежды. Ее идея не сработала.

Вытерев пот со лба, она глотнула воды. Теперь воду надо было экономить – непонятно, как долго еще сидеть в яме. Она посмотрела на лисенка и заметила, что тот вроде чуть-чуть оживился, хотя, конечно, был слаб.

– Похоже, у нас с тобой больше общего, чем только имя[4], – сказала Рыжая лисенку. – Мы застряли здесь вдвоем…

Она не успела закончить фразу, как сверху донесся звук. По лесу кто-то шел. Рыжая насторожилась и прижалась к земляной стене, куда падала тень от веток, прикрывающих яму. И тут же вдруг стало совсем темно: что-то загородило дыру, сквозь которую провалилась Рыжая. Затем кто-то стал одну за другой убирать маскирующие ловушку ветки. Ясно, что это не животное и не случайный прохожий. Это был тот, кто устроил западню. Когда свет хлынул в яму, Рыжая поняла: бессмысленно держаться в тени. Через несколько секунд прятаться будет негде.

Она решительно шагнула вперед и подняла лицо к свету.

– Эй! – крикнула она.

На фоне слепящего солнечного света неровно вырисовывался силуэт женщины в капюшоне. Рыжая сразу же узнала ее. Та старуха!

Ею овладели странно смешавшиеся чувства. Слабый проблеск облегчения от того, что ее нашли, омрачался тревогой. Если западня принадлежит старухе, то как ей удалось вырыть яму? Она выглядела слишком немощной для такого. Но, возможно, ловушку давно устроил кто-то другой, а старуха нашла и прибрала к рукам.

Не говоря ни слова, старуха бросила что-то в яму. Опасения Рыжей рассеялись – ей помогали выбраться: это была крепкая веревка с узлами. Она с благодарностью поймала веревку и проверила надежность, сильно потянув. Выдержит. Рыжая быстро подхватила жестяную миску, стоявшую перед лисенком, и сунула в рюкзак. Лисенок теперь сидел прямо, со страхом вглядываясь в свет наверху. Перед тем как подняться, Рыжая в последний раз взглянула на него, надеясь, что убедит старуху отпустить зверька – вряд ли той он нужен.

Сначала ей помогали найденные раньше опоры для ног, однако на полпути весь вес стал приходиться на руки, было так трудно и больно, что даже слезы выступили на глазах. Когда Рыжая добралась до края ямы, ее трясло от изнеможения. Молча стоявшая старуха, лицо которой все так же скрывал капюшон, протянула ей руку. На этот раз у Рыжей не было другого выбора, кроме как принять помощь.

Скрюченные пальцы вцепились ей в запястья, старуха потянула ее ближе к себе и коротко то ли ахнула, то ли вздохнула. Возможно, от тяжести. Рыжую окутала ужасная, приторная волна чужого дыхания. Кажется, все-таки перед этим она слышала радостный вздох. Изо рта старухи несло гнилью и разложением. Рыжая рухнула на колени у ее ног и мельком увидела лицо, скрытое капюшоном. Тонкий красный рот искривился в отвратительной ухмылке.

Мертвой хваткой, будто затягивая петлю, ей вцепились в одну руку, а другую отвели за спину. Рыжая могла лишь наблюдать, как ее скрутили, как ударили по голове…

От этого жестокого удара Рыжая не потеряла сознание, но оглушена была очень сильно. Она рухнула на землю и услышала тихий стон – кто-то страдал от боли. Поняла, но не сразу, что стонала она сама. Раздавался еще один звук: с древесных крон клекотала фейри, похожая на гаргулью. Рыжая беспомощно лежала на боку со скрученными за спиной запястьями и лодыжками. Сил сопротивляться не было. Зрение на мгновение затуманилось.

Потом в глазах чуть посветлело и Рыжая увидела, как старуха, склонившись, что-то вытаскивает из ямы. Пойманный в плетеную сеть лисенок слабо старался выбраться и скулил. Старуха повернулась к Рыжей и тоже набросила что-то на нее, что-то грубое и колючее, плотно скрепила над головой и поволокла по земле. Камни нещадно обдирали ее худую спину, в одну щиколотку что-то впивалось.

– Кто вы? – выкрикнула Рыжая. – Зачем вы это делаете? Отпустите меня!

Старуха не отвечала. Вывернув руки из пут, Рыжая пыталась нащупать нож, хотя уже понимала, что вряд ли он на месте. Наверняка старуха забрала после того, как оглушила ее. Сквозь переплетения мешковины проникал солнечный свет. Голову ломило. Существо продолжало клекотать с деревьев, но эти звуки становились все тише по мере того, как они углублялись дальше в лес.

Когда Рыжая немного оправилась от удара, она стала делать попытки высвободиться. Впрочем, старуха не обращала на это

внимания. Рыжая закричала – тоже ничего, только заболело горло. Она замолчала: раз крики оставили старуху совершенно равнодушной – значит, никто не мог их услышать.

Старуха остановилась, и Рыжей удалось повернуться. Тесный мешок ужасно вонял и был измазан чем-то темным. Прижавшись лицом к грубой дерюге, она попробовала хоть что-нибудь разглядеть сквозь нее и увидела стоящую рядом небольшую деревянную тележку. Старуха открыла заднюю створку тележки, крякнув от усилия, подняла мешок с Рыжей и бросила на плоское деревянное дно. Затем шваркнула что-то на мешок сверху – тощее тельце лисенка скатилось и приземлилось рядом. Стук и щелчок: задняя створка снова была захлопнута и заперта – теперь отсюда не выкатиться и не выпрыгнуть. Над головой что-то заскрипело и загремело, и, попытавшись сесть, Рыжая наткнулась на сетку, которой был затянут верх тележки. Пришлось снова лечь.

– Куда вы меня везете? – закричала она. – Пожалуйста, отпустите! Вы должны меня отпустить!

Ее мольбы остались без внимания. Если старуха их и услышала, то никак не дала знать. Рыжая уловила, что она пошла к передней части тележки. Колеса загрохотали по неровной земле.

Сбоку от Рыжей еле дышал и дрожал от ужаса лисенок. Когда вскоре тележка остановилась, зверек совсем перестал двигаться. Сетка откинулась, и опустилась задняя створка. Что-то заскрипело, кажется, дверь. Мешок с Рыжей вытащили и поволокли через порог по твердому холодному полу. Каменный – догадалась она. Секундой позже мешок открыли – догадка была верной.

Она находилась в старом покосившемся доме. Грубо сложенный из камня, деревянная дверь, маленькие кривые окошки. В дальнем углу на огне булькал огромный черный котел, из него валил густой пар. На ум сразу пришли истории о злых старых ведьмах, живущих в лесу. В доме стоял ужасный запах. Рыжая подняла глаза к низкой соломенной крыше, и ей открылось жуткое зрелище. Стало ясно, откуда исходит вонь.

С балок свисали шкуры животных. Самые разные – большие и маленькие, старые, уже высохшие, и недавно ободранные, с которых еще капало. Шкуры барсуков, кроликов, лис, оленей, белок, еще многих зверей, которых она не распознала. Это было не просто зловоние. Пахло смертью. Деревянные клетки, стоявшие вдоль стен, были набиты животными. Еще живыми. Но их глаза не оставляли сомнений: они понимали, какая судьба их ждет. Они все видели и все знали.

Рыжая изворачивалась, отчаянно пытаясь ослабить свои путы.

Старухи в доме не было – она разгружала тележку. Через минуту вернулась, швырнула мешок поменьше и снова исчезла. Мешок упал на Рыжую, и она поняла, что там лисенок. Изогнувшись, она нащупала сквозь мешок жалкое тельце, все еще теплое, но совершенно неподвижное. Зверек был мертв, как Рыжая и предполагала, но это даже обрадовало – по крайней мере, теперь он не узнает, что должно произойти… в отличие от несчастных, запертых в клетках. В дверном проеме снова показался женский силуэт, Рыжая лежала не шевелясь. Старуха прищурилась, поставила корзину с травами у двери и вышла в третий раз. Рыжая искала глазами то, что могло бы послужить оружием. У очага, рядом с кучкой овощей, она приметила маленький нож. Извиваясь как гусеница, поползла туда по каменному полу, злясь, что очаг от нее в самом дальнем углу. Ей удалось преодолеть лишь полпути, когда позади раздался хриплый смех. Старуха вернулась.

Рыжая напряглась и тяжело сглотнула. Сделав над собой усилие, перекатилась вперед. Старуха наблюдала за ней с недоумением на перекошенном лице. Изгибаясь, изворачиваясь изо всей мочи, Рыжая пыталась приблизиться к ножу. Но двигалась слишком медленно, слишком неуклюже – старуха преградила ей дорогу, схватила за лодыжки и оттащила на середину дома. Затем неспешно откинула капюшон, запустила руку в свои спутанные волосы и отцепила толстый седой клок, позволив ему упасть на пол. Рыжая разглядела в нем маленькие лоскутки, перевязывавшие отдельные прядки, и прикрепленный к крошечной косичке потускневший медальон. Он был раскрыт, внутри помещались два изображения – мужчины и женщины.

В полном ошеломлении Рыжая посмотрела на старую мегеру – и ахнула. Та менялась на глазах. Волосы разглаживались и светлели, пока не приобрели медовый оттенок. Глаза стали янтарными, руки и ноги – более длинными и стройными. В считаные мгновения сморщенная старуха исчезла – перед Рыжей стояла женщина, которую нельзя было назвать старой. Худое лицо, жесткие черты, резкая линия рта.

Совершенно другой человек.

Теперь, сбросив прежнее обличье, женщина двигалась гораздо быстрее. Опустившись на колени, одной рукой она ухватила Рыжую за волосы и запрокинула ей голову назад. Рыжая поморщилась, но сумела сдержать крик. Другой рукой женщина медленно приподняла ей подбородок, будто любуясь, и мягко произнесла:

– Какая дерзкая… Я сразу пришла, как только о тебе услышала. В своем лучшем… наряде, не абы как. Впрочем, тебя

не обманул даже вид беспомощной старушки. – Сделав паузу, она тихонько вздохнула, и Рыжая вновь ощутила исходящий от нее гнилостный дух разложения. – У меня уже давно не было таких молодых. Но я готова к переменам. Ты мне очень… пригодишься.

– О чем вы? – в ужасе воскликнула Рыжая. – Что вы хотите сказать?

Женщина не ответила. Встала, подошла к толстой шкуре, лежащей на полу вроде ковра, и откинула ее. Под шкурой оказался люк. Открыв его рывком, она подняла Рыжую на ноги. Маленькая темная лестница вела вниз, в подвал. Оттуда тянуло сыростью и холодом.

Рыжая покачнулась, ноги были так туго связаны, что косточки на внутренней стороне щиколоток давили друг на друга. Стоя она могла разглядеть дом гораздо лучше, хотя ничто из увиденного утешения не приносило.

К задней стене примыкала большая столешница, вся в темных пятнах. На ней несколько мертвых птиц, некоторые уже ощипаны. Их перья были собраны в стоящую тут же плетеную корзину. В другой корзине громоздилась горка черепов разных животных, рядом – ступка с пестиком, внутри ступки – измельченный в пыль белый порошок. Другие поверхности были беспорядочно заставлены склянками и бутылками с чем-то темным и склизким на вид. На спинке деревянного стула висело недошитое переливчатое платье с воткнутой в ожидании завершения работы иглой. Присмотревшись, Рыжая поняла: ткань платья – сотни и сотни крошечных крылышек бабочек, сшитых вместе. Она уже догадалась: женщина – не кто иная, как ведьма.

– Я не чувствую ног, – взмолилась Рыжая, повернувшись к ней.

Ведьма улыбнулась в ответ и достала из складок своего длинного одеяния что-то острое и блестящее: нож Рыжей. Наклонилась и, резко взмахнув ножом, рассекла путы на ее ногах. Затем, не дав ей времени почувствовать удивление или облегчение, столкнула в подвал, в кромешную тьму. Захлопнула люк и задвинула засов.

Со связанными за спиной руками Рыжая не смогла удержаться на ступеньках. К счастью, падать было невысоко, она тяжело рухнула на левый бок в небольшую кучу влажной вонючей соломы. И, скованная страхом и ошеломлением, была не в силах даже шевельнуться.

Секундой позже ее ждало новое потрясение. Из темноты раздался угрюмый голос:

– Ага… она и тебя заполучила, так?

4

Вздрогнув, Таня проснулась – поезд, громыхая, подъехал к платформе. Ей снова снились фейри. Не те милые и приветливые, которых изображают на картинках в книжках, а совсем другие. Те, что не просто подворовывают, щиплют, лгут и устраивают мелкие пакости. Ей снились фейри, которые похищают человеческих детей, и этих детей больше никто и никогда не находит. Настоящие фейри.

Таня встряхнулась и вытерла пот над верхней губой. Она прекрасно знала, что теперь мало кто верит в фейри. И даже из тех, кто верит, мало кто может их видеть.

Таня знала это, потому что сама видела их.

За окном на маленькой обшарпанной платформе виднелась вывеска «Тики-Энд». У Таниных ног зевнул и почесался коричневый доберман Оберон; чувствуя, что путешествие заканчивается, он поднялся. Таня встала, сняла свои вещи с багажной полки и потащила к выходу из вагона. Вместе с ней с поезда сошли еще несколько пассажиров. Таня ступила на платформу и прищурилась на солнце, лицо обдало октябрьской прохладой. Оберон жадно нюхал воздух.

– Давайте я вам помогу, милая девочка!

Таня позволила дородному дежурному по станции спустить ее сумку с подножки поезда. Наверное, подумалось ей, он не так часто видит тринадцатилетних девочек, приезжающих в одиночку из Лондона в Эссекс. А она и правда впервые ехала одна. Обычно ее привозила мама, но сейчас машину ремонтировали, и мама после уговоров разрешила ей отправиться на поезде.

– Вернулись на каникулы? – спросил дежурный.

Таня покачала головой:

– Нет, я в гости. К бабушке. Пока нет занятий в школе.

– И где же она живет, где-то поблизости?

– В поместье Элвесден, – ответила Таня.

Улыбка застыла на лице дежурного.

– Ну, будьте здоровы. – Он вежливо кивнул и отошел, чтобы помочь другому пассажиру.

Таня молча посмотрела ему вслед. Ничего неожиданного в его реакции не было. Все, кто жил в Тики-Энде, слышали истории, связанные с поместьем Элвесден. О жене первого владельца, которая умерла в сумасшедшем доме, о местной девушке, пропавшей чуть больше пятидесяти лет назад, – многие считали, что ее убил смотритель поместья.

Дом, окутанный тайнами, служил вечным источником слухов

и сплетен. И пересуды были далеко не безобидными. Опороченному смотрителю они отравили жизнь, теперь старик был затворником, никогда не покидавшим третий этаж дома.

Минувшим летом Таня выяснила, что случилось на самом деле, но разве бы ей поверили! Правда заключалась в том, что пропавшая оказалась запертой на полвека в царстве фейри и не могла оттуда выбраться, пока кто-нибудь другой не заменит ее. Для этого, пытаясь вернуться в мир смертных, она загнала в ловушку Таню. Но Тане повезло. Ее спасли… заняв ее место при обмене. При воспоминании о той ужасной ночи внутри у Тани все сжалось.

Присев на ближайшую скамейку, она стала ждать, осенний ветерок теребил ее длинные темные волосы. Против тающего потока пассажиров, расходившихся со станции, к Тане направлялась одинокая фигура мужчины. Обветренное лицо в морщинах, седина на висках, волосы, как всегда, собраны сзади в небрежный хвост. Это был Уорик, нынешний смотритель поместья Элвесден. Остановившись перед ней, Уорик слегка кивнул:

– Хорошо добралась?

Таня пожала плечами и улыбнулась:

– Нормально.

Уорик потрепал Оберона по голове, затем с легкостью взвалил на плечо Танину сумку, и они пошли к стоянке. Проходя мимо билетной кассы, Таня заметила, что на ее спутника неприязненно косятся. Уорик смотрел прямо перед собой и, казалось, не чувствовал недружелюбные взгляды. Таня сердито уставилась на служащих станции, но даже если они и обратили на это внимание, то никак не отреагировали.

Все в Тики-Энде знали, что Уорик работает в печально известном поместье Элвесден. И, кроме того, знали, что он сын Амоса, прежнего смотрителя, которого считали причастным к исчезновению той девушки. Как и Тане, Уорику одному из немногих было известно о существовании фейри. А еще известно о невиновности отца. И, как бы это ни было горько, известно, что жители Тики-Энда не захотят и не смогут принять правду о тех событиях.

Уорик с Таней забрались в видавший виды лендровер, и машина, выехав из города, двинулась по узким извилистым сельским дорогам Эссекса. Летом пышная листва деревьев сходилась над дорогой густым зеленым пологом. Теперь же раскинувшиеся над головой ветки сбрасывали листья, словно ненужные перчатки. Они лежали на земле красновато-коричневым ковром и разлетались из-под колес лендровера

в стороны, будто птицы или фейри.

– Фабиан ждет тебя с нетерпением, – сказал Уорик. – Думаю, хочет вместе походить в Хэллоуин по дворам. «Сладость или гадость» – на пару веселей.

За лето Таня и Фабиан, двенадцатилетний сын Уорика, стали хорошими друзьями. Фабиан тоже знал о том, что Таня может видеть фейри, но не распространялся об этом.

– А еще твоя бабушка недавно наняла экономку, – добавил Уорик.

Они перекинулись еще несколькими фразами и замолчали. Уорик всегда был немногословен, но сегодня, казалось, он полностью погружен в свои мысли. По нему не скажешь, что он обратил внимание на враждебные взгляды в Тики-Энде, но наверняка это не так.

Уорик начал переключать радиостанции. Музыка сменились помехами, затем он нашел новостной канал и спокойно откинулся на спинку сиденья. Таня тоже устроилась поудобнее и стала смотреть в окно. По ней, так лучше бы оставалась музыка. Однако через несколько минут она вскинула голову.

– Найден ребенок, пропавший в октябре прошлого года, – сказал диктор.

Таня прибавила громкость.

– Что там? – спросил Уорик, но Таня едва его расслышала.

– Лорен Марш пропала из кондитерской в Саффолке. Сегодня ее нашли целой и невредимой недалеко от места, где она исчезла. В связи с этим, а также с двумя другими похищениями разыскивается сбежавшая Роуэн Фокс четырнадцати лет. Сегодня подтвердилась информация, что в феврале прошлого года бесследно пропал младший брат самой Фокс, когда они вдвоем были в детском доме. Фокс никто не видел с июля. Вопрос о ее местонахождении и безопасности остается открытым.

Далее прозвучал номер телефона для тех, кто обладает какой-либо информацией по поводу похищений, и диктор перешел к следующей теме.

Таня закусила губу. Краем глаза она заметила, что Уорик взглянул на нее, на миг оторвавшись от дороги. Вскоре лендровер замедлил ход и остановился на обочине.

– Это она, да? – тихо сказал Уорик. – Роуэн Фокс. Та, что тебя спасла. Заняла твое место. Та, что называет себя Рыжей.

Таня кивнула. Льдисто-голубые глаза Уорика были прикованы к дороге, рот сжат в тонкую линию.

– Как она могла вернуть ребенка, если осталась в царстве фейри? Что-то не сходится.

– Да, это не Рыжая, не она вернула настоящую Лорен Марш, –

отозвалась Таня. – В царстве фейри она будет искать только своего брата – я уверена. Но она говорила, что есть те, кто тоже этим занимается, контактировала с ними. Видимо, Лорен вернул кто-то другой.

– Так она… не связывалась с тобой?

– Нет. Мы могли общаться только через поместье.

Уорик медленно выдохнул и покачал головой.

– О чем вы думаете? – спросила Таня.

Лицо Уорика было бесстрастно.

– Думаю, она все еще там, в царстве фейри. И думаю, что у нее самой большие неприятности. И тут, и там. – Он завел мотор.

– И тут, и там? Вы имеете в виду… здесь и… в царстве фейри?

– Именно.

– Как вы считаете, она найдет брата?

Уорик ответил не сразу.

– Найти его – это одно дело. А вот вернуть… совсем другое.

Последние десять минут пути прошли в тишине. Наконец лендровер въехал в распахнутые железные ворота, по обе стороны которых с колонн свирепо взирали каменные гаргульи. Впереди виднелось величественное, заросшее плющом здание – поместье Элвесден.

Уорик припарковал машину сбоку от дома, рядом со своей маленькой мастерской. По дорожке из гравия, хрустевшего под ногами, они с Таней и Обероном направились к главному входу. Пока Уорик вытаскивал ключи, Таня рассматривала окна, увитые плющом. Огромный дом – почти двадцать спален – был слишком велик для своих немногочисленных обитателей. Но бабушка решительно отказывалась переезжать в жилище поменьше и хотела, как она сказала, чтобы дом в свое время достался Тане. Помня о его прошлом, Таня все еще не решила, как относиться к этой перспективе.

Внушительная старая входная дверь скрипнула, когда Уорик толкнул ее, и они зашли в темный коридор. Таня принюхалась и сморщила нос. Она привыкла, что в доме пахнет затхлостью, но сегодня здесь стоял другой, незнакомый запах, какой-то приторный и синтетический, похожий на полироль для мебели или освежитель воздуха. Миновали лестницу. На небольшой площадке на полпути ко второму этажу стояли дедушкины напольные часы, тиканья слышно не было, но изнутри раздавались слабые звуки какой-то возни. Таня уловила голоса живших там фейри.

– Только не снова она!

– Та хитрая девчонка? Уже?

Уорик искоса взглянул на нее и, направляясь к лестнице, сказал:

– Я отнесу сумку к тебе в комнату.

– Спасибо, – поблагодарила Таня и пошла на кухню, Оберон следовал за ней по пятам. – Вещи позже разберу.

Из кухни доносились голоса. Таня стремительно влетела в дверь. Ее бабушка Флоренс, женщина лет шестидесяти пяти, повернулась к ней навстречу, и улыбка осветила ее тонкое лицо.

– Наконец-то! А мы думали, когда же ты появишься! – Воскликнула она, шагнула вперед и поцеловала Таню в щеку. – Это Нелл, наша новая экономка.

За кухонным столом сидели двое. Одним из них был Фабиан, сын Уорика, – высокий худой мальчишка с непослушными светлыми волосами. Все еще в школьной форме, только галстук ослабил. Он широко улыбался, в голубых глазах под очками с толстыми стеклами плясали озорные огоньки. Перед ним лежала большая тыква. Фабиан наклонился и потрепал Оберона, который устроился под столом, довольно хрустя косточкой – Флоренс приберегла для него угощение в коричневом бумажном пакете.

Еще за столом сидела женщина, наверное, самая странная из всех, что Таня встречала. Лет вроде чуть за пятьдесят. Похожие на жесткую коричневую солому волосы беспорядочной кучей лежали на пухлых плечах. Верхняя половина ее фигуры, весьма пышная, выглядела на удивление несоразмерной по сравнению с нижней. Двойной подбородок, округлый живот, массивное седалище – и внезапно тонкие ноги, которые, казалось, не могут выдержать такой вес. Мешковатая аляповатая блузка и обтягивающие легинсы, какие обычно носят гораздо более молодые женщины, только подчеркивали странность ее фигуры. Все это дополнял облупившийся лак на сильно обстриженных ногтях рук и потертые розовые шлепанцы, из которых торчали короткие пальцы.

– Здравствуйте, – вежливо сказала Таня.

Нелл лучезарно улыбнулась, когда Флоренс поставила перед Таней чашку дымящегося чая. Сделав глоток, Таня взглянула на Фабиана, который на клочке бумаги рисовал эскиз будущей тыквы – так сосредоточенно, что высунул кончик языка. Она пересела ближе и стала рассматривать рисунок.

– Хочешь со мной вырезать? – спросил Фабиан.

Прежде чем Таня успела ответить, заговорила Нелл.

– Немного рановато, не так ли? – Ее голос был пронзительным и чересчур громким. – Она же протухнет

к Хэллоуину, если в#резать сейчас!

– Я пока не вырезаю, – ответил Фабиан. – Просто разрабатываю узор.

– Хм… – Нелл сморщила носик и прищурилась, разглядывая рисунок, будто не могла разобрать, что там изображено.

В этот момент в коридоре зазвонил телефон. Флоренс вышла из кухни, но уже через мгновение вернулась.

– А это все же не телефон, – сказала она. – Это твоя птичка, Нелл. Очень похоже имитирует звонок.

– У вас есть птица? – спросила Таня. – Какая?

– Жако, африканский серый попугай, – ответила Нелл.

– Почему бы не принести его сюда? – предложила Флоренс. – Он весь день просидел взаперти в гостиной.

– Как его зовут? – спросила Таня.

– Генерал Карвер. – Нелл просто раздувалась от гордости. – Хорошо, давайте принесем, только вот собаке лучше не подходить к нему слишком близко.

Она побежала по коридору в гостиную. Раздался звук открывающейся двери, затем скрип колес. Мгновение спустя появилась Нелл, она катила большущую – выше и в два раза шире ее самой – серебристую клетку.

– Вот мы и здесь, дорогой. Так-то лучше, правда? – промурлыкала она, ставя клетку у плиты, и, махнув рукой, подозвала Таню.

– Разве не красавчик?

Таня с опаской заглянула в клетку. «Красавчик»? Она не назвала бы его так. «Зловредный» – подходило больше. Генерал сидел на деревянном насесте неподвижно, как статуя. Совершенно серый, за исключением изогнутого черного клюва и нескольких красных перьев в хвосте. Попугай уставился на нее холодными желтыми глазами, сузившимися до точки.

– Скажи ему что-нибудь! – Нелл восторженно подталкивала Таню. – Ты ему нравишься, я вижу.

– По нему не скажешь, что ему вообще кто-то нравится, – проговорил Фабиан. – Даже вы. Выглядит так, будто хочет выклевать кому-нибудь глаза.

Таня в глубине души согласилась.

– Почему вы назвали его Генерал Карвер? – спросила она.

– Ну, – щеки Нелл покраснели, – я дала ему имя в честь своего близкого друга… генерала Реджинальда Карвера. Это была любовь с первого взгляда. Знаешь, в свое время я была довольно привлекательна.

Фабиан громко кашлянул, но Нелл, не обратив внимания, продолжала:

– Все закончилось внезапно.

– Он умер? – спросила Таня.

– Нет, – сказала Нелл. – Вернулся к своей жене.

Флоренс неодобрительно фыркнула.

– Значит, вы не были женаты? – спросил Фабиан.

– В общем, да, по большому счету… – кивнула Нелл. – Он был парень что надо, мой Реджи. На него можно было положиться. Преставился в прошлом году.

От необходимости как-то отреагировать Таню спас оглушительный вопль Генерала. Оберон, который наконец набрался смелости и поднял нос к клетке, чтобы получше понять, что за странное существо там внутри, отскочил и спрятался под столом.

Нелл хихикнула. Генерал тоже хихикнул.

– Как грубо, – сказал он, идеально подражая голосу Нелл. – Как грубо! Самонадеянный выскочка!

– Мой умный мальчик, – пропела Нелл.

Генерал принял презрительный вид и встопорщил перья, отчего стал казаться вдвое больше.

– Смотрите, – восхитилась Нелл. – Он в своих доспехах!

– Шалтай-Болтай сидел на стене! КАК ГРУБО! – взвизгнул попугай, надуваясь еще больше. – Хулиганство, вот что это такое!

Внимание Тани привлекло чуть заметное движение. Крышка стоявшей на столешнице чайной коробочки приподнялась, и оттуда показалось маленькое сморщенное личико старого брауни, который там жил. Он сердито моргнул и пригрозил Генералу тростью, затем снова зарылся под пакетики с чаем и захлопнул крышку. Таня переглянулась с бабушкой. Флоренс тоже обладала вторым зрением, но больше никто из присутствующих этого не увидел – точнее, не мог увидеть. Кроме брауни на кухне жила еще только одна фейри – застенчивая маленькая фея очага, что пряталась сейчас за ведром для угля, Таня видела ее несколько минут назад.

– Спорим, я сумел бы научить его парочке новых словечек, – заявил Фабиан.

– Лучше тебе этого не делать, – ответила Нелл. – Если он начнет ругаться, я буду точно знать, кто виноват, и вымою тебе рот с мылом!

– Как вы могли подумать, что я на такое способен! – притворно возмутился Фабиан.

– Уверена, он отнесется с уважением к твоим пожеланиям. – Флоренс пристально посмотрела на Фабиана. – Не так ли, Фабиан?

В ответ он лишь неопределенно хмыкнул.

– Чертов вредитель! Чертова зараза! – сказал Генерал.

По выражению лица Нелл было ясно, что она с ним согласна.

Тем же вечером, после ужина, когда Таня разобрала свои вещи и выгуляла Оберона в саду за домом, все, кроме Уорика, собрались на кухне у огня. К счастью, клетку Генерала накрыли темной тканью и увезли на ночь в другую комнату. Оберон растянулся на полу и тихо посапывал. Флоренс вязала для благотворительной распродажи, щелкая спицами и время от времени отвечая на вопросы Нелл о доме. Таня смотрела на языки пламени в очаге, то прислушиваясь к разговору, то думая о Рыжей и новостях, прозвучавших по радио. Она хотела обсудить это с Фабианом и несколько раз намекала, что надо бы выйти из комнаты. Однако Фабиан, лежа на коврике рядом с Обероном, добивал домашнее задание – хотел с ним быстрее разобраться и уже спокойно наслаждаться каникулами. То и дело он жаловался, что у Оберона изо рта плохо пахнет, и с отвращением отворачивался.

– Куда ведет эта лестница? – спросила Нелл, ее веки отяжелели от сильного тепла.

Таня посмотрела на старую винтовую лестницу рядом с плитой. Она изгибалась вверх полукругом и исчезала за перегородкой.

– Раньше вела на второй и третий этажи, – объяснила Флоренс. – Много лет назад ею пользовались слуги. Однако сейчас она перекрыта.

Таня и Фабиан тайком переглянулись. Из кухни на старую лестницу правда было не попасть, однако Флоренс умолчала, что туда все еще можно выйти через потайную дверь на третьем этаже. Летом Таня с Фабианом обнаружили эту дверь и, без ведома Флоренс и Уорика, исследовали лестницу для прислуги.

Со двора на кухню вошел Уорик, а с ним ворвался холодный ветер, принесший несколько опавших листьев. Уорика не было дома весь день, он замерз, устал и проголодался.

Повесив пальто на дверь сзади, он направился к духовке, где его обычно ждала еда. Но Флоренс поднялась со своего места:

– Позволь мне. Пока ты посмотришь, как там Амос, я приготовлю чашечку свежего чая и подам тебе ужин.

Усталое лицо Уорика просветлело. Он облизнул губы и отправился наверх к старику отцу. Спустя несколько минут вернулся и сел за стол.

– Сегодня у нас рагу, – сказала Флоренс, отрезая два ломтя подсохшего хлеба.

– С клецками? – весело спросил Уорик.

– С клецками, – кивнула Флоренс, открывая духовку. – Ох!

– Что такое?

– Ничего нет… – Флоренс пребывала в явном замешательстве. – Я оставила рагу в духовке, чтобы не остыло, и оно куда-то делось!

Нелл села, внезапно занервничав. Потом тяжело поднялась со стула и неуклюже направилась к Флоренс.

– Ну… видите ли, э-э-э… – начала она. – Я думала… ну, то есть я предположила, что… о господи…

– Так что же? – Глаза Флоренс сузились.

– Я думала, это для старика, – сказала Нелл. – Для Амоса. Думала, там его еда… а он не захотел… И, ну, я все равно мыла посуду, поэтому…

– Где рагу? – резко спросила Флоренс.

Все взгляды были прикованы к экономке, а она очень медленно повернулась к Оберону.

Кроме потрескивания огня было слышно, что в животе собаки громко булькает.

– Ох! – воскликнула Флоренс.

– Оно уже подсыхало! – пискнула Нелл.

– Ты отдала мой ужин собаке? – Голос Уорика прозвучал подобно грому.

– Откуда, черт возьми, мне было знать, что он твой? Откуда?

– Но я же говорила, Нелл! – вспыхнула Флоренс. – И вроде достаточно ясно объяснила порядок приема пищи: Амос ужинает очень рано, и об этом заботится Уорик!

Казалось, Нелл вот-вот расплачется.

– Кроме прочего, я очень люблю рагу… – Уорик оторвал взгляд от лежащих перед ним двух кусков хлеба и свирепо посмотрел на экономку.

– Ну, сделанного не воротишь, – заключила Флоренс. – И, Нелл, пожалуйста, не поступай так больше – ужасное расточительство! К тому же в рагу было полно лука, желудку Оберона это ни к чему.

– Он и так толстый, – добавил Фабиан и немедленно ойкнул – Таня ткнула его локтем в бок.

Нелл горестно кивнула:

– Тогда я прямо сейчас пойду спать, хорошо?

– Спокойной ночи, – отрывисто произнесла Флоренс.

Когда звук шагов экономки стих. Уорик подошел к тостеру, засунул туда два куска хлеба и открыл банку фасоли.

– Она точно чудная, – сказал он. – О чем вы думали, когда нанимали ее?

– О, не знаю! – раздраженно ответила Флоренс. – Встретила на рынке, мы разговорились. Она рассказала, что ее только что уволили, и я ее пожалела. Ей нужна была работа и крыша над головой, а нам – экономка. Казалось, все идеально складывается.

– От нее будет больше неприятностей, чем пользы, – мрачно подвел итог Уорик. – Попомните мои слова!

5

В сером и холодном викторианском здании, куда отвезли Роуэн и Джеймса, пахло дезинфекцией и сырыми постелями. Раньше это была школа. А теперь – детский дом.

Пока они добирались, Роуэн совершенно одеревенела. На ней висел Джеймс, положив голову на плечо. Нести его одной здоровой рукой было тяжело, она уже почти отваливалась. Последние сутки малыш непрерывно плакал и звал маму, а если кто-то пытался его забрать у сестры – кричал. Потому-то он все время был с ней: и когда их осматривали в больнице после аварии, и когда ее расспрашивали о произошедшем, и когда знакомили с социальным работником, молодой женщиной по имени Элли.

Элли осторожно дотронулась до свободного плеча Роуэн:

– Хочешь, я его возьму?

Роуэн покачала головой. Ее рыжие волосы свисали сальными прядями, а глаза опухли и были липкими от слез.

– Он проснется.

Элли повела их к задней части здания, и они остановились у облупившейся двери, из-под которой пробивался тусклый свет. Поставив чемодан с их вещами, Элли постучала. Дверь отворилась почти сразу. Седой мужчина пригласил их зайти и разместиться у стола. Роуэн села, радуясь, что можно немного передохнуть от тяжести Джеймса. Она переложила малыша на руках поудобнее – и запахло грязным подгузником. Седой мужчина доброжелательно посмотрел на нее, и, хотя нос его тоже дернулся, ничего не сказал. Элли присела рядом с Роуэн.

– Понимаю, что это ужасное время для вас обоих, – начал мужчина. – И уже поздно, так что я буду краток.

Роуэн взглянула на настенные часы за спиной мужчины. Почти десять вечера.

– Меня зовут Джон Темпл, и моя работа – следить за тем, чтобы все здесь шло хорошо и все были счастливы.

Роуэн слышала его слова, но они казались ей пустыми. Конечно, он хотел как лучше, но эта его фраза про счастье совершенно бессмысленна, потому что она никогда не будет здесь счастлива. Да и вообще вряд ли будет счастлива.

– В ближайшие дни вы познакомитесь с воспитателями, нянечками, со всеми, кто здесь работает. Элли будет приходить к вам, и мы, разумеется, станем подыскивать для вас с Джеймсом что-то более постоянное.

– Вы имеете в виду приемную семью? – спросила Роуэн.

Джон Темпл кивнул:

– Да. Приемная семья – это вполне возможно. Впрочем, мы еще рассматриваем все варианты с дальними родственниками.

– Вам удалось связаться с моей тетей Роуз?

– Нет, контакт с вашей тетей мисс Уивер пока не получилось установить, но не сомневайся: мы будем пытаться дальше.

– Ее дом похож на зоопарк, – сказала Роуэн. – Там странно пахнет. Шесть кошек, три собаки и даже два гуся. В конце концов ее выселят, так мой папа говорит… говорил. – Последнее слово занозой впилось ей в горло, подступившие слезы жгли глаза, и она быстро продолжила: – А еще в саду утки и коза…

Теперь она уже плакала.

– Тихо-тихо, дорогая, – успокаивала Элли.

– Можно нам сейчас лечь спать? – прошептала Роуэн, крепче прижимая Джеймса. – Пожалуйста.

– Да, конечно. – Джон встал. – Надо отвести вас наверх.

Наверху было немногим лучше, чем внизу. Чисто, но все какое-то обшарпанное, ковровое покрытие потертое, стены явно нуждались в покраске. Джон вел их по тускло освещенным коридорам, Элли тащила чемодан, который чуть слышно погромыхивал по ковру. Перед приоткрытой дверью Джон остановился и тихо сказал:

– Тебе приготовлена постель. На сегодня для Джеймса тут тоже есть кроватка, но завтра его переведут в детское отделение, где такие же малыши. Ванная комната налево, через две двери. Тебя разбудят в половине восьмого, завтрак в восемь. – Он сочувственно улыбнулся. – Постарайся отдохнуть. Это хорошее место. Одно из лучших.

Пожелав спокойной ночи, Джон ушел, оставив Роуэн, Элли и Джеймса. Роуэн толкнула дверь спальни. Луч света из коридора проник внутрь и высветил две кровати – односпальную побольше и маленькую детскую. Сбоку стоял узкий платяной шкаф, рядом с ним – письменный стол с выдвижными ящиками и стул. Все пусто и голо.

Элли тихо опустила чемодан на кровать и открыла. Роуэн достала оттуда кое-какие вещи. Все, что могло понадобиться сейчас, лежало сверху – так посоветовала Элли. Роуэн вынула косметичку, где было собрано все для умывания, и ночную рубашку, взяла полотенце, сложенное на кровати.

Ванная была просторной и холодной. Роуэн наполнила раковину горячей водой, пар затуманил воздух, и зеркало над раковиной запотело. Вместе с Элли они сменили Джеймсу подгузник, вымыли ему лицо и руки. Затем Элли, несмотря на протесты Джеймса, унесла его, чтобы переодеть в пижамку, и Роуэн умылась сама. Из-за сломанной левой руки это получилось

не так быстро.

Дрожа от холода, она посмотрела на душевую кабину. С гипсом приходилось ограничиваться раковиной.

Вдруг из сливного отверстия в ванне донеслось бульканье. Из темноты на Роуэн уставились сверкающие желтые глаза. За ней наблюдали, и это мог быть только фейри. Из отверстия показались пальцы, похожие на лягушачьи, и сгребли покрытые мыльной пеной волосы, которые собрались в стоке. Чавкающие звуки подсказали: существо съело эти волосы. Роуэн ахнула от отвращения. Но существо не обратило внимания – чавканье продолжалось.

Отвернувшись, Роуэн переоделась в ночную рубашку и выключила свет в ванной. Элли уже уложила Джеймса в кроватку и собиралась уходить. В коридоре она шепотом попрощалась, пообещав Роуэн прийти завтра. Роуэн шагнула в темную спальню, но не стала плотно закрывать дверь. Слышно было, как внизу шепчутся Элли и Джон, затем открылась и закрылась входная дверь, и здание погрузилось в тишину.

Роуэн легла в ледяную кровать, ее пробирала дрожь. В детской кроватке ритмично дышал Джеймс; измученный, он уже крепко спал. Она оглядела комнату. В углу стоял чемодан. Там было только самое необходимое, ничего личного, важного для нее, кроме одной вещи – старой книги сказок, которая принадлежала ее матери. Роуэн настояла на том, чтобы взять сказки с собой. Все остальное, ее любимые книги и игрушки Джеймса остались дома.

Только это был уже не дом, больше нет. Теперь это было просто помещение, где когда-то жила семья. Роуэн задыхалась от горя и потому не сразу заметила, что дверь спальни медленно, беззвучно отворялась. Она замерла: не то ли это странное существо из ванной… Но когда дверь открылась шире, в щель просунулась маленькая рука, а затем и лицо, окруженное облачком непослушных волос. В следующее мгновение над этим лицом появилось второе – точно такое же, только с коротко остриженными волосами. «Близнецы, – подумала Роуэн, – лет восемь-девять». Она быстро прикрыла глаза и стала наблюдать за ними сквозь ресницы.

– Видишь? – прошептала одна. – Я же говорила, что у нас новенькая.

– Ты давишь мне подбородком на голову! – пожаловалась другая.

– Тихо!

– Сама ты тихо! Разбудишь ее!

– А ты разве не хотела ее разбудить?

Первая близняшка пожала плечами.

– Новенькая? Ты не спишь?

Роуэн не ответила. Ей просто хотелось, чтобы ее оставили в покое. Но близнецы не собирались так легко сдаваться.

– Новенькая? Как тебя зовут?

– Отстань от нее, она спит, – прошептала другая.

Роуэн услышала, как одна из девочек сделала шаг в комнату.

– Смотри! Там малыш – сказали, что у нее есть брат.

– Кто сказал?

– Джон. Я слышала, как он разговаривал с Элли. Они попали в автомобильную аварию. Их мама и папа погибли.

На мгновение воцарилась тишина.

– Бедные…

– Ладно. Давай вернемся в кровать.

– Подожди минутку, – прошептала другая.

– Что ты делаешь?

– Положу ей мистера Боунса.

Девочка подошла, и Роуэн зажмурилась крепче. Сердце бешено стучало. «Что за мистер Боунс? – подумала она. – Какая-то детская проказа, которую устраивают новеньким в первую ночь?»

– Зачем?! – прошипела первая близняшка. – Ей не понравится эта вонючая старая штуковина!

– Нет, понравится, – вызывающе прошептала вторая, приближаясь. – С ним ей будет лучше. Ты помнишь нашу первую ночь здесь? Первая ночь – самая ужасная.

Роуэн старалась дышать глубоко и убедительно, как будто крепко спит. На подушку рядом с ее лицом что-то положили – теплое, мягкое и чем-то пахнущее. Не шевелясь, она вдыхала этот запах. И только когда убедилась, что близнецы ушли, открыла глаза.

На подушке лежала мягкая игрушечная собачка. Сильно потрепанные уши, одно длиннее другого. Вся в пятнах, скатавшаяся, без одного глаза и хвоста. Собачка выглядела как игрушка, которую всегда любили больше всего.

Роуэн обняла собачку, прижимая к подбородку. Горячие слезы текли по ее лицу и впитывались в мистера Боунса. Она уткнулась лицом в подушку.

Близнецы не ошибались. Первая ночь действительно была самой ужасной.

6

Шок почти обездвижил Рыжую, сидящую в темном подвале. Она напрягла слух: может, почудилось?.. Но нет. Голос раздался снова – тихий, изнуренный, протяжный:

– Простите, мы не подготовились к вашему прибытию. Мы были несколько… скованы.

Рыжая попыталась разглядеть хоть что-то в кромешной темноте – ничего не видно. Голос звучал совсем рядом.

– Сколько вас здесь? – спросила она, вслушиваясь, не подаст ли кто-то еще признаки жизни.

– О, нас здесь немного… – медленно произнес голос с легким смешком. – Но я единственный, с кем ты сможешь хоть как-то побеседовать.

У Рыжей зашевелились волосы на голове. Говорил явно взрослый мужчина. Что-то вроде лукавства, звучавшее в голосе, настораживало.

– Кто вы? – спросила она, передвинувшись на влажной соломе. От этого в воздухе запахло чем-то едким. В носу и горле запершило.

Голос подождал, пока она откашляется.

– Зови меня Элдрич.

Вот снова: чувствуется такая же хитреца. Отсюда Рыжая сделала два вывода: во-первых, тому, кто (или что бы там ни было) сидел напротив, нельзя доверять. Имя, которое он назвал, ненастоящее, и свое имя ей ни в коем случае нельзя раскрывать. Во-вторых, раз сидящий напротив утаивает свое истинное имя, это наверняка фейри. Догадку подтвердили его следующие слова:

– А как твое имя?

Никогда не называйте им своего имени… потому что они наверняка никогда не назовут вам своего. Имена обладают огромной силой.

– Зови меня Рыж.

– Мудро… – заметил голос, теперь в нем звучало меньше лукавства и больше осторожности. Если кто-то скрывает свое имя, значит, кое-что знает о царстве фейри и не просто так сюда забрел.

Глаза Рыжей привыкли к темноте. Сквозь щель в люке в подвал пробивался луч света – не такая уж и полная темнота, как показалось сначала. Перед ней смутно вырисовывалась какая-то фигура. Деталей не различить, но видно, что одна рука прикована к стене.

Она отвернулась от вонючей соломы.

– Тоже умно. Приземлиться можно было по-разному, а тебе удалось наименее… удачно, – язвительно заметил Элдрич.

Рыжую передернуло от отвращения. Вот отчего так воняло от соломы, а теперь и от нее самой – куча служила отхожим местом. Она поборола позыв к рвоте.

– Как долго вы… ты здесь, в подвале? – спросила Рыжая. – Когда она тебя поймала… и кто она такая? Чего она хочет…

– Немного терпения, – прошептал Элдрич. – Пожалуйста, я устал и очень слаб. – Он внезапно закашлялся. – По одному вопросу за раз.

– Времени нет! – прошипела Рыжая. – Нужно выбираться отсюда и бежать от этой… этой твари, не хочу даже знать, что она нам уготовила! Я видела там, наверху, этих несчастных – или то, что от них осталось, – не думаю, что у нее на уме что-то хорошее!

– Мы не сможем сбежать, – безучастно ответил Элдрич. – Отсюда никто никогда не сбежал.

Лежа на боку, Рыжая пыталась привести мысли в порядок. От страха в голове был туман. Она заставила себя сделать несколько размеренных вдохов, чтобы успокоиться и думать яснее. Затем перевернулась на спину, немного качнулась взад-вперед и завела руки как могла ниже.

– Ладно – сказала она, двигая связанными запястьями. – Тогда расскажи все с самого начала. Кто она или что? Женщина наверху?

Глаза Элдрича сверкнули.

– Ее называют Заокраинной Ведьмой, – тихо произнес он. – Никто не знает ни ее настоящего имени, ни откуда она родом. Но многие о ней слышали. Из-за нее эта часть леса такая пустынная и зовется Мертвым Лесом – из-за нее! Ничто здесь долго не живет. Мало кто может от нее спастись.

Рыжая охнула, продолжая попытки перетащить руки из-за спины вперед. Задача была непростая.

Замолчав, Элдрич с любопытством наблюдал.

– Дальше? – Рыжая сделала передышку, чтобы унять боль в запястьях.

– Она создает наваждения, торгует черной магией. Шкуры зверей наверху – не просто одежда после того, что она с ними делает. Наденешь такую шкуру, кошачью или лисью, – станешь кошкой или лисой. Она колдовством извлекает сущность животного – душу, если тебе так больше нравится, – и заточает ее в шкуре. И это не хрупкие, поверхностные чары, которыми можно одурачить лишь обычных людей. Ее чары действуют безотказно – даже глаза фейри не распознают обман. Она мастер своего дела.

– Она и сама меняла обличье, – перебила Рыжая. – Когда нашла меня, была старухой… Выглядела безопасно. А потом… в доме, все это как-то улетучилось. Она стала… моложе.

Элдрич кивнул:

– Вот так она и делает… так дурачит людей.

Рыжая снова качнулась взад-вперед, подтягивая связанные за спиной запястья все ниже.

– Давно она тебя поймала?

– Три, может, четыре луны назад. Я потерял счет времени. Мы с моим товарищем попали в ее ловушку.

– У тебя был товарищ? Что с ним случилось?

– Он вон там. – Элдрич слегка мотнул головой в сторону.

Посмотрев туда, Рыжая разглядела темную безмолвную фигуру. Как и у Элдрича, рука в кандалах прикована к стене. Голова наклонена вперед, лица не видно.

– Он не двигается…

– Он перестал двигаться две недели назад.

– Две недели? Разве ты здесь не всего три или четыре дня? Если только… О, нет… Когда ты сказал «три или четыре луны», показалось, что ты говоришь о ночах. Но нет… ты имел в виду месяцы, так?

Элдрич медленно кивнул, и ее кинуло в дрожь.

– Зачем? – прохрипела Рыжая. – Чего она от нас хочет? Зачем держит нас в подвале?

– В основном пленники ей для торговли. Сейчас она разберется с твоими… достоинствами. Потом подождет, когда на них найдется покупатель.

– Не понимаю…

– Кто-то придет к ней, скажем, тот, кто потерял зрение и хочет вернуть. Ведьма может помочь в этом – точнее говоря, может отдать ему твое зрение. Разве есть что-нибудь лучше пары молодых, здоровых глаз?

Рыжая ахнула от ужаса, но Элдрич только начал.

– Или кто-то другой, кто прекрасно видит… но у него глаза красные или желтые, а он стремится сойти за человека… или просто скучает и хочет перемен…

– Прекрати! – воскликнула Рыжая. – Это неправда, не может быть правдой!

– Однако это так… – Тема увлекла Элдрича. – Требуется лекарство от облысения? У Заокраинной Ведьмы есть волосы на любой вкус! Всего-то нужно подождать, когда появится подходящий источник. А как насчет певучего голоса? Просто отрежьте язык мальчику из церковного хора – и он сделает благозвучным даже кваканье жабы!

– Прекрати!

– Или, чтобы насолить врагу, покупаешь высококачественное проклятие – скажем, сердце, полное ненависти, – зарываешь в каком-нибудь укромном уголке там, где живет враг. Или хочешь наслать эпидемию бородавок, поставщиком которой я и стал… – Элдрич наконец остановился, чтобы перевести дух, и безумно хихикнул. – Ведьма была довольна… чего не сказать о моем большом пальце, бородавки-то были на нем.

Он помахал четырехпалой рукой и замолчал – внезапный прилив энергии иссяк.

Рыжую трясло от страха и ярости.

– Меня ей не получить. Не позволю использовать себя для ее колдовства!

– У тебя нет выбора. Я же говорил, отсюда не сбежать. Никто от нее не уходит целым и невредимым. И в любом случае, похоже, у нее на тебя другие планы.

– Все когда-нибудь случается в первый раз… – начала Рыжая, но замолкла. – Что значит «другие планы»? Какие планы и откуда ты знаешь?

– Я услышал, что она сказала перед тем, как сбросить тебя сюда. Ты станешь ее новым обличьем.

7

Ожидания Уорика по поводу Нелл вскоре подтвердились. Назавтра экономка сделала то, что привело к большим неприятностям.

День начался вполне обычно, хоть и с одним заметным отличием. Когда Таня проснулась, стояла полная тишина. Из комнаты Амоса на третьем этаже не слышалось его гневных воплей. В доме царил покой. Таня подумала о том, как прошлым летом узнала, что розмарин, если правильно его применять, обладает способностью удалять из памяти мысли о былом. Они мучили Амоса, и Таня предложила избавить его от тягостных воспоминаний. Тишина в поместье подтверждала, что прошлое больше не терзает старика.

Таня вошла на кухню, и к ней сразу восторженно подскочил Оберон. Здоровенные лапы так тяжело опустились девочке на плечи, что она даже застонала. Пес уткнулся горячим носом ей в лицо, стало щекотно, и она со смехом его отпихнула.

– Он и со мной то же проделал. Только прямо перед этим прибежал из сада, – проворчал Фабиан от плиты. На его джемпере виднелись грязные отпечатки лап.

– А что ты там притаился? – спросила Таня.

– Да так, пустяки. И вовсе не притаился.

– Точно притаился. Ищешь фею очага, да?

Фабиан пожал плечами:

– Может быть.

– Я же тебе говорила: она застенчивая. Если хочешь увидеть фейри, лучше открой чайную коробочку. Брауни всегда там, но только осторожно, а то куснет.

– Уже открывал. – В голосе Фабиана слышались печальные нотки. – Я его не вижу. Наверное, потому что использовал остаток капель Безумной Мораг, на оба глаза не хватило.

– Ты уже все растратил?

– Мне было любопытно… Их так много в доме.

– Просто растратил! – заключила Таня.

Неподалеку, в Лесу Висельника, жила старая цыганка. Этим летом видения подсказали ей, что Таня и Фабиан столкнутся с опасностями. Она решила помочь им и снабдила несколькими вещами. Фабиан получил маленький стеклянный флакон с мутно-зеленой жидкостью: закапав по капле в каждый глаз, он на время обретал второе зрение. Еще она дала серебряные ножницы, способные разрезать практически все, и компас, всегда указывающий дорогу к дому. В ту ночь, когда Таню едва

не заточили в царство фейри, подарки Мораг помогли ей и Фабиану спастись. Однако с тех пор Таня не видела ножниц. Они исчезли вместе с Рыжей. Теперь закончились и глазные капли Фабиана, остался только компас.

– Я тут вспоминала о компасе… – сказала Таня.

– И что? – Фабиан сдвинул на нос очки с толстыми стеклами, мазнув переносицу сажей.

– Мы должны проверить, работает ли он еще. Мораг говорила, что его надо вернуть, как только все закончится. Если не работает, значит, нам он больше не нужен, и она отдаст его кому-нибудь еще, кому может понадобиться.

– То есть, если не работает, ты хочешь пойти к Мораг в лес, в ее фургон? – спросил Фабиан. – Тогда я с тобой.

Таня кивнула:

– Проверю компас после завтрака.

Она дала Оберону собачью галету, затем приподняла крышку чайницы и осторожно подцепила ложкой несколько пакетиков. Из коробочки высунулась маленькая скрюченная ручка и крошечной тросточкой больно треснула ей по костяшкам пальцев. Поморщившись, Таня закрыла крышку и потерла руку.

– Брауни на месте, все в порядке, – пробормотала она и обернулась, услышав шаги.

На кухню, радостно улыбаясь, вошла Флоренс и принялась готовить завтрак. Вскоре к ним присоединился Уорик, вымел вчерашнюю золу и положил новые дрова. Последней спустилась Нелл, пятки ее шлепанцев хлопали по каменному полу, а за пояс была заткнута тряпка для смахивания пыли.

– На втором этаже какой-то странный запах, – объявила она, наморщив нос и глядя в сторону Фабиана. – Из твоей комнаты.

– Наверное, грязные носки, – ответил Фабиан.

– Я затеяла весеннюю уборку, так что, если где-нибудь валяется что-то важное, лучше положи на место.

– Забавное время для весенней уборки, – пробормотал Фабиан. – Сейчас осень.

Нелл поджала губы и бросила тряпку в стиральную машину.

– Ты понял, что я имею в виду.

После завтрака она забрала Генерала из гостиной и подвезла клетку на удобное место ближе к теплу. Оберон попятился, поджав хвост. Генерал оставил это без внимания. Он почистил перья, затем задрал голову и принялся высокомерно озирать всех поверх своего крючковатого клюва. Нелл открыла верхнюю часть клетки и переставила деревянную жердочку-насест, чтобы попугай сидел снаружи. Наблюдая за этим, Таня спросила:

– А он не улетит?

– О, нет, – сказала Нелл. – Только если его что-нибудь не напугает. Он просто посидит здесь, как хороший мальчик.

Тане трудно было представить, что вообще может напугать Генерала.

– Все равно не оставляй его без присмотра, – порекомендовал Уорик, складывая тарелки в раковину. – Не забывай про Вулкана. Может, он и стар, но инстинкты хищника все при нем.

Проходя мимо Генерала, он внезапно вскрикнул.

– Что случилось? – удивилась Флоренс.

– Он меня клюнул! – Рассерженный Уорик держался за руку.

Генерал глумливо хихикнул, будто хотел уязвить еще больше.

– О, господи! – сказала Нелл. – Ты, наверное подошел слишком близко и напугал его.

– Прямо-таки до смерти он перепугался, – ядовито парировал Уорик и, гневно взглянув на попугая, вышел из кухни.

– Как грубо! – выкрикнул Генерал. – Отрубить ему голову!

Прошло три месяца с тех пор, как Таня последний раз поднимала расшатанную половицу в своей комнате. Из углубления под ней она вытащила обувную коробку, завернутую в красный шарф. Шарф был не для красоты – красный цвет служил маскировкой от фейри и защищал от них коробку. Таня сняла крышку. Ее старый дневник, несколько фотографий, тяжелый серебряный браслет с подвесками и потускневший латунный компас. На первый взгляд компас казался совершенно обычным, но если рассмотреть чуть внимательнее, то кое-что в нем было странным: стороны света не указаны, а вместо буквы «С», обозначающей север, стоит буква «Д». Как догадалась в свое время Таня, «Д» – это «дом».

– Ну? – спросил Фабиан. – Еще работает?

Таня достала компас из коробки.

– Нет. Стрелка просто крутится, будто сломался.

– Ну что ж, – вздохнул Фабиан и потянулся к браслету. – А его ты все еще надеваешь?

– Нет. – Таня мрачно посмотрела на браслет. – Ни разу после того, как… обитатель стоков…

Изначально на браслете было тринадцать подвесок, но крошечный серебряный Котел оказался у одного фейри, который потом попытался украсть и остальные подвески. Удирая от погони, обитатель стоков погиб, став жертвой Вулкана.

– И где сейчас Котел? – спросил Фабиан.

Таня пожала плечами.

– Наверняка в трубе под раковиной вместе с другими вещами, которые стянул обитатель. – Таня отложила браслет в сторону,

затем закрыла коробку и убрала обратно под половицу. – Видеть его больше не могу. Хочу отдать бабушке.

Она поднялась на ноги и сказала:

– Давай пойдем. Вернем компас Мораг, пока погода хорошая. А браслет отдам бабушке перед уходом.

Однако, когда Таня с Фабианом спустились, внизу никого не было. На столе лежала записка от Флоренс, где сообщалось, что она поехала за продуктами в Тики-Энд. Из чайной коробочки слышался ритмичный храп брауни. Никаких признаков Уорика или Нелл, только швабра и ведро на кухне.

Таня взяла поводок, висевший на задней двери.

– Пошли. Если спросят, скажем, что выгуливаем Оберона.

Прежде чем выйти из дома, Таня спохватилась и положила браслет на записку Флоренс. Можно будет потом объяснить бабушке, какие чувства он у нее вызывает.

Заросший сад позади дома выглядел так, словно художник нарисовал его осенними красками. Таня запрокинула голову и вдохнула запах палой листвы.

На альпийской горке никого видно не было, а летом здесь часто появлялись три гоблина. Таня подружилась с одним из них, добродушным созданием по имени Брансвик, над которым издевались два его злобных товарища. Как он, интересно, поживает?

Выйдя из калитки, Таня, Фабиан и Оберон направились к лесу. Ненадолго остановились у небольшого ручья, протекавшего между поместьем и лесом, и перешли его по камням. Фабиан было устремился к опушке, но Таня его окликнула.

– Подожди! В лесу ведь полно фейри – нужна защита!

Она быстро сняла куртку, вывернула наизнанку и снова надела. Фабиан проделал то же самое.

– Готова? – спросил он.

Таня кивнула:

– Идем!

И они вошли в Лес Висельника. Найти фургон старой цыганки было трудно. Однажды Тане помог отыскать его гоблин Брансвик, но сейчас предстояло действовать самостоятельно. Фабиан, который всегда мыслил логично, предположил:

– Очевидно, Безумная Мораг любит одиночество. Иначе зачем бы жить в лесу? Значит, фургон в укромном месте, но не слишком далеко…

– Почему ты так уверен? – перебила Таня. – И, ради всего святого, перестань называть ее Безумной Мораг. Она не сумасшедшая, просто со странностями…

– Со странностями? Да она ведьма! – отрезал Фабиан. – Говорю же, она старая, далеко ходить не хочет. А ей надо в Тики-Энд за продуктами. В общем, скорее всего, фургон где-то у ручья, чтобы воду набирать было близко. Так что надо идти по течению в эту сторону.

Таня не стала спорить. Доводы Фабиана казались разумными.

Продираясь сквозь подлесок, они углубились в чащу, и Таня увидела ведьмины круги: красные, бледно-коричневые и блеклые, беловатые поганки и мухоморы росли широкими кольцами между деревьями, а порой и вокруг них.

– Осторожней, – предупредила Таня. – Не наступи внутрь. Я читала, что они опасны.

– Насколько опасны?

– Если наступить, может затянуть в колдовской танец – на всю ночь, а то и на годы. Их надо обходить.

– Легко сказать, – буркнул Фабиан. – Тут едва получается шагнуть, чтобы туда нога не попала.

Ведьмины круги и правда были повсюду.

Вскоре Таня стала улавливать знакомые шорохи в ветвях деревьев. Она смотрела прямо перед собой, но все время была настороже.

Затем круги ядовитых грибов стали попадаться реже, а потом и вовсе исчезли, но тут Таня с Фабианом увидели кое-что еще. Серебристые перила огораживали здоровенную яму. Оберон потрусил вперед, обнюхал листву у ограды и поднял ногу у столбика.

– Как думаешь, сколько тут метров? – спросила Таня.

– Примерно три. Почти такая же, как та, которую мы видели летом.

Эти ямы назывались Катакомбами Висельника. До того, как поставили ограждения, в лесу годами пропадали люди. Провалы вели в пещеры, в извилистый подземный лабиринт, тянувшийся на многие мили[5]. Таня видела такую яму уже в третий раз, но впечатление она производила не меньше, чем в первый. Это было что-то зловещее, и никто не знал реального происхождения катакомб.

– Пойдем! – позвал Фабиан. – Смотри! Там тропинка.

Оберон убежал вперед и ждал, виляя хвостом. При их приближении опустил нос к земле, будто учуял какой-то запах. Чуть прошел вперед, снова остановился и, высунув кончик языка, стал поджидать.

– Похоже, что-то унюхал, – сказал Фабиан.

– Точно, – ответила Таня. Сквозь зелень мелькнуло желтое пятно. – Он тут бывал раньше. И он ее нашел.

Фургон был точно таким, каким она его помнила: старый, ярко-желтый. Они подкрались к голубой входной двери. Таня уже занесла руку, чтобы постучать, но замерла – из открытого окна послышались голоса. Пораженная, она резко повернулась к Фабиану.

В одном из говоривших оба узнали Уорика.

– Что он здесь делает? – почти беззвучно шепнула Таня.

– Не знаю! – прошептал Фабиан. – Но если попадемся ему на глаза, он сдерет с нас шкуру живьем, ты же знаешь, нам нельзя заходить в лес! – Он прижался к фургону под открытым окном и жестом подозвал Таню. – Давай послушаем. Хочу узнать, зачем отец здесь. Если что, спрячемся под фургоном.

Таня встала рядом с Фабианом, сердце у нее колотилось. Из окна донесся тихий голос Уорика:

– Значит, ты ничего не можешь мне сказать?

Старческий голос Мораг был похож на карканье:

– Нет, не могу – мне ничего неизвестно про нее, по крайней мере сейчас.

– Но если что-нибудь увидишь, пошлешь за мной? Это важно.

– Если что-то о ней откроется, я дам тебе знать, – пообещала старуха.

Несколько мгновений в фургоне молчали.

– Что происходит? – в полном недоумении прошипел Фабиан. – О ком они?

– Не знаю о ком. Но она явно про свои видения. Твой отец просит рассказать о том, что она может… увидеть.

Оба посмотрели на открытое окно.

– Вижу кое-что еще, – наконец послышался голос Мораг. – Очень туманно, но как-то связано с новым прибытием… в поместье. Что-то в прошлом… дитя. Дитя, которое пропало. Этого не забыть. И впереди ждут напасти, здесь сомнений нет.

– Что за напасти? – резко спросил Уорик.

– Те, с которыми вы все уже знакомы, – ответила Мораг.

Изнутри фургона послышалось шарканье и звук тяжелых шагов, приближающихся к двери. Тайная встреча подошла к концу.

Таня и Фабиан в панике посмотрели друг на друга, забрались под фургон и спрятались за большущими колесами. Над ними открылась дверь, и заляпанные грязью сапоги Уорика стали спускаться по маленькой лестнице. Через пару ступенек он повернулся к двери. Оберон, учуяв знакомый запах Уорика, начал постукивать хвостом. Испуганная Таня ухватила пса за ошейник, молясь, чтобы он их не выдал.

– Когда будет готово средство для глаз? – спросил Уорик. –

У меня почти все закончилось.

– К следующему полнолунию, – ответила Мораг. – Через три дня.

– Тогда я зайду за ним.

Дверь захлопнулась. Уорик спустился и направился прочь от фургона.

Таня и Фабиан смотрели, как он шагает по лесу. Оберон наклонил голову, но, казалось, понял, что нужно сидеть рядом, и не помчался за Уориком. Через несколько минут, когда Уорик скрылся из виду, они осторожно выбрались из своего укрытия.

Таня взглянула на Фабиана и тихо сказала:

– Мы не можем сейчас пойти к Мораг.

– Конечно, – согласился Фабиан. – Если старуха общается с отцом, то рисковать нельзя. Расскажет ему, что мы приходили, а нам запрещено соваться в лес.

Они молча тронулись в обратный путь.

– Как думаешь, о ком пытался разузнать Уорик? – спросила Таня.

Толстые стекла очков не скрыли, как Фабиан прищурился.

– Не знаю. Но, похоже, у Мораг было видение о Нелл. Она единственный новый человек в доме.

– Интересно, что такого случилось с ней в прошлом, – сказала Таня. – Мораг видела пропавшее дитя. Может, у Нелл был ребенок, который… умер.

– Нелл не говорила, что у нее была семья, – напомнил Фабиан. – Только про покойного близкого друга.

– А как считаешь, про кого Уорик спрашивал сначала? Кто бы это мог быть?

Фабиан покачал головой.

– Совершенно не представляю.

Они размышляли над этим всю дорогу, но так и не нашли ответ.

Когда они добрались до дома, сразу стало ясно, что Флоренс и Уорик уже вернулись. На вымытом Нелл полу отпечатались грязные следы Уорика, а ключи Флоренс лежали на месте. Браслета с подвесками больше не было на столе, и Таня вспомнила, что надо поговорить о нем с бабушкой.

Однако в своей комнате она и думать забыла о старом браслете. Собираясь убрать компас под половицу, Таня вынула его из кармана: стрелка подрагивала. Компас снова работал.

8

Таня вышла из своей комнаты и пересекла лестничную площадку, горя желанием рассказать о компасе Фабиану.

Его дверь распахнулась так внезапно, что Таня аж подпрыгнула. Из комнаты вылетел Фабиан, раздувая ноздри.

– Ты только посмотри! – Он помахал чем-то у Тани перед носом. – Мышеловка! Мне бы палец на ноге перебило, не заметь я ее вовремя!

Таня нахмурилась.

– Не похоже на бабушку или Уорика – они не ставят мышеловки.

– Конечно, не ставят! – негодовал Фабиан. – Флоренс это не нравится, да и они никогда не были нужны, в доме же есть Вулкан. Наверняка дело рук Нелл!

– Ну, осмелюсь предположить, что бабушка положит этому конец, – нетерпеливо сказала Таня. – Слушай, насчет компаса…

Закончить фразу ей помешал ужасающий, пронзительный визг.

– Что это было? – ахнула Таня.

Фабиан озадаченно посмотрел на нее:

– Что?..

– Кто-то кричал внизу, на лестничной площадке.

Забыв о компасе, Таня кинулась к лестнице.

– Ты не слышал?

Фабиан покачал головой, но последовал за ней. До них донесся жалобный стон. Спускаясь, Таня уже понимала, откуда этот звук, и то, что Фабиан его не слышал, ничего хорошего не предвещало. Из-за дедушкиных часов, стоявших на лестничной площадке, сейчас неслись стоны. Фабиан требовал объяснений, но Таня не слушала его. Ее вело страшное предчувствие.

В часах обитали фейри, а еще рядом любил дремать Вулкан. От такого соседства добра ждать не приходилось. Таня сделала еще шаг, и внутри у нее все сжалось. Однажды она уже стала свидетельницей смерти фейри от когтей Вулкана. Увидеть подобное снова совсем не хотелось.

Таня заглянула за часы. На сей раз Вулкана там не было, но ей открылось не менее шокирующее зрелище.

– О, нет… – пробормотала Таня.

На нее с гневом и ужасом смотрели три пары крошечных глаз. Фейри сбились в кучку, одна даже оскалилась, и Таня поняла, что они невероятно напуганы. Позади них была четвертая фейри – это она кричала и стонала. Она глядела на Таню

глазами, полными страха и боли. Прямо перед ней лежал кубик сыра.

– Что там? – спросил Фабиан.

Таня сглотнула.

– Фейри из часов. Ее крылья попали в мышеловку.

Она опустилась на колени, не обращая внимания на вопли остальных фейри. Прежде Таня не видела жителей дедушкиных часов и предполагала, что они уродливые, раз всегда прячутся. Но они оказались довольно красивыми: маленькие серебристые существа с голубоватой кожей и белыми волосами, одетые в крошечные мышиные шкурки.

– Позвольте, я помогу, – сказала она и протянула руку, фейри тут же испарились и скрылись за часами. Несчастная, попавшая в мышеловку, взвизгнула:

– Не приближайся, хитрая девчонка!

– Я хочу помочь, – тихо сказала Таня, прикидывая, не отнести ли бедняжку к бабушке прямо в мышеловке. Но видеть эти страдания было невозможно. Осторожно отведя пружинный рычаг, она освободила фейри и положила на ладонь. Теперь страдалица только бессвязно стонала, а ее друзья наблюдали за происходящим от подножия часов.

– Я отнесу тебя бабушке. Она знает, что делать, – сказала ей Таня, вставая. Затем велела Фабиану, беспомощно топтавшемуся рядом: – Обыщи дом, найди другие мышеловки и убери. Если изувечатся еще и другие фейри, нас могут наказать.

– Она сильно ранена? – спросил Фабиан.

– Крылья совершенно разорваны. Вряд ли когда-нибудь сможет летать.

Таня стала спускаться, а Фабиан побежал вверх по лестнице. Он осматривал комнаты – слышно было, как двери открываются и захлопываются. Таня зашла на кухню, Оберон сразу подскочил и попытался поставить на нее лапы, но она отогнала его, боясь, что пес еще больше навредит фейри.

Задняя дверь была распахнута, и Таня увидела, что Флоренс развешивает белье. Окликнув бабушку, она поджидала ее рядом с клеткой Генерала. Птица склонила голову набок, с интересом разглядывая фейри, которая, дрожа, лежала у Тани на ладони. Внезапно попугай издал громкий щелчок, Таня и фейри дернулись. Мгновение спустя вошла Флоренс и закрыла дверь. Она взглянула на Танину руку, и ее без того тонкие губы сжались совсем.

– Как это произошло? – спросила она. – Вулкан?

– Нет. Мышеловка.

– Что?! Кто, черт возьми, мог…

– Нелл, – закончила Таня.

Прищурившись, Флоренс протянула руку. Таня вложила фейри в бабушкину ладонь так нежно, как только могла. Существо застонало.

– Где Нелл? – спросила Таня.

– Пошла на почту в Тики-Энд. Но я поговорю с ней, когда она вернется.

Выйдя из кухни, бабушка с Таней стали подниматься по лестнице.

Дверь спальни Флоренс была приоткрыта – вероятно, Фабиан искал мышеловки. Таня подумала, заметит ли это бабушка, но та ничего не сказала.

Из какой-то комнаты поблизости раздался глухой стук – Фабиан все еще занимался поисками. Флоренс жестом велела Тане закрыть дверь и села на кровать. При других обстоятельствах Таня с удовольствием бы рассмотрела спальню бабушки, потому что не часто тут бывала. Но сейчас время для любопытства было неподходящее.

Флоренс кивнула на дубовый комод под окном.

– Во втором ящике есть набор для рукоделия. Принеси его мне.

Таня выполнила ее просьбу, лишь на мгновение отвлеклась и взглянула на фотографию в рамке на комоде: она с бабушкой. Фото сделали летом, всего несколько недель назад.

– Открой шкатулку, – распорядилась бабушка. – На дне красный мешочек.

Таня порылась в шкатулке, уколов пальцы о торчащие иголки. Под спутанными нитками для вышивания лежал маленький ярко-красный мешочек со шнурком. Мягкий, бархатный. Таня достала его, просунула внутрь указательный палец, нащупала что-то нежное, прохладное и вытянула небольшой моточек тонких, похожих на паутинку ниток. Под падавшим из окна солнечным светом нитки блестели.

– Ты знаешь, что это такое, верно? – спросила бабушка.

Таня кивнула и в замешательстве посмотрела на нее:

– Крученая паутина. Как она у тебя оказалась?

– Она есть не только у фейри, – ответила Флоренс. – Ее можем использовать и мы, если, конечно, умеем. И, конечно, если знаем, как получить.

– У тебя, наверное, от Мораг, – догадалась Таня.

– Да. И я храню ее здесь для подобных случаев, – сказала бабушка. – Она обладает целебными свойствами – помогает затянуть рану и залечить лучше, чем любое известное нам лекарство, но действовать надо быстро. Отрежь немного

и продень нитку в иголку.

– Как отрезать? – спросила Таня в недоумении. – Я думала, ее можно разрушить только магией.

– Да, руками смертных это невозможно. Но есть и другие способы, и не все связаны с магией.

– Тогда как?

– В мешочке есть кое-что еще.

Таня взяла мешочек и вытряхнула из него на ладонь маленькую деревянную таблетницу. С очень странным содержимым: зубы животных, осколки костей, а еще несколько крошечных полумесяцев – кошачьи когти.

– Это… – начала она.

– Да, когти Вулкана, – подтвердила Флоренс. – Некоторые я сама ему отстригла, другие подобрала там, где он затачивал их о мебель.

– Для чего они? – спросила Таня.

– Разрезать паутину, – объяснила бабушка. – Как ты уже знаешь, люди не могут ее порвать, именно из нее изготавливают сети, которыми фейри ловят человеческих детей для торговли подменышами. Однако ее можно рассечь тем, что по природе своей предназначено для разрушения, – зубами или когтями животных. Это должно быть сделано или самим животным, или тем, что принадлежит живому существу. Если когти уже отделены от него, как в нашем случае, то их можно использовать только один раз.

Таня кивнула. Теперь она понимала, насколько ценными были ножницы, которые дала ей Мораг, – но они потеряны. Размотав нить, она вынула из коробочки грязный коготь. Прикоснулась им к крученой паутине – кусок легко отделился – и убрала остальное назад в бархатный мешочек.

– Теперь вдень нитку в иголку, – велела Флоренс.

Таня потянулась к крышке шкатулки для рукоделия, где в подушечку были воткнуты несколько иголок.

– Нет, не эти, – сказала Флоренс. – Они стальные. В стали есть железо, которое рассеет магию крученой паутины.

– Тогда какие? – спросила Таня.

Ее взгляд упал на тонкие осколки кости в деревянной таблетнице. Аккуратно вынув один, она рассмотрела его и, как и предполагала, на более тупом конце обнаружила прорезь, сквозь которую можно было пропустить нить.

Быстро и ловко Таня вдела паутинку и протянула бабушке.

Вялая, тихая фейри лежала на руке Флоренс. В конце концов из-за боли она потеряла сознание.

– Она сможет снова летать? – спросила Таня, наблюдая,

как бабушка умело сшивает разорванные клочки крыла.

– Не знаю, – с досадой ответила Флоренс. – Возможно, мы не упустили время, но повреждения серьезные. Не понимаю, о чем думала Нелл, когда ставила мышеловки, ведь в доме есть кот. Большинство фейри знают, что нужно держаться подальше от Вулкана, но я никогда не использовала мышеловки – боялась чего-то подобного.

Таня наблюдала, как бабушка продолжает шить. Следующие несколько минут прошли в тишине, но ее нарушил шум шагов на лестничной площадке, а затем снизу послышались громкие голоса.

– Что на сей раз? – вскипела Флоренс. – Если снова Нелл, я не собираюсь это так оставлять. Пойди и посмотри, в чем дело, ладно?

Выйдя из комнаты, Таня поспешила вниз по лестнице, но все-таки приостановилась у часов. Изнутри слышались приглушенные рыдания.

– Все будет хорошо, – прошептала она часам. – Бабушка уже помогает.

Рыдания прекратились, и Таня побежала дальше, к кухне, где уже разгорался скандал.

– Мы не ставим мышеловки, – холодно говорил Фабиан. – Есть совершенно отличный кот, ловит крыс и мышей!

– Совершенно бесполезный! – огрызалась Нелл. – Едва свой корм пережевывает – что там у него осталось от зубов!

Таня влетела в кухню. Фабиан и Нелл свирепо смотрели друг на друга. Пальто Нелл висело на стуле, она только успела вытащить жердочку с Генералом из клетки.

– Не понимаю, почему ты поднимаешь из-за этого такой шум, – возмущалась Нелл. – В этом доме повсюду грызуны – все время слышу, как они возятся и царапают в чертовых стенах. Они даже в тех старых часах на лестничной площадке!

Нелл передернуло, пухлые плечи затряслись. Пронзительные нотки в ее голосе взбудоражили Генерала Карвера, который принялся подскакивать на своем насесте. Оберон в своей корзинке тоже явно нервничал и даже прикрыл лапами нос.

– В любом случае, Нелл, – вступила Таня, стараясь скрыть гнев, – мы не используем мышеловки. Бабушка очень рассержена.

– Рассержена? – недоверчиво переспросила Нелл. Она сгребла свое пальто со стула и с размаху закинула на вешалку, еще больше всполошив Генерала. – Рассержена? Да кому понравится иметь в доме вредителей!

Задняя дверь распахнулась, в кухню ворвался поток холодного воздуха, и вошел Уорик. По его лицу было ясно: он

слышал перепалку.

– Что происходит?

Появление Уорика с громовым вопросом было уже слишком для Генерала. Пронзительно крича и хлопая крыльями, попугай сорвался с места и, пролетев над головой Уорика, вылетел через открытую дверь в сад.

– Смотри, что ты натворил! – вскричала Нелл. – Вернись, Карвер!

Уорик вжался в дверной косяк, когда Нелл отпихнула его, рванувшись к выходу. Таня и Фабиан подбежали к двери и увидели, как Генерал кружит по саду, а за ним бестолково носится Нелл.

– Кто-нибудь объяснит мне, что тут происходит? – потребовал Уорик.

Фабиан указал на стол, где лежала куча мышеловок, которые он собрал по всему дому.

Уорик вздохнул, откидывая волосы с лица, и спросил:

– Флоренс знает? Где она?

– Наверху, – сказала Таня. – В мышеловку попала фейри из часов. Она сильно пострадала, бабушка пытается ей помочь.

– Я предупреждал, что от нее будут неприятности! – Уорик не скрывал гнева. Взглянул в сад и нахмурился еще сильнее. – И куда она теперь подевалась?

Сад был совершенно пуст.

– Вон же! – внезапно сказал Фабиан. – За калиткой – смотрите!

Полная фигура за оградой удалялась, стремительно уменьшаясь в размерах. В небе над ней Тане удалось разглядеть только пятнышко, которое вскоре совсем исчезло.

– О нет, – выдохнула она. – По-моему, Генерал улетел в лес… а Нелл бежит за ним!

Уорик издал звук, похожий на собачье рычание, круто повернулся и направился в сад.

– Куда ты? – крикнул Фабиан.

– За ней, конечно! – гневно ответил ему отец. – Ей нельзя в лес одной. Это опасно!

Таня и Фабиан переглянулись, молниеносно натянули уличную обувь, пальто и помчались в сад. Таня свистнула Оберону, который радостно понесся за ними. Когда они догнали Уорика, тот уже был у калитки.

Сумерки начинали сгущаться, а вместе с ними опускался влажный осенний холод – Тане казалось, что ее шеи касаются щупальца какого-то морского чудища. Маленькие клубы дыхания, вырывавшиеся из носа Уорика в студеный воздух, придавали ему

вид разъяренного дракона.

– Что вы двое здесь делаете? – хрипло спросил Уорик. – Вам нельзя в лес. Возвращайтесь.

– Мы знаем, как себя защитить. – Фабиан указал на пальто, надетые наизнанку, – свое и Танино. – А тебе может понадобиться наша помощь.

Уорик тихо фыркнул.

– Только держитесь рядом со мной. И если скажу вам что-то сделать – неважно, что именно, – исполняете. Немедленно! Ясно?

– Ясно, – ответили они хором.

– А еще это не значит, что вам можно околачиваться здесь, когда заблагорассудится, – продолжил Уорик. – Сегодня – особый случай.

Они уже были у ручья. Второй раз за день (про первый Уорик не знал) Таня и Фабиан перебрались через него по камням и пошли за Уориком в лес. Почти стемнело, у Тани застучали зубы – даже не от холода, скорее из-за воспоминаний о том, что происходило с ней в последний раз в лесу после захода солнца. В ту ночь она чуть не оказалась заточенной в царстве фейри…

– Что теперь? – услышала Таня вопрос Фабиана.

– Ждем и прислушиваемся, – ответил Уорик. – Она наверняка поднимет столько шума, что взбаламутит половину леса. Так мы ее и найдем.

Прежде чем он договорил, они услышали из чащи пронзительный крик:

– Генерал Карвер! Где ты, дорогой?

Дрожащий голос Нелл, в котором звучал страх и тревога за питомца, несмотря ни на что, пробудил в Тане сочувствие.

– Сюда, – тихо сказал Уорик и повел их по узкой тропинке. – И будьте осторожны, смотрите под ноги – в это время года повсюду ведьмины круги. Не наступайте внутрь.

Таня и Фабиан промолчали, вспомнив сегодняшний разговор о том же.

– Карвер! Немедленно вернись! – голос Нелл теперь звучал ближе.

Впереди слышалось шуршание раздвигаемых веток и хруст лесного покрова под тяжелой поступью. Совсем рядом.

– Бог знает, сколько еще мышеловок она понаставила, – бурчал Фабиан. – Небось, половину фейри в поместье перебила…

– Тихо, – шикнул Уорик. – Что-то не так – слышите?

Все замерли, вслушиваясь. Нелл голосила – надсадно, визгливо, удивленно. А еще Таня уловила звуки музыки: скрипка или что-то вроде, дудочка и неровный ритм барабана.

– Чего это она так подвывает? – спросил Фабиан.

– И что за музыка? – Таня не могла сдержать изумления. – Мелодия кажется знакомой, но никак не могу вспомнить…

– Музыка? – Фабиан с любопытством посмотрел на нее. – Не слышу никакой музыки, только ее вопли.

Оба посмотрели на Уорика.

– Я тоже не слышу, – встревоженно сказал он. – И это нехороший знак!

Он мчался впереди, Таня и Фабиан – за ним. Пара глаз с дерева сердито зыркнула на Таню, заставив ее подпрыгнуть. Фабиан поравнялся с ней и обогнал.

Внезапно до них донеслись стенания Нелл, и Уорик резко остановился. Пораженный Фабиан с открытым ртом застыл рядом с отцом. Таня подбежала последней, тяжело и прерывисто дыша.

В центре большого кольца из ярко-красных мухоморов четыре фигуры неистово танцевали под странную мелодию. Трое – фейри-музыканты. Четвертая – Нелл, которая с растерянным лицом покачивалась взад-вперед в такт мелодии. Таня поняла, что Нелл абсолютно не контролирует свои ноги, а еще – что теперь, находясь внутри круга, она видит фейри столь же хорошо, как сама Таня.

– Нелл, что, черт возьми, ты делаешь? – спросил Фабиан. – Ты что, ополоумела?

– Помогите… – Нелл задыхалась. – Заставьте их остановиться!

– Их?

– Она не одна, – сказала Таня, зная, что Фабиан не видит странных партнеров Нелл по танцам. – На ней заклятие.

– Что ты видишь? – спросил Уорик. – Опиши их.

Таня удивленно взглянула на него. Она считала, что Уорик видит этих фейри-гуляк, пусть он и не обладает вторым зрением, но с помощью того же зелья, что было у Фабиана, может временно видеть фейри.

– Я уже использовал сегодня капли для глаз. – Уорик будто прочел ее мысли. – Но сейчас их действие прошло, и они у меня закончились.

Таня кивнула. Стало понятно, почему Уорик разрешил ей с Фабианом идти с ним в лес – ему нужно было второе зрение Тани.

– Кроме Нелл там трое, – тихо произнесла она. – Играют на разных инструментах и танцуют. У одного скрипка. Высокий, примерно с Фабиана. Выглядит словно наполовину человек, наполовину козел. Козлиные ноги, раздвоенные копыта, а на голове рожки.

– Кто вы? Кто вы? – Нелл дышала с трудом.

– Фавн, – определил Уорик. – А остальные?

– Гоблин, – уверенно сказала Таня. – Ростом по колено, неряшливый. Лупит ложкой по тарелке.

Пока она говорила, гоблин исподтишка взглянул на нее и ухмыльнулся, показав крупные, желтые зубы.

– Третий – маленький старичок, одет старомодно. Похож немного на брауни из чайной коробочки, только совсем тощий. Дудит в дудку.

– Еще что-нибудь? – спросил Уорик.

– Они пляшут вокруг пустой фляжки.

– Почему ты решила, что фляжка пустая?

– Валяется на боку, а пробка рядом.

– Пьяные, – с отвращением сказал Уорик, хотя в голосе прозвучало и некоторое облегчение. – Скорее всего, просто проказничают, но могут и направляться в царство фейри. Нужно забрать Нелл оттуда.

– И как это сделать?

– Я протяну руку и вытащу ее, – сказал Уорик.

– А получится? – с сомнением спросил Фабиан.

– Если одной ногой буду твердо стоять за пределами круга, а другой крепко ухвачу ее, то должно получиться.

– Сделайте что-нибудь! – взвизгнула Нелл, бешено подскакивая на одной ноге.

Уорик с силой впечатал одну ногу в землю и изготовился к рывку.

– Отойдите, – приказал он Фабиану и Тане. И затем скомандовал приплясывающей Нелл, которая вот-вот должна была двинуться дальше: – Приготовься. На счет три!.. Раз, два…

Когда Нелл почти поравнялась с Ориком, она протянула руку. Уорик шагнул одной ногой внутрь круга и нагнулся к Нелл. Их пальцы на мгновение соприкоснулись, но тут Нелл споткнулась о ногу Уорика. Ей все-таки удалось не упасть и в последний момент выпрямиться, однако последствия были катастрофическими. Фавн, который следовал за ней, быстро перехватил руку Уорика и, застав его врасплох, вдернул со всей мочи в круг. Теперь Уорик мог лишь беспомощно танцевать с Нелл и гуляками под заколдованную музыку.

– Папа! – закричал Фабиан, бросаясь вперед.

Таня вцепилась в него и отпихнула в сторону:

– Не подходи!

– Что нам делать? – кричал он. – Как их вытащить?

– Не вздумайте пытаться! – рявкнул Уорик. – Немедленно возвращайтесь в поместье!

– Но…

– Просто уходите! Сейчас же!

– Пойдем! – Таня потянула Фабиана за руку. – Нужно позвать на помощь. Нельзя больше рисковать – нас тоже могут туда затянуть.

Они стали уходить, внимательно глядя под ноги, чтобы не наступить в круги, очерченные мухоморами и поганками. Мелодия внезапно сбилась с ритма. Танец изменился. Гуляки перепрыгнули из одного ведьмина круга в другой, поблизости, и плясали там минуту или две. Затем мелодия снова будто перескочила, а следом перескочили и они – в следующий ведьмин круг, и так, перепрыгивая из круга в круг, стали постепенно удаляться.

– Куда их ведут? – Фабиан отрывисто дышал.

– Не знаю, – ответила Таня. – Но нам нужно идти, и как можно скорей.

Пока она говорила, гуляки, Нелл и Уорик скрылись из виду, словно их поглотил лес.

– Как нам выбраться? – Фабиан был близок к панике. – Я не в состоянии думать… даже не могу вспомнить, с какой стороны мы пришли!

Таня полезла в карман и достала компас.

– Сюда! – сказала она, спокойно указав на стрелку.

Фабиан в замешательстве уставился на компас.

– Но ведь утром… мы собирались вернуть его Безумной Мораг…

Таня помотала головой:

– Да. Я как раз собиралась тебе рассказать, когда ты нашел первую мышеловку. Хорошо, что не получилось вернуть, – компас все еще работает. – Таня посмотрела туда, где за деревьями в последний раз мелькали Уорик и Нелл. – Это очень удачно, потому что он нам очень пригодится.

9

Слова Элдрича эхом отозвались в голове у Рыжей.

– Ее новым… обличьем?

– Мне так показалось, – лукаво ответил Элдрич. – Она уже давно предстает в виде старой нищенки…

Внезапно оба вздрогнули: люк сверху распахнулся, и Заокраинная Ведьма с победным возгласом сбросила в подвал еще кого-то. Тело тяжело рухнуло рядом с Рыжей. До того как люк захлопнулся, ей удалось мельком увидеть нового пленника.

Это был мужчина. Лет примерно столько же, сколько было ее отцу, то есть около сорока. На фейри ничем не похож. Одет небрежно: длинное темное пальто, плотные вельветовые брюки – все забрызгано грязью. И черные сапоги – тоже. Волосы растрепанные, темные с проседью, длинные, чуть ниже плеч. Лицо искажено болью – и понятно почему.

Руки прижаты к бокам, лодыжки вывернуты неестественным образом – новый пленник был связан чем-то поблескивающим, почти невидимым глазу. Чем-то похожим на паутину. Приглядевшись, Рыжая заметила такое же поблескивание вокруг его рта.

Теперь она узнала, что это. Мелкие четкие стежки из крученой паутины. На Рыжую нахлынула дурнота: рот мужчины был зашит.

Он застонал, пытаясь что-то сказать. Но ничего, кроме тихого носового гудения, у него не получилось.

– Пожалуйста, погромче, – съязвил Элдрич. – Я что-то не расслышал.

– Какой же ты отвратительный! – прошипела Рыжая, не в состоянии отвести взгляд ото рта мужчины.

Зрелище поистине ужасало. В ней что-то вспыхнуло, закипело – какой-то первобытный инстинкт выживания. Она вновь принялась бороться, пытаясь переместить связанные руки из-за спины. Тянула их вниз, тянула из последних сил… и с четвертой попытки ей все-таки удалось добиться своего. Тихо вскрикнув от радости, она вытащила сцепленные онемевшие запястья вперед – из-под сцепленных в щиколотках ног. Небольшая победа, но все же победа. Чтобы чуть восстановить силы, она, дрожа, растянулась на каменном ледяном полу. Передышка длилась недолго: колющая боль в лодыжке вернулась, и сильнее, чем раньше.

Пошевелив пальцами, чтобы вернуть в них хоть немного

жизни, Рыжая ощупала ногу. Под тканью брюк она наткнулась на что-то маленькое, твердое и острое. Скрюченными пальцами отогнула край штанины. Наверно, какой-то шип попал туда в лесу и теперь царапает. Но нет. Это был не шип.

За нитку распустившегося шва зацепились крошечные изящные серебристые ножницы. Они были раскрыты, и одно острие впивалось в кожу, проткнув ее до крови. При виде ножниц в сердце Рыжей возродилась надежда. Это были не простые ножницы. Они принадлежали Тане и могли резать что угодно, кроме металла, дерева и камня. Просунув пальцы в кольца ножниц, Рыжая сумела развернуть их и обрезала нитку, на которой они держались.

– Что это у тебя там? – внезапно насторожился Элдрич. – Покажи, что у тебя в руке!

– Тихо. – Рыжая старалась сосредоточиться.

К ее огромному разочарованию, расположить ножницы так, чтобы разрезать путы у себя на руках, не получалось. Она билась с этим несколько минут, но, когда пальцы свело и ножницы в третий раз со звоном упали на пол, все же сдалась. Рыкнув от раздражения, Рыжая подползла к мужчине с зашитым ртом. Он с опаской смотрел на нее и на ножницы в ее руке. Глаза у него были светлые, но серые или голубые – в тусклом свете не разобрать.

– Сейчас я разрежу нитки у вас на рту, – яростно прошептала она. – И вы заговорите. И расскажете, как сюда попали. Если поверю, тогда вас освобожу, при условии что и вы перережете паутину у меня на руках. Ясно?

Мужчина энергично закивал, его налитые кровью глаза были широко раскрыты.

– Хорошо, – сказала Рыжая. – Не двигайтесь теперь.

– А как же я? – заскулил Элдрич. – Я пробыл здесь дольше всех! Мне поможешь?

– Заткнись! – рявкнула Рыжая. – Позже подойду.

И мысленно добавила: «Если тебе повезет».

Она потянулась вперед. В полутьме приходилось сильно напрягать глаза. Удачно было одно: крученая паутина блестела, и швы легко угадывались. Склонившись над мужчиной, она поддела кончиком ножниц стежок, который выглядел самым слабым. От укола на коже проступила темно-красная точка. Щелчок ножниц, и паутина была перерезана. Рыжая поддела второй стежок. На этот раз более плотный. Мужчина зажмурился, стараясь инстинктивно не дернуться. На изборожденном морщинами лбу проступили капли пота. Следующий стежок был разрезан. Потом еще один и еще, и наконец Рыжая справилась

со всем швом.

– Готово, – сказала она. – Можете открыть рот.

Мужчина неуверенно разомкнул губы.

– Спасибо, – прошептал он. – Спасибо тебе, спасибо…

Рыжая дала ему чуть прийти в себя, но времени терять было нельзя. Ведьма могла вернуться за ними в любой момент.

– Кто ты, парень? – спросил мужчина.

Слово «парень» на миг смутило ее, но она вспомнила, что выглядит сейчас как мальчишка: и короткие волосы торчком, и одежда. Столько всего произошло с тех пор, как она попала в царство фейри, что про внешность совсем забылось. Понизив голос, она ответила:

– Называй меня Рыж.

Ей показалось, что в глазах мужчины мелькнул какой-то проблеск – то ли воспоминание, то ли догадка. Но прежде чем она уловила, что это, проблеск исчез.

– Понятно. – Он внезапно закашлялся. – Я и забыл об этой штуке с именами в здешних местах. Надо придумать что-нибудь для себя, чтобы ты мог как-то ко мне обращаться.

Рыжая мгновенно насторожилась:

– Что ты знаешь о царстве фейри?

– Достаточно, чтобы не выдавать свое настоящее имя, – сказал мужчина. – Но недостаточно, чтобы понять, как вырваться от этого существа, что наверху. – Он взглянул на Элдрича, затем снова на Рыжую. – Ты давно здесь?

– Дня не прошло, – тихо ответила она, стараясь, чтобы голос звучал по-мальчишески. – Всего несколько часов.

Мужчина смотрел молча, и у Рыжей снова возникло неприятное ощущение, что он что-то знает о ней.

– Хватит обо мне, – прищурилась она. – Как вы здесь оказались?

Не то чтобы она увидела – скорее почувствовала, как Элдрич в своем углу наклонился в их сторону, чтобы не пропустить ответ.

– Случайно, – сказал мужчина. – Пытался кое-кому помочь. Нашей экономке. Ее попугай улетел в лес, а она побежала за ним. Я пошел ее искать и обнаружил танцующей в ведьмином кругу. Попытался оттуда вытащить, но меня тоже втянули туда. Трое гуляк там играли на музыкальных инструментах, пели и плясали. И мы плясали, подчиняясь колдовской мелодии… невозможно устоять.

– Где она? Экономка?

– Не знаю. Когда я угодил в капкан, я ее уже не видел. – Мужчина посмотрел вниз. На его левом ботинке виднелись дырки, как будто прокусил крокодил. Из дырок сочилась кровь. –

Так, танцуя, они ушли дальше в лес, – продолжил он. – Думаю, даже не заметили, что я оторвался. В общем, не знаю, где сейчас она. Надо отыскать ее и каким-то образом вернуться вместе домой.

– Но о царстве фейри вы ведь знали? – спросила Рыжая. – Поняли, что экономка попала в ведьмин круг? Откуда вы все это знали? У вас есть второе зрение?

– Нет, – тихо и как-то неохотно ответил он, взглянув на Элдрича. – Но я знаком с людьми, у которых есть второе зрение. И раньше у меня было средство, которое позволяет видеть фейри, – но сегодня я им не пользовался. Все случилось быстро и неожиданно. Я не подготовился, когда побежал в лес.

Рыжая кивнула, слегка расслабившись:

– Я вам верю.

– Хорошо, – тихо ответил мужчина. – Теперь освободи меня, и давай убираться из этого дома.

– Думаешь, это так просто? – усмехнулся Элдрич. – Пусть ты даже не будешь связан, выйти отсюда – та еще задача. Люк заперт, и могу ручаться: Ведьма его заколдовала, чтобы никто не ушел против ее воли.

– Разберемся, когда понадобится, – свирепо зыркнула на него Рыжая.

– Откуда они у тебя? – Мужчина с удивлением разглядывал ножницы.

Рыжая замялась:

– Так, от одного человека… По стечению обстоятельств оказались у меня.

– Ага, украдены! – воскликнул Элдрич.

– Нет! – возразила Рыжая. – Застряли незаметно в подшивке моих штанов, вот почему Ведьма их не нашла…

Она резко прервалась: сверху донесся скребущий звук. На люке отодвинули засов.

– Идет! – прошипел Элдрич.

Рыжая отползла от мужчины, спрятав ножницы в первом месте, которое пришло в голову, – под сырой соломой. Воткнула их поглубже в гнилостную кучу, смрад усилился, и ее вырвало. Она едва успела вернуться на прежнее место, когда Ведьма откинула крышку люка и начала спускаться.

Ведьма была одна, а значит, пришла за кем-то из пленников.

Сердце Рыжей колотилось, как у кролика при виде лисы. Обычно Рыжая не замирала от страха – она пускалась бежать. Но теперь оставалось только застыть. И все же она посмотрела на лестницу, ведущую наверх. Получится ли проскочить, если стремительно рвануться вперед? Со связанными руками –

вряд ли. Стоит споткнуться – упадешь и не встанешь – конец попытке побега. И сомнений нет: злость Заокраинной Ведьмы будет ужасна. Поэтому Рыжая лежала неподвижно и ждала.

Обойдя грязную солому, Ведьма опустилась рядом с Рыжей на колени. От ее дыхания веяло мертвечиной. Схватив Рыжую за волосы, она повернула ее к себе лицом. Что-то ярко сверкнуло… это падающий сверху свет отразился в осколке зеркала, который двигался прямо на нее.

Рыжая увидела в осколке свои расширенные от ужаса глаза. Раздался тихий режущий звук – Ведьма осколком откромсала у нее прядь волос и, тяжело дыша, отпустила. Кожа на голове у Рыжей болела. Ведьма тщательно затолкала прядь во что-то овальное, бледное и гладкое. Это была пустая яичная скорлупа. Затем снова занесла осколок, схватила Рыжую за руку и притянула к себе. Рыжая почувствовала острую боль в большом пальце. Не говоря ни слова, Ведьма с силой сжала проколотый палец и выдавила три капли крови в скорлупу с волосами. Секундой позже ведьма добавила к ним осколок зеркала. Рыжая ахнула и инстинктивно отстранилась. Утробно хохотнув, Ведьма отпустила ее, пересекла подвал и поднялась по ступенькам наверх. Люк захлопнулся – словно замуровали гробницу.

– Что она делает? – прохрипела Рыжая, посасывая кровоточащий палец. – Зачем взяла у меня волосы и кровь?

– Неужто все еще непонятно? – отозвался Элдрич. – Зачем, думаешь, взяла твои волосы и кровь? Зачем сделала это осколком зеркала? И зачем, думаешь, варит их в яичной скорлупе?

Рыжая уставилась на него, складывая услышанное.

– Волосы… Кровь, – прошептала она. – Разбитое зеркало… отражающее. Яйцо… новая жизнь…

– Именно так, – зловеще подтвердил Элдрич. – Новое наваждение. Ты будешь ее обличьем. – Он запрокинул голову и посмотрел на потолок. – С минуты на минуту начнется… Я уже слышал это дважды.

Рыжая подняла голову. Заокраинная Ведьма наверху монотонно запела:

Твоя кровь потечет по венам моим,
Три капли в скорлупе я варю-варю.
Твои волосы вырастут вместо моих,
Старое в новое я превращу.
Прошлого наряда отражение
С новым образом я смешаю.
Получаю иное наваждение,
Заклинанием тело я изменяю.

Искажаю и верчу, смогу обмануть
Глаза и смертного, и фейри.
Ни богачу, ни бедняку не раскрыть
Моей искусной подмены.
Кожу сбрасываю, подобно змее,
И новая сможет меня покрыть.
Говорю хвосту хамелеона, лапе и голове:
Помогите облик мой изменить!

Монотонное пение ненадолго прервалось и затем возобновилось с самого начала:

Твоя кровь потечет по венам моим,
Три капли в скорлупе я варю-варю…

Рыжая повернулся к Элдричу. Он насмешливо поглядывал на нее из тени.

– Что со мной будет? – тревожно спросила она. – Сколько времени осталось до того, как она… как она превратится в меня? И что произойдет потом? Превращусь ли я в нее или в того, кем она сейчас притворяется?

Элдрич смотрел на нее в упор с глумливой улыбкой на губах.

– Отвечай! Что произойдет?

– Ты не превратишься в нее, нет, – проговорил он наконец. – Но, когда она станет… тобой, ты начнешь чувствовать себя странно… смещенной. У тебя начнутся видения – чужие, которые не имеют к тебе отношения, придут воспоминания, которые принадлежат не тебе, а ей. Чем больше она будет использовать тебя, тем меньше ты будешь чувствовать себя собой.

– Но как такое возможно? – прошептала Рыжая в ужасе.

– А вот так: она будет куда-то выходить, что-то видеть, что-то делать и проживать это все как ты. Ты при этом будешь здесь, в подвале, в четырех стенах, в страдании и отчаянии. Пройдет время, может даже несколько месяцев, и постепенно ты совсем перестанешь чувствовать себя собой. И она будет больше похожа на тебя, чем ты сама.

– И когда же заклинание превратит ее в меня? – Рыжая старалась, чтобы голос не дрожал. – Сколько времени у меня в запасе?

Элдрич пожал плечами:

– Трудно сказать. Раньше происходило по-разному. С одним заняло всего несколько минут. Когда Ведьма брала волосы и кровь, он уже наполовину лишился рассудка от ужаса –

наверное, это ускорило действие заклинания. С другим было дольше – сработало только на рассвете. Она пела всю ночь, я думал, эти слова навсегда засели в моей голове…

Элдрич замолчал.

– Нам нужно убираться отсюда, – хрипло сказал другой пленник.

– Мы не можем, – произнес Элдрич. – Я же говорил, она запирает люк. Другого выхода здесь нет.

– Тогда надо ждать, когда она спустится снова, – сказала Рыжая. – И удирать через люк.

– А как же я? Я же прикован! – Элдрич дернул запястьем, зажатым в кандалах, и тихо выругался. – Без ключа не выбраться. Кто-то должен одолеть ведьму, застать врасплох.

Второй пленник молчал, погруженный в свои мысли. Рыжая взглянула на него, пытаясь по лицу понять, о чем он думает.

– Да, – пробормотал он наконец. – Мы все можем спастись, только одолев Ведьму. Значит, мы должны это сделать.

– Отлично, – кивнула Рыжая.

Собравшись с духом, она запустила руки в зловонную кучу и стала рыться в поисках ножниц. Вытащила, насухо вытерла найденным с трудом клочком чистой соломы. Подвинувшись к мужчине, она стала разрезать связывавшую его крученую паутину. Через пару минут он был свободен и принялся разминать онемевшие руки и ноги. Рыжая ждала, едва сдерживая нетерпение. Мужчина потянулся за ножницами:

– Давай я разрежу твои путы.

Она колебалась.

– Если поведете себя хоть как-то не так, я заставлю вас пожалеть, – пригрозила она.

Мужчина растерялся:

– Например, как?

– Например, попробуете не вернуть ножницы. – Она многозначительно посмотрела на его раненую ногу. – Вам далеко не уйти, если захотите сбежать. Устрою, что рана будет в десять раз хуже.

Она выдержала его удивленный взгляд, надеясь, что ее слова прозвучали весомо. Хотя сердце при этом билось как птица в клетке.

Элдрич хмыкнул.

– Я так не поступлю, – спокойно произнес мужчина, глядя ей прямо в глаза.

Рыжая протянула ему ножницы. Мужчина перерезал паутину на ее запястьях и терпеливо ждал, пока она разотрет ледяные ладони. Хотя затекшие руки еще плохо слушались, Рыжая

выхватила ножницы из рук мужчины и спрятала в карман брюк.

– И что теперь? – спросила она Элдрича. – Когда Ведьма снова спустится?

– Кто знает… Может, через пару минут, а может, и часы пройдут.

Хотя прямо об этом никто не сказал, но Рыжая понимала: одолевать Заокраинную Ведьму придется ей. Эта мысль страшила, как ничто. Но других вариантов не было. Элдрич прикован. Рана второго пленника лишает его возможности быстро двигаться. Надеяться предстоит только на себя. И сейчас оставалось только ждать.

– Давайте поговорим. – Рыжая отчаянно пыталась хоть какое-то время не думать о том, что предстоит.

– О чем ты хочешь поговорить? – спросил Элдрич.

– Может, каждый расскажет о себе? – предложил мужчина. – Вполне подходящая тема для начала разговора. – Он помолчал, ослабляя шнурки ботинка на раненой ноге. – Если хотим действовать сообща, чтобы выбраться, то неплохо бы получше узнать друг друга.

Рыжая кивнула. Сверху доносилось монотонное утробное пение Ведьмы: …*Ни богачу, ни бедняку не раскрыть моей искусной подмены*…

Рыжая содрогнулась.

– Хорошо, я начну. – Она закрыла глаза, погружаясь в прошлое. – Я здесь из-за моего брата. Его украли в феврале прошлого года. Я хочу его вернуть.

10

Проснувшись в первое утро в детском доме, Роуэн обнаружила, что мистера Боунса уже нет на подушке. Должно быть, одна из близняшек потихоньку забрала его. Спала Роуэн плохо, и сейчас обрывки дурных снов впивались в мозг, словно ядовитые шипы.

Она откинула одеяло и свесила ноги с кровати. На тумбочке стоял будильник. Стрелка только-только приближалась к семи. Роуэн взглянула на Джеймса. Тот не спал, но спокойно лежал в кроватке и, когда сестра наклонилась к нему, заулыбался во весь рот. Схватил ее за здоровую руку, подтянулся, встал, вцепился в бортик кроватки и, притоптывая ножками, начал осматриваться.

– Хочу к маме, – сказал он.

– Знаю, – прошептала Роуэн. – Я тоже.

Погладила его пухлую маленькую ручку и отошла, чтобы распаковать чемодан.

– Хочу к маме! – Тоненький голосок Джеймса звучал уже громче. – Хочу к папе!

– Ш-ш-ш, тише, – сказала Роуэн, обернувшись.

Большие голубые глаза братика в замешательстве следили за ней, пока она раскладывала одежду по ящикам.

К тому времени, как она разложила вещи и добралась до ванной, из крана бежала чуть тепленькая вода, а слив был снова забит волосами, которые вскоре заглотило отвратительное существо из стока. Когда Роуэн умылась и оделась, пришла нянечка из детского отделения и забрала Джеймса. Роуэн запротестовала, но ее заверили, что позже сегодня они с братом увидятся. Пришлось довольствоваться этим.

Хуже всего было за завтраком. Роуэн никогда не любила находиться в центре внимания, а сейчас все смотрели на нее. Одни девочки шептались и показывали на новенькую пальцем. Другие застенчиво улыбались, кто-то пытался утешать, а кто-то просто поглядывал с нескрываемым любопытством. Роуэн не реагировала. Просто уставилась в миску со сладкими хлопьями. В животе урчало, но мысль о еде вызывала тошноту. Она лишь отхлебнула из чашки со щербинкой тепловатый чай. Вскоре по обе стороны от Роуэн уселись две хрупкие фигурки.

– Привет, – весело сказала та, что слева. – Как тебя зовут?

Подняв глаза, Роуэн увидела дружелюбное веснушчатое личико, обрамленное копной коротких темных волос. Это была одна из близняшек, приходивших прошлой ночью.

– Роуэн.

– Я Пенни, – сказала близняшка. – А это моя сестра, Полли. Нам по девять, но Полли на двадцать четыре с половиной минуты старше меня. Мы тут уже два месяца. Мы…

– Перестань трещать, – прервала сестру Полли. – Разве не видишь, она хочет, чтобы ее оставили в покое?

Роуэн повернулась, чтобы посмотреть на вторую близняшку. Лицо такое же дружелюбное, как у сестры, но на нем еще читается сочувствие. Роуэн попыталась улыбнуться, но губы не слушались.

– Она слишком много болтает, – сказала Полли. – Постоянно ей об этом говорю, но все без толку. Если тебе понадобится помощь, просто попроси нас. Мы покажем, что нужно. – Полли повернулась к сестре. – Пойдем, Пенни!

– Подождите. – Роуэн внезапно почувствовала, что не хочет оставаться одна. – Может… может, вы прямо после завтрака тут мне все покажете?

В крыле, куда определили Роуэн, жили и другие девочки, но все имена за день было не запомнить. Она сосредоточилась на тех, с кем, казалось, могла бы ближе общаться.

– Вот Салли, ей девять, как нам, – сказала Полли.

Салли приветливо улыбнулась. Роуэн легонько улыбнулась в ответ, но тут ее внимание привлекла испуганная девочка, которая сидела одна и будто пряталась за своими волосами.

– Кто это? – спросила она.

– О, это Лара, – хором ответили близняшки.

Оказалось, у них есть кое-что общее: Роуэн попала сюда с младшим братом, а Лара – с трехлетней сестрой. Роуэн часто видела их, когда приходила в детское отделение к Джеймсу. Она даже заговаривала с Ларой, но та, как правило, держалась особняком. Роуэн часто раздумывала, какая у Лары история, что привело ее в приют. Почти все дети попали сюда в связи с тяжелыми обстоятельствами в семье. Некоторые, как близняшки, были лишены родительской заботы. Но о Ларе, похоже, никто ничего не знал. И никого это не особо волновало. В общем-то, и внимания на нее никто не обращал – до того дня, когда исчезла ее младшая сестра.

Это случилось ближе к вечеру. Роуэн и Джеймс уже три недели жили в детском доме. Роуэн сидела в общей комнате на полу, держа Джеймса на коленях, и листала свою книгу сказок. В другом углу азартно резались в карты близняшки, а Салли и две другие девочки играли в настольную игру. Отказавшись от попыток уговорить Роуэн к ним присоединиться, они не мешали

ей читать. Джеймс радостно что-то лопотал. Он уже меньше плакал по родителям. А Роуэн, когда была одна, плакала по ним только сильнее.

Сломанная левая рука все еще оставалась в гипсе, но заживала хорошо. К сожалению, Роуэн была левшой, а потому делать ей удавалось далеко не все. Даже одеваться было трудно, но Роуэн беспокоило другое: она хотела написать письмо. Важное письмо, каракули тут не годились, а правой рукой хорошо не управиться. Время шло, она постоянно об этом думала, и задача казалась ей все более неподъемной.

Написать надо было тете Роуз, младшей сестре матери. Тетя Роуз с ее обшарпанным домиком, где полно животных… При упоминании ее имени у мамы появлялась беспокойная морщинка на лбу, отец тоже хмурился. Тетя Роуз действительно была с причудами. Но кроме нее родственников у Роуэн и Джеймса не осталось. Поэтому Роуэн и решила, что попросит тетю забрать их с Джеймсом отсюда.

Она листала книгу, вполглаза поглядывая на красивые цветные иллюстрации. Сейчас была открыта страница с «Русалочкой» Ханса Кристиана Андерсена, одной из любимых ее сказок, впрочем, сегодня Роуэн думала только о том, как начать письмо. Если все сделать правильно, письмо может стать билетом из детского дома.

Дверь распахнулась, и в общую комнату ворвалась Лара с пепельно-серым лицом.

– Кто-нибудь видел мою сестру?! – Ее голос звучал непривычно громко и требовательно. – Ну? – Она обвела взглядом комнату. Ничего не понимая, все уставились на нее в ответ. – Кто-нибудь ее видел?!

– Ты о чем? – спросила Полли. – Разве она не с малышами?

– Я только что оттуда. – Лара прерывисто дышала. – Я была там, с ней, потом пошла взять стакан воды. Через две минуты вернулась, а ее уже нет. Мы искали повсюду, но никто не нашел. Не понимаю, как далеко она могла уйти.

В этот момент в комнату вбежали две встревоженные сотрудницы. В одной из них Роуэн узнала нянечку из детского отделения. Другая, уборщица, выглядела весьма странно: всклокоченная каштановая шевелюра, на ногах – шлепанцы, хотя на дворе январь. Она первой обратилась к Ларе:

– Девочка здесь? Ты ее нашла?

Лара покачала головой, и тревога на лице взрослых усилилась.

– Не волнуйся, лапочка, – ласково сказала уборщица. – Далеко ведь ей не уйти, правда же? Наверное, просто в прятки играет. Мы ее найдем.

Захлопнув книгу, Роуэн поднялась на ноги:

– Я помогу тебе искать.

– Мы тоже, – вызвались близняшки.

Все кинулись на поиски – всё было перевернуто вверх дном. Обшарили каждую комнату, каждый шкафчик, каждый уголок, но младшей сестры Лары нигде не было. Время шло, и воспитатели начали паниковать. Повсюду раздавались крики: «Меган?! Меган?!», все перекликались, то и дело расспрашивая друг друга:

– Как она была одета?

– Сестра говорит, что в зеленом платье.

Хотя все старались сохранять спокойствие, неразбериха и хаос достигли пугающих размеров. И как раз в тот момент, когда слезы потекли у Лары из глаз, близняшки закричали:

– Сюда! Она здесь – мы ее нашли!

Роуэн следом за рыдающей Ларой понеслась по коридору в ее комнату – голоса близнецов доносились оттуда.

В постели Лары, засунув большой палец в рот, крепко спала Меган. Она зарылась в одеяло, как маленькая соня, и пошевелилась только тогда, когда Лара схватила ее на руки и крепко прижала к себе.

– Где ты была? – завопила Лара, но в ее голосе слышалось только облегчение, никак не гнев. – Не вздумай так больше никогда делать!

Меган широко зевнула и сказала:

– Хочу есть.

– Как, черт возьми, мы раньше ее не заметили? – изумилась Салли. – Мы ведь осмотрели эту комнату.

– Она будто в спячку впала, – сказала уборщица, которая прибежала сюда за близнецами.

Подоспели еще люди, и Роуэн ушла – вокруг бедных Лары и Меган и так уже собралась куча народу. Она вернулась в пустую общую комнату, взяла Джеймса, подобрала свою книгу и отправилась к себе. Прилегла вместе с братиком на кровать, стала читать ему вполголоса и незаметно для себя задремала.

Когда она проснулась, в комнате было совсем темно. Вероятно, прошло несколько часов. У нее пересохло во рту, и она замерзла. Дрожа от холода, Роуэн села и придвинула к себе Джеймса здоровой рукой. Малыш не спал и безмятежно улыбался. Она обвела сонным взглядом комнату и вдруг увидела, что в дверях кто-то стоит – на фоне освещенного коридора вырисовывался силуэт.

Роуэн подпрыгнула, слишком сильно сжав Джеймса.

– Извини, – произнес тихий голос. – Я не хотела тебя напугать.

– Лара, – сказала Роуэн, приходя в себя. – Все хорошо?

Лара колебалась.

– Нет, – прошептала она наконец. – Как раз не хорошо. Мне кажется… кажется, что-то совсем не так.

Роуэн встала и включила свет, от внезапной яркости обе на миг зажмурились. На часах было почти восемь. Скоро уже ложиться спать.

– А в чем дело? – спросила она.

– Меган, – сказала Лара. – Она какая-то не такая. Ведет себя… странно.

– Может, приболела, – предположила Роуэн. – Попроси, чтобы ей померили температуру.

– Нет. Она не заболела, она просто… другая. Никто больше не замечает, но моя сестра… не такая, как обычно. Я одна вижу – я-то ее знаю. Я ведь все время с ней. Совсем как ты с Джеймсом. Вот почему я пришла к тебе.

– Ну, это какая-то бессмыслица. – Роуэн не сумела скрыть легкое раздражение и тут же пожалела об этом, потому что глаза Лары наполнились слезами. – Послушай, – поспешно продолжила она. – Сядь. Подумай хорошенько и скажи, что именно тебя тревожит. Конкретно.

Лара подошла к кровати и села на смятое покрывало. Роуэн присела рядом.

– Она стала меньше говорить, – начала Лара. – Всегда такая болтушка, а сегодня днем почти ни слова не сказала.

– Может, устала?

Лара покачала головой:

– Нет. Как будто… как будто она сделала шаг назад в развитии, даже несколько шагов. Спрашивала про какие-то вещи, про книгу или чашку например, – что это такое. Про вещи, которые знает. Правда знает! Вроде всему заново учится. И голос у нее тоже другой. Когда начинает говорить – звучит странно, пискляво, только потом становится нормальнее. И она постоянно ест. Требовала еду весь день, хотя обычно всегда капризничает: то не будет, это не будет… Теперь съедает все, что перед ней поставят.

Роуэн нахмурилась и осторожно произнесла:

– Только не обижайся, Лара. Но, может, ты устала, расстроилась из-за того, что Меган сегодня пропадала. Может, тебе просто почудилось…

– Не говори, что мне почудилось! – Оскорбленная Лара ударила ладонью по подушке. Слезы потекли по ее лицу.

Глаза Джеймса расширились, и он заревел. Но Лара не обратила на него внимания. Просто встала и направилась

к двери.

– Я пришла к тебе, потому что думала, ты поймешь. Твой брат значит для тебя всё, как и Меган для меня. Ты бы увидела, если бы с ним было что-то не так. И я говорю тебе: с моей сестрой точно что-то не так! – Она судорожно вдохнула и вытерла лицо рукавом. – Но какое тебе дело?.. Какое кому дело?..

– Погоди, Лара. – Роуэн потрясла вспышка обычно такой тихой девочки. – Мне правда не все равно! Я хотела…

Она замолчала, потому что увидела, что разговаривает с пустым коридором. Лара уже ушла.

– Отлично… – пробормотала Роуэн.

Несколько минут она сидела на кровати, думая, что лучше: пойти за Ларой и попытаться помириться или просто оставить ее в покое и дать самой остыть. В конце концов чувство вины взяло верх. Вздохнув, она сказала «тш-ш» Джеймсу, который все еще хныкал, уткнувшись ей в плечо, поднялась с ним на руках и вышла из спальни. По пути к лестнице Роуэн заглянула в общую комнату, где старшие девочки всячески оттягивали время, чтобы как можно дольше не идти спать и урвать несколько лишних минут у телевизора или для игр. Близняшки позвали ее, но она ничего не ответила и пошла дальше.

Детское отделение размещалось на первом этаже, в самом дальнем конце здания. Здесь было просторно: много кроваток, игрушек, манежей, разрисованные стены. Из застекленных дверей в задней части комнаты открывался вид на сад.

Лара сидела у кровати Меган. Роуэн сразу поняла, что у Меган истерика. Лара просто смотрела на нее не двигаясь.

– Возьми на руки! – визжала маленькая девочка, и даже Роуэн поморщилась от резких, скрипучих интонаций в ее голосе. Джеймс зарыдал еще громче.

Лара покачала головой, закусив губу.

– Боже мой, да возьми ее на руки! – с негодованием произнесла Роуэн, но, подойдя ближе, умолкла.

На лице Лары был дикий страх. Остекленевшими глазами она уставилась на Роуэн и в шоке прошептала:

– Ее волосы… Они отросли. За день. Я думала, мне померещилось, но смотри! Ведь не померещилось, да? Скажи мне, что не померещилось!

Роуэн внимательно посмотрела на маленькую девочку и вздрогнула: ее волосы действительно выросли не меньше чем на два дюйма. Челка закрывала ей глаза.

– Тебе не померещилось.

Внезапно Меган перестала визжать и вперилась взглядом в Роуэн.

– Хочу есть, – сказала она, облизывая губы.

– Но я ее кормила! – в отчаянии воскликнула Лара. – Я покормила ее всего двадцать минут назад!

Роуэн не ответила. Что-то происходило. Что-то жуткое. Глаза Меган начали менять цвет. Зрачки расширялись, становились все больше и больше, заполняя карюю радужную оболочку. И это еще был не конец. Зрачки все увеличивались, растекались, как чернила, пока белки глаз тоже не стали черными.

Роуэн на миг зажмурилась, пытаясь осознать, что увидела. Наверняка это какой-то обман зрения. Но, вновь раскрыв глаза, громко ахнула – темные волосы и кожа Меган начали резко бледнеть, а затем приобрели болезненный зеленоватый оттенок.

– Что? – сказала Лара. – Что ты?

– Ничего, – выдавила Роуэн, крепко обхватив Джеймса и прижимая его голову к своей шее.

Почему-то она знала: неважно, смотрит он на маленькую девочку или нет, – ему не увидеть того, что видит она.

Не видела этого ужасающего зрелища и Лара. Роуэн отпрянула – уши Меган внезапно высунулись из волос. У них были заостренные кончики. Роуэн отступила еще на шаг – рябь пробежала по рукам и ногам девочки, они вытянулись, стали непропорционально большими. И тут Роуэн поняла, что видит перед собой. А одновременно поняла, что никогда никому не сможет об этом рассказать. Ей не поверят. Она сама едва могла в это поверить.

– Когда… когда ты впервые заметила, что с сестрой что-то не так? – прошептала Роуэн, обернувшись к Ларе.

– Через несколько минут после того, как ее нашли. Но я думала, мне чудится.

Догадка Роуэн подтверждалась.

Меган похитили. Вместо нее оставили это существо.

В кроватке сидела не младшая сестра Лары. Что-то иное. Фейри.

– Роуэн, в чем дело? Почему ты так на нее смотришь?

Роуэн не могла отвести от кроватки глаз. К ее облегчению, существо снова превратилось в подобие Меган. Черты фейри исчезли, копия девочки снова стала похожей на человека.

– Так, ничего, – пробормотала Роуэн, запинаясь. – Я ничего не знаю.

Она протиснулась мимо Лары и побежала к двери, крепко держа Джеймса здоровой рукой. Дышать было тяжело, будто она бежит уже долго, но Роуэн не замедляла бег, пока не добралась до своей комнаты и не закрыла за собой дверь.

Она никогда никому об этом не расскажет. Не может,

не хочет! С этим ничего не поделать – так говорила она себе. Настоящая Меган исчезла. Теперь нужно было сосредоточиться на том, чтобы выбраться с Джеймсом отсюда.

Роуэн действительно верила, что никому не расскажет.

11

Рассказ Рыжей прервал леденящий душу вопль, донесшийся сверху из дома. Она резко замолчала. Что-то прошуршало по внешней стороне люка, затем наступила тишина.

– А потом? – невозмутимо поинтересовался Элдрич.

– Что там делается наверху? – Рыжей стало не до рассказа. От ужасающего крика ее трясло.

Элдрич наклонился вперед, будто вслушиваясь, и затем пожал плечами.

– Может, кто-то пришел, – сказала Рыжая уже громче. – Может, нас спасут!

Элдрич мрачно рассмеялся:

– Сомневаюсь… Если кто-то сюда и пришел, то не для того, чтобы делать добро. Не трать время на надежды.

– Надеяться нужно всегда. – Другой пленник, прищурившись, смотрел на Элдрича.

Элдрич проигнорировал замечание и, закрыв свои темные глаза, прислонился спиной к стене. Лоб у него взмок от пота.

Внезапно засов на люке загремел, отчего всех троих подбросило на месте. Последовала долгая пауза, а потом люк начал подниматься – медленно, мучительно медленно. Еще пауза – и на первой ступеньке показалась нога.

– Быстро! – прошипела Рыжая. – Снова идет!

Она кинулась обратно на вонючую солому и, закрыв глаза, легла – чтобы казаться все еще связанной. Мужчина напротив действовал так же.

Страшный стон, от которого все сжалось внутри, заставил их взглянуть на каменные ступени. От увиденного они забыли, что собирались притворяться.

Заокраинная Ведьма, шатаясь, спускалась в подвал. Одной рукой она держалась за горло, другой – цеплялась за стену, пытаясь найти опору. Взгляд ее уперся в Рыжую.

– Что… ты… сделала… со мной?.. – прохрипела Ведьма. – Яд… ты о-отравила… меня! Надо было содрать с тебя шкуру… выпотрошить тебя, как кролика, сразу… сразу!

Рыжая вскочила на ноги, почувствовав внезапный прилив сил. Что происходит?

Ведьма еще шагнула к ней, протягивая руку. Кожа на ладони пузырилась, как будто ее варили в кипятке.

– Ты заплатишь… за это! – Глаза Ведьмы горели злобой. Внезапно она с воем согнулась пополам. – Сделай что-нибудь… прекрати… Умоляю… прекрати это! Пожалуйста…

«Она думает, что это моя работа. – Рыжая была ошеломлена и напугана. – Ей кажется, я каким-то образом ее отравила!»

– Что с ней делается? – воскликнул Элдрич, вскакивая. Его лицо оживилось от радости. Цепь на прикованной руке жутко зазвенела.

– Отрава… отравила меня…

Рыжая не понимала, что творится, но знала: возможно, у них появился единственный шанс на спасение. И упустить его нельзя.

– Освободи нас. – Ее голос прозвучал твердо и холодно.

Ведьма рухнула к ее ногам, корчась на полу.

– Прекрати это… Останови! – закричала она.

– Освободи нас! – повторила Рыжая.

– Да. Что угодно… только сделай… чтобы… это… прекратилось!

– Поклянись мне, – холодно произнесла Рыжая. – Что позволишь нам уйти отсюда, не причинив вреда. И я прекращу это.

– Позволю… – Тело Ведьмы скручивалось в судорогах. – Я отпущу вас… Обещаю!

– Ключ! – взвыл Элдрич. – Не забывай обо мне! Забери у нее ключ!

– Дай мне ключ, – непреклонно потребовала Рыжая. – Где он?

– Наверху… наверху…

– Где наверху?

– Пожалуйста… – из последних сил выдохнула Ведьма, и глаза ее выпучились. Так утекает жизнь у рыбы, вытащенной из воды. – Я умираю…

– Ключ! – гаркнула Рыжая, заставляя себя вспомнить все злодеяния Заокраинной Ведьмы. Все жизни, которые она украла. Ее подлые угрозы. И в своем сердце Рыжая не нашла жалости к ней.

– В… дымоходе… незакрепленный кирпич… теперь сделай, чтобы это… прекратилось. Спаси… меня…

Мужчина встал рядом с Рыжей. Он склонился над ведьмой, и она снова прохрипела:

– Помоги… мне…

«Не могу», – подумала Рыжая и чуть не произнесла это вслух, но вовремя остановилась и решительно сказала:

– Нет.

Лицо Ведьмы исказилось от ярости и боли. А затем – прямо у них на глазах – стало сминаться. Сминаться, как глина. И превратилось в другое лицо – лицо юноши с блестящими глазами.

– Позвольте, я помогу вам нести корзину? – спросил он,

и слова растаяли у него на губах. Его волосы выпали, кожа покрылась пузырями.

Проступило другое лицо, теперь это была маленькая девочка со светлыми локонами. Рваная одежда ведьмы колыхнулась – тело съежилось и уменьшилось, стало как у ребенка.

– Я потеряла маму! – воскликнула она. – Вы поможете мне ее найти?

Девочка превратилась в старика.

– Я покажу дорогу, пойдемте со мной! – сказал он.

Старик превратился в женщину-разносчицу… потом в лохматого мальчишку… потом в даму в викторианском наряде…

Не в силах больше смотреть на все это, Рыжая отвернулась. Она догадалась: перед ними появлялись жертвы Заокраинной Ведьмы. Несчастные, попавшие в ее руки, без единого шанса спастись, они и не подозревали, какая судьба их ждет: стать ее прикрытием, новым обличьем, наваждением.

Рыжая поборола желание зажать уши, услышав бессвязное бульканье Ведьмы. Та задергалась в агонии и наконец неподвижно обмякла.

– Мертва! Не могу поверить, она мертва! – фыркнул Элдрич.

От его неприкрытого ликования Рыжую захлестнула волна отвращения. Преодолевая себя, она повернулась к тому, что еще недавно было Заокраинной Ведьмой… и едва сдержала крик.

Перед ней, в свете, льющемся из открытого люка, лежала искаженная копия ее самой. Бледная, усыпанная веснушками кожа и стеклянные, с остановившимся пристальным взглядом, зеленые глаза. Злобно ощеренное лицо. Странно, но волосы были не такие, как сейчас, мышиного цвета, а натуральные – каштаново-рыжие. У Роуэн мелькнула мысль: Заокраинная Ведьма отрезала у нее прядь, не зная, что волосы недавно покрашены. Не отравилась ли она чем-то в краске?

Мужчина перешагнул через безжизненное тело и, прихрамывая, направился к ступенькам.

– Пойдем, – сказал он Рыжей. – Надо поискать ключ.

Рыжая вышла из оцепенения, наклонилась и стала обыскивать Ведьму, стараясь не смотреть на лицо. В складках одежды она нашла то, что искала, – свой нож. Сунула его за пояс и, прежде чем идти к лестнице, пинками закидала соломой лежащее тело. Когда она поднялась наверх, в тепло, у нее, как ни странно, застучали зубы и кожа покрылась мурашками. Только сейчас Рыжая осознала, насколько промерзла в подвале.

В доме все оставалось как было: в настенных светильниках колебалось пламя свечей, в камине горел огонь, над очагом

булькали две кастрюли. Рыжая подошла ближе, живот скрутило болью – она не ела ничего уже очень давно. Поднесла руки к огню, чтобы согреться, и заглянула в одну из кастрюль. Там тушилось что-то густое и коричневое с кусочками темного мяса. У Рыжей потекли слюнки, но она не решилась попробовать. Мужчина рядом тоже вдыхал запахи еды. На его лице читались сходные мысли: не содержимое ли кастрюли стало причиной гибели Заокраинной Ведьмы. С тоской Рыжая заглянула во вторую кастрюлю. Это было отвратительно. В темной кроваво-красной жиже колыхалась прядь ее собственных волос. Тут же плавали осколки яичной скорлупы, потом мерзкая смесь качнулась, и на поверхность поднялся кусок змеиной кожи и что-то похожее на коготь.

– Уничтожь это, – тихо сказал мужчина. – Вылей в огонь.

Взяв тряпку, лежавшую поблизости, Рыжая подхватила кастрюлю и выплеснула ее в очаг. Но варево не залило огонь, как она ожидала, а напротив: полыхнув, пламя взметнулось вверх и лишь потом утихло.

Мужчина забрал у Рыжей тряпку и поднял кастрюлю с тушеным мясом.

– Нельзя это есть, – пояснил он. – Приготовлю что-нибудь другое. Иначе не будет уверенности, что еда безопасна.

– Мы не должны задерживаться, – сказала Рыжая. – Нужно выбираться из этого ужасного места.

Мужчина покачал головой.

– Нет смысла уходить сейчас. – Он указал на окно. – Уже темнеет. Лучше переночевать здесь, поесть и взять с собой все, что сумеем. Если останемся, у нас будет возможность подготовиться.

– Но это же опасно! – возразила Рыжая.

– Не опаснее, чем в лесу, – ответил он. – И теперь, когда эта тварь в подвале мертва, с главной угрозой покончено.

– Вы ведь не забыли обо мне, да? – заорал снизу Элдрич. – Скорее найдите ключ!

– Ты ищи, – обернулся мужчина к Рыжей. – А я выброшу это и приготовлю что-нибудь для нас.

Рыжая подождала, пока мужчина выйдет из дома с кастрюлей. Было слышно, как он выскребает все оттуда.

– Я пойду к ручью, – крикнул он через открытую дверь. – Вернусь через минуту.

Как только он скрылся из виду, Рыжая провела пальцами по кирпичной кладке дымохода. На мгновение она подумала, что ведьма солгала и никакого незакрепленного кирпича нет, но затем один чуть сдвинулся под ее рукой. Держался он

довольно плотно, и, чтобы вытащить, пришлось потратить несколько минут. В открывшейся выемке лежало несколько небольших предметов. Осторожно потрогав, она стала их вынимать. Как раз в этот момент вернулся мужчина с вымытой кастрюлей.

– Значит, кирпич нашелся, – сказал он. – Там есть ключ?

– Нет, – ответила Рыжая. – Всякие мелочи, хлам, но ключа нет. Ведьма солгала.

Лицо мужчины вытянулось.

– Должен же он где-то быть. Придется дальше искать.

Мужчина оглядел клетки с животными, подошел к той, где сидели несколько кроликов, и достал одного. Большого и жирного. Рыжая почувствовала приступ тошноты – она поняла, что он хочет сделать. Взяв маленький нож с камина, мужчина посмотрел на нее и сказал:

– Прости. Но нам необходимо съесть что-то существенное. Неизвестно, когда в следующий раз мы сможем найти еду. Все будет быстро, обещаю. – С кроликом под мышкой он снова направился к выходу, но у двери обернулся. – Наверное, тебе лучше рассказать Элдричу, что ключ не нашли, но продолжаем искать.

Рыжая снова кивнула, не решаясь заговорить. Собралась с духом, спустилась в подвал и чуть не задохнулась – а ведь совсем недавно свыклась с этой вонью.

Элдрич зло смотрел на нее. От него несло потом и грязью.

– Что вы там делаете наверху? – прошипел он. – Почему не освободили меня до сих пор?

– Возникла проблема. Ведьма солгала насчет ключа – там, где она сказала, его нет.

Элдрич запрокинул голову и издал мучительный вой.

– Нужно было сначала проверить! – выкрикнул он. – А теперь слишком поздно! Что, если мы никогда его не найдем?

– Мы будем искать дальше, – пообещала Рыжая. – Где-то же он должен быть.

Она посмотрела на прикованную руку Элдрича. Жуткая картина: запястье под кандалами превратилось в красное сырое мясо и походило на кровавый браслет. Ее мысли явно отразились на лице, потому что Элдрич внезапно сплюнул.

– Железо, – сказал он и посмотрел на нее будто с осуждением. – Вот что делает железо, соприкасаясь с кожей фейри. Ожог.

– Я же говорю, мы продолжим искать, – коротко ответила Рыжая. Повернулась и пошла к лестнице, стремясь укрыться от тошнотворного смрада. – Скоро будет еда. Как приготовится,

мы тебе принесем.

Когда она выбралась наверх, ей страшно хотелось захлопнуть люк. Так легче было бы забыть, что в подвале лежит мертвая Заокраинная Ведьма и останки ее несчастных жертв. Но хотя Рыжей не нравился Элдрич и она ему не доверяла, было непростительно запереть его в темноте. Поэтому она просто повернулась спиной к люку и стала осматривать остальную часть дома.

Сквозь сетку своих клетушек за ней боязливо наблюдали животные. Рыжая опустилась на колени рядом с ближней клеткой, где сидела лиса. Та зарычала и отпрянула к задней стенке. Приготовившись, Рыжая отодвинула защелку и, когда дверца распахнулась, быстро отошла в сторону. В мгновение ока лиса выскочила из клетки, выбежала в открытую дверь и умчалась прочь.

Одного за другим Рыжая выпустила из клеток всех: кроликов, лисиц, горностаев. Вынесла за порог коробку с мотыльками и бабочками и только там открыла ее, опасаясь, что в доме они полетят на свет – к свечам или к огню в очаге. Вернувшись в дом, она заметила последнее оставшееся существо: в угол клетки забился кролик. Хромой – задняя нога перебита капканом. В остальном он выглядел здоровым и упитанным. С сожалением Рыжая заперла клетку. Ему не выжить в лесу. Теперь она понимала, что это самый подходящий вариант для ужина.

В дом вернулся мужчина. Подбросил дров в очаг, поставил кастрюлю на огонь и принялся ходить по дому, заглядывая во все углы и открывая мешки. Задержался у пустых клеток.

– Все выпущены на волю, – сказала Рыжая, хотя вопрос не последовал.

– Да, вижу.

Без дальнейших разговоров он вернулся к очагу с несколькими найденными картофелинами и парой старых на вид морковок, почистил, нарезал и бросил в кастрюлю. Затем снова принялся что-то искать.

– Где-то же должен быть ключ, – пробормотал он.

Следом за ним Рыжая тоже заглянула в угол.

– Осторожно, лучше не прикасайся ко всему подряд. – Он провел руками по большому деревянному сундуку. Замка не было, и крышка легко откинулась. Рыжая ахнула.

– Мой рюкзак!

Схватив его, проверила. Все на месте, уложено как прежде. Под рюкзаком оказалось еще много разного: сумки, обувь, часы, одежда. Каждая вещь кому-то принадлежала. Но они уже не вернутся к своим владельцам.

Мужчина тоже что-то достал из сундука. Нож – в два раза больше, чем нож Рыжей. Она опасливо посмотрела.

– Это мой, – сказал мужчина. – Сделан из железа.

Сунув его в ножны на поясе, он продолжил копаться в сундуке.

Рыжая отошла вглубь дома. Ее внимание привлек стол, на котором лежала стопка книг. Она взяла одну и открыла. В верхнем углу титульного листа от руки было написано имя: Агнес Фогг. Не одной ли из жертв Заокраинной Ведьмы принадлежала книга? Перелистывая страницы, Рыжая остановилась на некоторых фразах и пометках.

Снадобье от бородавок: нанесите млечный сок одуванчика при свете убывающей луны. Повторяйте в течение трех ночей…

– Что это? – Голос мужчины, раздавшийся прямо над ухом, заставил Рыжую подпрыгнуть и выронить книгу. Ударившись о стол, та отскочила и упала на пол.

И тут произошло нечто странное: из книги стали выползать крошечные черные насекомые, они разбегались по полу, прячась в темные уголки. Рыжая нахмурилась и подняла книгу.

– Похоже на книгу снадобий или заклинаний. – Она не договорила: одно насекомое пробежало по ее руке. Рыжая почти уже смахнула его, но помедлила и пригляделась. Насекомое вовсе не было насекомым. Это была малюсенькая буква «а».

– Черт возьми, что за?..

– Колдовство, – произнес мужчина. – Должно быть, книга заколдована, и вот что происходит, если к ней прикоснутся не те руки.

Рыжая снова пролистала страницы. Все были пусты: слова разбежались буква за буквой.

– На титуле стояло имя, – сказала она. – Агнес Фогг. Думаете, тоже жертва Ведьмы? Или, может, Ведьма украла ее книгу, хотела заполучить все эти магические заклинания?

– Нет, тут, видимо, ни то ни другое… – задумчиво проговорил мужчина. – Я знаю о некой Агнес Фогг. Жила примерно двести лет назад в Тики-Энде. Мудрая женщина, как тогда говорили. Знахарка, повитуха. Она дружила с Элизабет Элвесден, первой леди поместья Элвесден, и учила ее свойствам трав, целительству. Но все это было до поры до времени. Однажды Агнес принимала роды, и младенец вскоре умер. Да еще по Тики-Энду пошла гулять болезнь. Горожане обвинили обеих женщин в колдовстве. Агнес изгнали из города в лес. А жизнь Элизабет Элвесден закончилась в лечебнице для душевнобольных.

– Значит, не Заокраинная Ведьма погубила Агнес Фогг? – спросила Рыжая.

Мужчина покачал головой.

– Я думаю, что Заокраинная Ведьма и есть Агнес Фогг… или, по крайней мере, когда-то ею была.

Рыжая положила книгу обратно на стол.

– А почему ее так прозвали? Заокраинная Ведьма звучит зловеще.

– В самом-то имени нет ничего зловещего, – ответил мужчина. – «Заокраинная Ведьма» или «Ведьма-за-Изгородью» всего лишь означает «ведьма-отшельница». В старые времена ведьмы зачастую жили у дальнего края деревни, за живой изгородью. А изгородь эта была частью их двора, сада с разными травами и растениями, которые они использовали в своем занятии. До сих пор мне казалось, что это вполне нормально звучит.

Он вернулся к очагу и стал помешивать то, что готовилось в кастрюле. От запаха еды желудок Рыжей сжался.

– Как думаете, почему она оказалась в царстве фейри? Из-за своих злых дел?

– Кто знает? – ответил он хмуро. – Рассказывали, что недоброй она сперва не была. Может, ее обманом сюда заманили. А может, ожесточилась, затаила зло из-за того, как с ней обошлись, поэтому сбежала и стала мстить.

– Тогда она добилась своего, – сказала Рыжая, снова принявшись обходить дом – ей трудно было оставаться на месте после подвального плена. Поднырнув под сушившиеся на балках шкуры животных, она наткнулась на накидку из лисьего меха, которая висела в углу. Рыжей стало не по себе, но все-таки какая-то теплая одежда была необходима. Набросив накидку на плечи, она застегнула ее на крючок чуть ниже подбородка.

И сразу же почувствовала себя странно. Комната внезапно увеличилась до огромных размеров, а мужчина рядом оказался невероятного роста. На долю секунды почудилось, что на теле встали дыбом все волоски, а затем ее чувства обострились. Она учуяла запах готовящегося густого рагу. Слух стал безупречным – она улавливала звук, с которым всплывал в кастрюле каждый пузырек. Взглянув на руки, Рыжая увидела вместо них две красновато-коричневые лапы.

На лице мужчины отразилось изумление.

– Невероятно, – выдохнул он.

– Я лиса! – вскрикнула Рыжая.

Мужчина стоял с открытым ртом:

– И ты можешь говорить!

Рыжую охватила паника.

– Если у меня лапы вместо рук, как мне это снять? Как расстегнуть застежку? – Она безуспешно царапала когтями подбородок.

– Успокойся, – сказал мужчина. – Твои руки остались при тебе. Помни, это наваждение. Морок, обман чувств.

Рыжая заставила себя успокоиться. Мысленным взором представила свои руки и удержала их образ в голове. Затем подняла их к подбородку, нащупала застежку. И с облегчением сняла накидку.

– Элдрич рассказывал, что Ведьма проделывала запредельные вещи, – вспомнила она. – Не поверхностное наваждение, а чары, которые одурачивают даже фейри. Если это правда, то люди со вторым зрением тоже вряд ли их распознают. Примерьте. – Рыжая протянула мужчине накидку.

Он взял, немного подумав, набросил на плечи и застегнул крючок. Ничего не произошло. Рыжая выжидающе наблюдала, но перед стоял просто человек в лисьей шкуре, который смотрелся довольно нелепо, выглядывая из-под острых ушей.

– Вообще ничего. – Рыжая разочаровалась: она ожидала со стороны увидеть колдовскую силу накидки. – Почему со мной получилось, а с вами нет?

– Не знаю. Возможно, это работает только для одного человека – того, кто надел первым. А какие у тебя были ощущения в этой шкуре? – Он вернул накидку Рыжей.

– Странные. Будто все тело стало… мохнатым. Казалось, что мех – часть меня, растет прямо из кожи.

Глаза мужчины расширились.

– Тогда все понятно. Накидка слилась с тобой воедино. И должна теперь оставаться твоей, никому другому от нее проку не будет.

– Может, мы для вас тоже что-нибудь найдем, – сказала Рыжая. – Что поможет изменить внешность.

Они обыскали все, но не обнаружили больше ничего, что обладало бы такими свойствами. Собрав другие шкуры и меха, которых в доме было полно, они сложили все перед огнем, устроив место для спанья.

– Это может означать только одно, – сказал мужчина. – Накидка была сшита на заказ. Кто-то придет за ней, и скоро. Так что, как рассветет, нам необходимо уйти отсюда.

Они принялись за еду. Стряпня оказалась довольно жидкой, а мясо – жирным, но Рыжая была все равно рада и благодарна. Наконец-то настоящая пища.

В подвал ей спускаться не пришлось, мужчина сам отнес

Элдричу тушеное мясо и пару шкур, чтобы тот мог укрылся. Рыжая слышала, как он канючил и требовал объяснить, почему они до сих пор не нашли ключ. Рыжая закуталась в мех; нож снова был при ней. Она наелась, тепло от очага согревало ее худое тело, дремота брала свое, хотя и прерывалась от каждого стука ставен и скрипа двери. Вскоре мужчина вернулся и сел немного поодаль. Сквозь полудрему она заметила, что он, погрузившись в свои мысли, смотрит на огонь.

Рыжая плотнее закрыла глаза, решив постараться отдохнуть как можно лучше, но напряженные до предела нервы не давали уснуть.

Мужчина задышал медленнее и ровнее, и Рыжая уверилась: он спит. Однако, взглянув на него, к своему удивлению, встретила пристальный взгляд голубых глаз.

– Итак, – тихо сказал мужчина. – Расскажи мне следующую часть своей истории.

И она стала рассказывать.

12

Когда Таня с Фабианом вернулись домой, Фабиан с такой силой распахнул кухонную дверь, что она отскочила от стены. Оберон тут же подбежал к мискам и, как всегда, для начала проверив, есть ли еда, стал жадно лакать воду, разбрызгивая ее по всему полу.

Флоренс сидела за столом, держа в руке фейри из часов. Удивившись их столь шумному появлению, она недовольно сказала:

– Ради всего святого, Фабиан! В один прекрасный день ты сорвешь эту дверь с петель.

– Извините, – выдохнул он, плюхаясь на стул.

Таня уселась между ним и Флоренс, тоже пытаясь отдышаться.

– Что-то стряслось? – Флоренс почувствовала неладное. – Таня, почему у тебя в волосах листья и веточки? И ты, Фабиан, выглядишь неряшливее обычного, хотя я не представляла, что такое возможно.

– Кое-что случилось, – выдавила Таня. – В лесу.

Она убрала с лица взмокшую от пота прядь волос.

– Вы были в лесу? – Голос Флоренс зазвучал неожиданно резко. – Что я вам говорила? Неужели то, что произошло, ничему вас не научило?..

– Мы были с Уориком, – перебила Таня.

Флоренс нахмурилась еще сильнее:

– Не знаю, о чем он думал. Где он? И где Нелл и эта ее злополучная птица?

– Так мы и пытаемся вам рассказать! – Фабиан начал объяснять, как все было.

Страх на лице бабушки проявлялся все отчетливее, а с ним рос и Танин страх. Как искать Уорика и Нелл?

Рука Флоренс застыла в воздухе. Только сейчас Таня заметила, что кончик указательного пальца у нее поблескивает. В другой руке сидела раненая обитательница часов. По-видимому, ей стало гораздо лучше – она внимательно смотрела на зависший палец. Фейри причмокивала губами, и ротик был измазан чем-то золотистым и липким. На столе стояла открытая банка меда – угощение для бедняжки. Присмотревшись к ее крыльям, Таня не заметила ни одного шва. Бабушка выполнила работу безупречно.

– Уорик был прав, – сказала Флоренс дрожащим голосом, когда Фабиан закончил рассказ. – Из-за Нелл и ее несносного

попугая мы все действительно попали в беду.

– И как же теперь быть? – спросила Таня. – Как нам их найти?

– Не знаю, – ответила Флоренс. – Думаю только об одном – призвать Рэйвен, Гредина и Мизхога. Может быть, они знают, что делать.

– Призвать их? – поразилась Таня. – Ты можешь? Можешь действительно их призвать?

– О, да. Сделать я это могу, но прибегаю к этому в крайнем случае, когда сама точно не могу справиться. Понимаешь ли, им это не по душе. Они предпочитают приходить, когда считают нужным.

– Понимаю, – задумчиво произнесла Таня. Она не видела этих фейри уже некоторое время. Раньше они являлись куда чаще, хотя их визиты никак нельзя было назвать приятными. Но ей никогда не приходило в голову, что их можно вызвать.

– И как ты это делаешь? Как вызовешь их?

– Пойдемте со мной, я покажу. – Флоренс потянулась к банке с медом, чтобы закрыть, но внезапно ойкнула, устремив взгляд на фейри, которая сидела у нее на ладони.

– Что такое? – спросил ничего не понимающий Фабиан. Он единственный из присутствующих не видел фейри.

– Маленькая бестия меня укусила! – Флоренс смахнула фейри на стол и снова убрала крышку с меда.

– Это фейри, да? – печально произнес Фабиан. – Хотел бы я их видеть…

– Будь осторожен в своих желаниях, – сказала Таня.

– Неблагодарное создание, – пробормотала Флоренс, потирая палец.

Она встала и жестом позвала Таню и Фабиана присоединиться. Оберон потрусил за ними, обтирая мокрую морду о ногу Тани. Флоренс закрыла дверь кухни – скорее всего, чтобы Вулкан не просочился к фейри. Затем она повела их дальше, к лестнице, в темный коридор, пахнущий затхлостью. Молча дошли до знакомой Тане двери: библиотека. Флоренс достала из кармана связку ключей, отперла замок и направилась прямо к стеллажам.

И стала что-то искать, водя пальцами по корешкам книг. Наблюдая за ней, Таня уловила, что в библиотеке произошли какие-то изменения, и, прищурившись, стала разглядывать полки. Она уже бывала в библиотеке раньше, летом. В первый раз нашла две интересные вещи: книгу с ценными сведениями о фейри (ее потом уничтожили гоблины) и газетную вырезку, посвященную исчезновению Морвенны Блум – некогда лучшей подруги бабушки. Во второй раз за книжным шкафом Таня обнаружила

вход в потайной туннель и – беглянку Роуэн Фокс, которая там пряталась. Однако вскоре после Таниного знакомства с библиотекой Уорик вывез оттуда множество книг, вроде бы отдал на благотворительность. А сейчас ее рука остановилась на маленьком томике Шекспира – «Сон в летнюю ночь».

Сняв его с полки и перелистав, пока бабушка стояла спиной, Таня совсем не удивилась, когда оттуда выпала знакомая газетная вырезка.

Она демонстративно громко захлопнула томик. Бабушка обернулась, и по ее лицу пробежала тень: взглянув на книгу в Таниной руке, она осознала свой промах.

– Это же те самые книги, – тихо произнесла Таня. – Уорик ведь не избавился от них, да? Все было только для вида. Так, спектакль.

– Извини, что мы тебе солгали. – Голос Флоренс оставался спокойным. – Но для твоей безопасности требовалось, чтобы ты поверила, что книг больше нет. Слишком много информации, слишком велик риск. А раз ты узнала о библиотеке, просто запереть дверь недостаточно.

Фабиан виновато взглянул на Таню, и она разгадала его мысли. Летом он утаскивал у Флоренс и Уорика их универсальные ключи, которые открывали любую дверь в доме, и вместе с Таней они исследовали запертые помещения, куда иначе попасть бы не смогли.

– Так что же изменилось? – Таня указала на полки. – Почему сейчас ты не против, что я знаю про книги?

Бабушка подошла ближе и нежно взяла лицо Тани в свои ладони.

– Все изменилось. Теперь тебе известно, что у меня есть второе зрение. И я надеюсь, когда тебе понадобится помощь, ты прежде всего придешь к Уорику или ко мне. Так, как ты поступила сегодня.

Таня промолчала, и они продолжили поиски. Бабушка была права – не в том, что тогда солгала, а в том, что стремилась ее защитить. Все опасные события летом действительно начались с того, что Таня наткнулась на эту газетную вырезку.

– Как называется книга, которую вы ищете? – спросил Фабиан.

– «Сто один рецепт идеального слоеного теста», – ответила Флоренс, стряхнув паутинку. Паутинка слетела на нос Оберона, и пес чихнул.

– И как с помощью слоеного теста можно вызвать фейри? – озадачился Фабиан.

– Вот увидишь. – Флоренс продолжала рассматривать

полки. – Ох, черт возьми, там, где я оставляла, ее точно нет… наверное, переложили, когда Уорик возвращал книги.

Через пять минут Фабиан позвал их:

– Вот она! – И вытащил книгу.

Она стояла на полке рядом с местом, где скрывался потайной вход в туннели под домом. Сдув пыль, Фабиан протянул старый томик Флоренс, и та принялась листать его. От страниц попахивало плесенью. Темно-красная тканевая обложка была потрепанной и выцветшей. «Красная, чтобы отпугивать фейри, – внезапно догадалась Таня, – и название, которое не заинтересует ни одного ребенка. Тайник что надо!»

Из середины книги Флоренс достала три предмета: маленький зеленый лист, черное перо и длинный тонкий ус. Таня узнала всё. Всё принадлежало фейри. Бабушка захлопнула книгу и сказала:

– Теперь вы должны пообещать, что никому никогда не расскажете о том, что сейчас увидите.

Таня и Фабиан шепотом дали обещание. Флоренс отложила книгу, и они втроем вышли из библиотеки. Таня заметила, что на этот раз бабушка не стала запирать дверь. Они вернулись на кухню. Флоренс на минуту отлучилась в кладовку, откуда принесла небольшую деревянную коробочку. Открыла ее и показала горстку маленьких листиков, расправленных и высушенных.

– Клевер, – узнал Фабиан.

– Четырехлистный клевер, – уточнила Флоренс. – Если когда-нибудь встретите четырехлистники, сохраните – в них заключена большая сила. Связь между людьми и фейри.

Бабушка опустилась на колени перед очагом, держа все собранное в руках.

Таня и Фабиан встали рядом с ней, и Таня уловила мимолетное движение. Это проскользнула за ведро с углем маленькая фея очага. Флоренс смотрела на огонь. Прядь ее длинных седых волос выбилась из тугого пучка на затылке и упала на лицо.

Флоренс подняла ладонь, на которой лежало черное перо Рэйвен. Добавила к нему один четырехлистник и волос со своей головы. Легким движением запястья бросила все это в огонь. Завиток дыма взметнулся вверх, и тогда Флоренс проговорила:

– Силами сущими я призываю тебя!

Вырвала у себя еще один волос, добавила его к усу Мизхога и еще одному четырехлистнику и, бросив все в огонь, произнесла те же слова во второй раз. Взяв третий предмет, лист с одежды Гредина, чуть задумалась, а потом протянула его Тане:

– Держи!

– Ты хочешь, чтобы я… его призвала?

– Гредин – твой хранитель, – сказала Флоренс. – Ты больше, чем кто-либо другой, имеешь право обратиться к нему.

Нервничая, Таня приняла листок у бабушки. Облизала палец и опустила его в коробочку с клевером. Один из четырехлистников прилип к кончику пальца, и она стряхнула его на ладонь. Другой рукой выдернула у себя волос. Бросила все это в пламя и, услышав шипение, четко произнесла:

– Силами сущими я призываю тебя!

– Что теперь? – беспокойно спросил Фабиан.

– Ждем, – ответила Флоренс.

Прошло больше часа, но никто не появлялся. Таня, Фабиан и Флоренс в подавленном молчании сидели на кухне, уставившись на огонь. Уже темнело, тревога за Уорика и Нелл все усиливалась. Флоренс который раз наливала в чашки чай, он остывал, потому что никому не хотелось его пить. Издерганный Фабиан стал совсем невыносимым и пресекал любые попытки завести разговор.

В очаге потрескивало пламя, по окнам барабанил дождик, время от времени икала раненая фейри, объевшаяся медом. Похрапывал Оберон, подергивая лапой и повизгивая – видимо, во сне гонялся за кроликами.

– Почему их еще нет? – Фабиан хмуро глядел на Флоренс. – Какой смысл их звать, если они не приходят сразу?

– Как я уже объяснила, они прибудут, как только смогут, – ответила Флоренс.

Фабиан на мгновение приумолк, но Таня видела, что ноздри у него раздуваются – он был весь на нервах.

– Я их смогу увидеть?

– Трудно сказать, – ответила Флоренс. – Если им известно, что ты о них знаешь, тогда, возможно, они покажутся. Но не удивляйся, если ничего не увидишь.

К счастью, долго ждать, чтобы это выяснить, не понадобилось: задняя дверь распахнулась, и вместе с мелкими брызгами дождя в дом вошли две закутанные в плащи фигуры.

Фабиан вскочил со стула, его бледное лицо озарилось надеждой.

– Папа?..

Однако Таня заметила, как потускнел огонь в очаге, и почувствовала, как предательски стали подергиваться ее веки. В кухню ворвались запахи леса, яркие, свежие. Это были не обычные посетители.

Гости сбросили плащи. Перед сидящими предстали женщина

с кожей цвета слоновой кости, одетая в платье из черных перьев, и темнокожий мужчина в костюме из листьев. Не только у Фабиана, но и у Тани открылся рот. Она никогда не видела этих двоих в полный рост. Прежде фейри появлялись перед ней маленькими, похожими на куклы.

– Рэйвен, Гредин, – поприветствовала Флоренс. – Пожалуйста, садитесь!

Фейри ответили на приглашение короткими кивками и заняли места перед огнем рядом с Таней и Фабианом. Таня чувствовала себя неловко и избегала встречаться взглядом с гостями. Никак не получалось свыкнуться с мыслью, что фейри могут прийти не для того, чтобы наказать. К тому же по их лицам нельзя было сказать, что они рады здесь находиться. Прежде чем сесть, Рэйвен запустила руку в складки своего платья, достала коричневое сопящее существо величиной с морскую свинку и положила на коврик перед очагом. Существо принялось обнюхивать ботинки Фабиана, одновременно складывая за спиной свои изъеденные молью крылья.

– Это… – изумленно начал Фабиан.

– Да, – закончила Таня. – Мизхог.

Мизхога привлек снующий поблизости жучок. На удивление быстро он метнулся к нему, лизнул и проглотил – жучка как не бывало.

Флоренс снова сходила в кладовку и вернулась с банкой. Насыпала оттуда что-то в чашки с кипятком и раздала всем по очереди. Таня неуверенно понюхала свою чашку. Пахло травами. Подув на питье, попробовала: как и ожидала, оно горчило и было не особо приятным на вкус.

Наконец села за стол и Флоренс. Фейри выжидающе смотрели на нее.

Гредин заговорил первым.

– Зачем вы нас призвали? – Его губы скривились, как будто в легком оскале.

Флоренс отставила чашку:

– Произошло нечто серьезное. Уорик пропал в лесу вместе с нашей экономкой Нелл. Их забрали фейри.

Желтые глаза Гредина сузились.

– Откуда ты это знаешь? – холодно спросила Рэйвен.

– Мы видели, – нерешительно вступила Таня. – То есть… я видела. Нелл забрела в ведьмин круг, и ее вовлекли в какой-то колдовской танец. Уорик пытался ее вытащить, но его самого затянули внутрь… а дальше гуляки стали переводить их из круга в круг и исчезли с ними в глубине леса.

– Как эта Нелл угодила в ведьмин круг? – спросил Гредин. –

У нее второе зрение?

– Нет, – сказала Таня. – По крайней мере, я не думаю, что есть.

Она вопросительно посмотрела на бабушку.

Флоренс покачала головой:

– Думаю, просто случайно наступила в круг.

– Сколько там было гуляк? – Тон Рэйвен немного смягчился. – Ты можешь их описать?

Таня закрыла глаза и перечислила: гоблин, фавн и маленький горбатый старичок с крыльями. Рэйвен и Гредин несколько минут вполголоса переговаривались.

– Мы знаем этих троих. Они – шкодники. Похоже, направляются в Авалон на празднование Самайна, а по дороге подхватывают ничего не подозревающих людей, чтобы использовать их в развлечениях.

Таня нахмурилась:

– Что такое Авалон?

– А Самайн? – Фабиан наконец набрался смелости заговорить с гостями.

– Авалон – название одного из входов в царство фейри, – ответила Рэйвен. – Самый известный из всех, а также самый опасный, потому что там располагаются Дворы фейри. Он находится на древнем холме, который когда-то был островом.

– А Самайн, – продолжил Гредин, – древнее слово, которое означает «конец лета». Эту ночь люди называют Хэллоуином, ночь перехода от правления Благих к правлению Неблагих. Опасная ночь!

У Тани замерло сердце.

– Вы думаете, Уорика и Нелл увели туда? К Дворам фейри, на эти ужасные игрища и празднества?

Рэйвен кивнула, от кивка кончики ее заостренных ушей показались из черных волос.

– Вполне вероятно.

Фабиан вскочил с места:

– Мы должны что-то сделать! Должны найти их и вернуть!

– Сядь, – холодно сказал Гредин. – *Вам* ничего не нужно делать. Только оставаться здесь и ждать, вдруг они вернутся сами. Рэйвен, Мизхог и я будем их искать.

– Разрешите мне пойти с вами, – взмолился Фабиан. – Пожалуйста!

Но Рэйвен и Гредин уже поднимались с мест.

– Для нас это слишком опасно, – сказала Флоренс.

Рэйвен повернулась к Гредину, который допивал свое горькое питье.

– Следует идти немедленно. Если мы перехватим их, прежде чем их приведут ко Двору, еще будет шанс.

Фейри снова набросили на плечи темные плащи и накинули капюшоны, скрывая лица. Флоренс проводила гостей до двери и, распахнув ее, обхватила себя руками – в дом ворвался сырой ветер.

– Мы вернемся, когда у нас появятся новости, – сказала Рэйвен.

Без лишних слов Рэйвен и Гредин внезапно уменьшились до привычных Тане размеров и, захватив Мизхога, улетели. Таня и Фабиан, подойдя к стоявшей у порога Флоренс, глядели, как фейри взмыли над садовой изгородью, направились к лесу, а затем исчезли из виду.

Флоренс заперла дверь.

– Так нечестно! – взорвался Фабиан.

От гнева и разочарования на глазах у него выступили слезы. Он плакал не скрываясь.

– Они должны были взять меня с собой! – Задыхаясь от рыданий, он плюхнулся на стул. – Я мог бы помочь. Я хочу помочь!

Таня смотрела на него, пораженная до глубины души. Как подобрать слова, чтобы утешить его? Она не представляла… Но тут Флоренс придвинулась к Фабиану и крепко обняла его. Таня не могла не заметить естественность этого движения – между ней и бабушкой такого никогда не случалось. Но никакой обиды не почувствовала. Флоренс для Фабиана была очень близким человеком, почти заменяла ему мать.

– Понимаю, Фабиан, – сказала Флоренс. – Понимаю. Но мы можем только ждать.

– Какой смысл ждать? – с горечью произнес Фабиан, его голос звучал приглушенно из-за того, что он уткнулся в плечо Флоренс. – Мы должны что-то делать!

Их прервал громкий стук в заднюю дверь. Мгновенно вскочив, Фабиан рванул к двери.

– Наверное, передумали! – выдохнул он. – Наверное, вернулись, чтобы взять меня с собой! – Отпер дверь и распахнул настежь.

Вместо двух темных фигур фейри, которые надеялся увидеть Фабиан, на пороге стояла очень старая женщина в потрепанной одежде и лоскутной шали. С шали и с длинных седых волос, заплетенных в косу, капала вода. Рядом с ней дрожала и куталась в одеяло полная женщина – помоложе. Ее ноги в шлепанцах посинели от холода.

– Безумная Мораг! – воскликнул Фабиан. – И Нелл!

– Просто Мораг, будь так любезен, – окоротила его старая цыганка. – Можно войти?

13

Убедившись, что Меган подменили, Роуэн стала избегать Лару. Всякий раз, когда Лара заходила в комнату, Роуэн ускользала. Если та шла по коридору, то Роуэн сворачивала, даже если ей надо было идти не туда. Когда общения было не избежать, Роуэн ничего не объясняла Ларе, лишь повторяла, что изменения в младшей сестре той просто чудятся. В конце концов Лара вообще перестала задавать вопросы.

Сама Роуэн была в панике. Не оправившись после гибели родителей, она теперь еще постоянно боялась, что Джеймса или другого малыша постигнет та же участь, что и Меган. Ее мучила мысль, что ребенок, который находится в детском отделении всего в нескольких метрах от ее брата, не человек. Нянечки поначалу обращали внимание, что у девочки слишком быстро растут волосы и она никак не может наесться, но через несколько дней и ее вид, и поведение стали такими же, как у остальных детей. Вскоре об этом все и думать забыли.

Кроме Роуэн. Ее было не одурачить. Она знала, что это морок, при любой возможности уводила Джеймса из детского отделения и не выпускала его из поля зрения. Сломанная рука очень мешала, и Роуэн с нетерпением ждала, когда снимут гипс. Главной задачей было написать письмо тете, и она все время обдумывала, как убедить Роуз забрать их с Джеймсом к себе.

Было начало февраля, с момента аварии прошло четыре недели. Роуэн уже провела немало часов с психологом, обсуждая свои чувства, надежды и страхи. По поводу школьной программы наметили, что она – как только будет готова – станет заниматься с частным преподавателем. А пока, между встречами с психологом и общением с Элли, Роуэн погружалась в книги. В детском доме была маленькая библиотека, а еще еженедельно воспитанники могли посещать городскую библиотеку. И вот однажды они отправились туда группой. Они шли по мощеным улочкам Тики-Энда, и Роуэн думала, как славно выглядят здешние переулки и небольшие кривоватые дома.

Городская библиотека была небольшой и не больно-то хорошо обустроенной. Тем не менее все весело устремились в детскую секцию. Роуэн выбрала несколько книжек для Джеймса и расположилась вместе с ним на пухлых подушках в углу. Рядом с визгом и хихиканьем плюхнулись близняшки; стоявшая за стойкой библиотекарша с кислым лицом наградила их хмурым взглядом и шипением «тише, пожалуйста».

Пенни протянула потрепанную книгу:

– Почитаешь нам?

Роуэн вздохнула и кивнула. Но, рассмотрев, что ей дали, покачала головой и вернула обратно.

– Мне не нравится эта история, – сухо произнесла она. – Выбери что-нибудь другое.

Пенни надулась:

– Но я хочу эту.

– Ну а я нет, – сказала Роуэн. – А потому, если хочешь узнать, что в книге, придется читать самой.

Она оставила без внимания обиженное выражение лица Пенни и отвернулась. Дело в том, что раньше эта история Роуэн нравилась. Про крысолова из Гамельна, который уводил детей волшебными мелодиями. Но теперь, после исчезновения Меган, ей было страшно даже читать о пропавших детях.

– Не умею, – захныкала Пенни. – Вот почему я тебя попросила. Я плохо читаю. Ты вредная!

– Просто поищи другую, – сказала Полли, листая книгу, замусоленную еще хуже, чем книга сестры.

– А у тебя там что? – спросила Роуэн, брезгливо поглядывая на подранные страницы.

– Это про фейри. – Полли пролистывала дальше. – Смотрю картинки… которые уцелели. Много страниц вырвано.

Роуэн навострила уши. Как бы беззаботно бросила взгляд на книгу, ожидая увидеть сборник приторных сказочек с такими же слащавыми иллюстрациями. Но, к своему удивлению, ошиблась. Никакой цветной заманчивой суперобложки, строгий темно-зеленый переплет.

– Ты уверена, что книга детская? – спросила она.

Равнодушно перебирая страницы, Полли пожала плечами:

– Я нашла ее здесь, где детские. Лежала за полкой. Попалась на глаза только потому, что я уронила туда другую книгу. Да она все равно дурацкая. Все знают, что фейри выглядят не так. Они должны быть красивыми, а не уродливыми. И написано все непонятно.

Полли положила книгу в стопку на тележке, встала и побрела поискать еще что- нибудь. Тем временем вернулась с новой книжкой недовольная Пенни и протянула ее Роуэн.

Роуэн начала читать, но не понимала ни слова. Все мысли были заняты книгой, которую оставила Полли. Однако свой интерес показывать не следовало. Нельзя привлекать к себе внимание. Каждые несколько минут она бросала взгляд на книгу – убедиться, что та никуда не делась. К тележке подошла библиотекарша. Роуэн затаила дыхание и даже перестала читать. Пенни ткнула ее в бок, требуя продолжать. Когда Роуэн снова

подняла глаза, библиотекарша ушла, а книга лежала все там же.

Затем случилось странное. Книга приоткрылась, и оттуда вылезла крошечная женщина, моргая, будто очнулась от спячки, в которой пребывала среди страниц. Удивление на ее заостренном личике быстро сменилось яростью. Роуэн поняла, что фейри гнездилась в старой книге. Должно быть, потому томик и лежал за стеллажами. Фейри специально спрятала его там, а Полли нечаянно достала.

Длинные спутанные волосы маленькой женщины обвивались вокруг ее тельца наподобие меха. Под ними Роуэн разглядела обтрепанное платье из чего-то старого, серого и мятого – под стать самой фейри. Она была босиком, руки и ноги тонкие, как прутики. Озираясь вокруг, она поймала взгляд Роуэн и негодующе глянула в ответ.

Пенни снова ткнула Роуэн и хныкнула:

– Почему ты не читаешь?

– Хватит уже, – резко ответила Роуэн, закрывая книгу. – Я хочу почитать Джеймсу.

Пенни недовольно фыркнула и отправилась искать, к кому бы еще пристать. Роуэн взяла книжку у Джеймса и притворилась, что читает. Джеймс спокойно сидел у нее на коленях, покусывая прядку ее длинных рыжих волос.

Роуэн ждала, что же дальше будет делать фейри. Ждать пришлось недолго.

Женщина-фейри завизжала и пинком сбросила книгу с тележки. Падая, та зацепила другую выступающую из стопки книгу, и они грохнулись на ковер.

Существо подскочило с тележки и приземлилось на стойку библиотекарши, которая как раз в этот момент осторожно потянулась за дымящейся кружкой – только ей было дозволено есть и пить в библиотеке. Но когда ее пальцы достигли цели, фейри изо всей мочи толкнула кружку. Кружка опрокинулась, все выплеснулось на стол, залив книги и бумаги.

Библиотекарша охнула, разохались и несколько посетителей, какая-то сотрудница бросилась помогать. Фейри торжествующе захихикала, восхищаясь тем, что сотворила, а затем, расправив слежавшиеся крылышки, перелетела на ближайший стол. Пинком скинула с него на пол стопку книг и бумаг, чем вызвала сильное замешательство у сидевшего за столом молодого человека. Потом бросилась бешено листать книгу, из которой что-то старательно выписывала девочка-подросток – теперь она не могла найти нужное место.

Бесчинства продолжались: книги валились с полок и вылетали из рук, волосы вставали дыбом, шнурки на ботинках завязывались

в узлы, читательские билеты путались; из ручек вытекали чернила.

Роуэн наблюдала. И по мере того, как фейри металась по залу, заметила некую странность. Группу детей из местной школы фейри не тронула – как будто вообще их не видела. Проигнорировала и мужчину средних лет, который поверх своей газеты с недоумением смотрел на происходящее, зато пристала к маленькой старушке и растрепала аккуратный пучок у нее на затылке. Все подвергались нападению вроде бы без причины, и Роуэн задумалась, почему же фейри не прицепилась к школьникам и мужчине. Фейри приближалась к месту, где сидела она с Джеймсом. Странность повторилась: фейри обошла близняшек, но уколола Салли в руку украденной шпилькой для волос. Салли хлопнула себя по руке и огляделась, ожидая увидеть какую-нибудь букашку.

Теперь Роуэн открыто смотрела на существо, лихорадочно соображая, в чем же дело. Не похоже было, что фейри кого-то жалеет, так почему же она пропускает некоторых людей? Что в них такого? Чем они отличаются от всех остальных в библиотеке?

«У них должно быть что-то общее», – подумала Роуэн. Что-то она упускает. Но что?.. А вдруг те, кого щадит фейри, ее видят? Возможно, она охотится только на тех, кто не ведает о существовании фейри. Но эту мысль Роуэн сразу отвергла. Она определенно заметила бы, если бы кто-то обладал вторым зрением, особенно близняшки.

Так что же тогда? Она снова оглядела окружающих, пытаясь найти у них какое-то явное сходство, общую черту. И наконец поняла.

На всех было что-то красное.

Форменные пиджаки школьников были темно-красными. На мужчине – ярко-красные вельветовые брюки. Близняшки – одеты в одинаковые красные платья.

Роуэн огляделась и прикинула, кто же окажется следующим. Фейри направлялась обратно к стеллажам – кажется, решила вернуться в свое гнездовье. На ее пути остались только двое: мальчик чуть старше Джеймса и его отец, читающий сыну. Добравшись до них, фейри захлопнула книгу, прищемив обоим пальцы. К счастью, книжка была тонкой и особого вреда это действие не причинило, но от неожиданности лицо малыша сморщилось, и он разрыдался.

Довольная учиненным хаосом, фейри завернулась в свои чудовищно спутанные волосы, прыгнула между стеллажами и исчезла из виду.

Посетители библиотеки подбирали упавшие книги, вытирали разлитый чай и растирали защемленные пальцы. Слышались нервные смешки и смущенные покашливания.

– Должно быть, сегодня что-то витает в воздухе, – услышала Роуэн чье-то бормотание.

Готовясь уходить из библиотеки, приютские воспитанники складывали свои вещи и книги, которые собирались взять с собой. Роуэн сложила то, что подыскала для брата, и попросила Полли подержать Джеймса за руку, пока она отнесет все на стойку. По дороге прихватила потрепанную книгу, откуда вылезла фейри. Сердце у нее учащенно забилось: пусть книга была очень ветхой, зато и не затейливое чтиво, а настоящие преданья – она могла очень пригодиться.

Дожидаясь своей очереди, Роуэн листала книгу, разглядывая необычные старинные иллюстрации – живописные изображения и черно-белые гравюры. Одна гравюра привлекла ее внимание: уродливое существо со сморщенным лицом в детской кроватке, а на него с тревогой смотрит женщина. Внизу подпись: «Подменыш, оставленный вместо человеческого младенца, может быть ребенком фейри, старым фейри или даже куском резного дерева, заколдованным, чтобы походить на настоящее дитя».

Подменыш. Жуткое слово. Она перевернула страницу, но библиотекарша уже подвинула ее стопку книг к себе и спросила:

– Где ты нашла это старье? Состояние безобразное.

– Там, за стеллажами, – объяснила Роуэн. – Похоже, долго пролежала.

– Не то слово, – сказала библиотекарша. – Дай-ка я посмотрю, есть ли еще один экземпляр. Как она называется?

Книга была так попорчена, что они вдвоем не сумели разобрать название ни на обложке, ни на корешке. В конце концов библиотекарша нашла внутри регистрационный номер и пошла к другому столу, посмотреть в каталоге.

– Боюсь, эта книга только для справочных целей. Нельзя брать ее на дом, – вернувшись, заключила она и сморщила нос. – Вероятно, пойдет на выброс, не годится даже для барахолки.

И отложила книгу за стойку.

– Вы хотите избавиться от нее? – спросила Роуэн. – Почему вы не можете просто отдать ее мне?

Библиотекарша фыркнула, и внезапно у Роуэн возникло ощущение, что она намеренно создает препятствия.

– Я не могу выдавать некондиционные книги. Это вредит репутации библиотеки.

– Значит, вы лучше ее выбросите, чем дадите тому, кто хочет прочитать?

– Не я устанавливаю правила, юная леди.

– А будет ли новая такая же?

– Не думаю. Вероятно, ее больше не издают. – В словах женщины чувствовалось самодовольство.

– Пожалуйста, – попыталась снова Роуэн. – Это важно. Я… мне нужно ее прочесть.

Но библиотекарша покачала головой. Разговор был окончен.

Позже, когда Джеймс уснул, Роуэн порылась в своих вещах в поисках чего-нибудь красного. Откопала в конце концов старую, в катышках кофту и натянула ее. Затем поискала что-то красное для Джеймса. Нашлась лишь пижамка, но одной здоровой рукой натянуть ее на малыша было невозможно. Обследовав коридоры, Роуэн приметила перекинутое через перила красное полотенце, им-то она и обернула брата. А потом прокралась в ванную.

Сначала ей показалось, что фейри там нет, но через какое-то время раздалось характерное бульканье. Мгновение спустя существо осторожно вылезло из слива и огляделось. Роуэн сразу поняла: оно ее не видит. Несколько минут она молча наблюдала, как существо передвигается по ванне, поглощая волосы и даже старый кусок мыла. Затем его и без того выпуклые глаза выпучились еще сильнее – на бортике ванны кто-то из девочек оставил тонкую цепочку с кулончиком-звездой. Издав радостный писк, существо сцапало украшение.

– Скользкий маленький воришка, – пробормотала Роуэн.

Потрясенное существо подняло глаза. Оно увидело ее. И пока оно скатывалось обратно в сток, Роуэн пыталась осмыслить все это. Сначала фейри ее не заметил – сомнений нет. Но когда она заговорила… чары рассеялись. Красный цвет каким-то образом помогал скрыться от глаз фейри, но полностью положиться на эту защиту было нельзя. Теперь Роуэн точно знала две вещи: во-первых, у нее есть способ спрятать себя и Джеймса от фейри.

Во-вторых, если существует один способ, то обязательно должны быть и другие.

14

Рыжая проснулась на рассвете с больной от недосыпа головой. В доме Заокраинной Ведьмы стояла тишина, слышалось только дыхание дремавшего в нескольких футах от нее мужчины. Сквозь щели в ставнях проникал свет, а еще оттуда тянуло ледяным холодом. Рыжая поборола желание зарыться обратно в мех, которым укрывалась. Изо рта шел пар.

Она вгляделась в лицо мужчины. Во сне он казался не таким суровым, по его чертам можно было догадаться, что когда-то, в прежней жизни, он был хорош собой. Рыжая не знала о его прошлом, не знала, собственно говоря, даже его имени – и вдруг поняла, что и не хочет этого знать. Свою историю она тоже ему еще не дорассказала. И теперь сомневалась, что дорасскажет когда-нибудь. Решение возникло за долю секунды – она уйдет из дома Ведьмы одна.

Рыжая тихо свернула шкуры в узел. Надо их взять с собой. Встала, подняла лисью накидку, которая служила ей подушкой, и засунула в рюкзак. Окинула в последний раз взглядом дом – не забыла ли что-то свое и нет ли того, что еще может пригодиться.

Беззвучно подняла засов на двери.

– Уходишь не попрощавшись? – послышался голос.

Она резко обернулась. Голубые глаза мужчины были открыты, он за ней наблюдал.

– Я предполагал, что ты можешь так поступить.

– До свидания, – многозначительно сказала она, снова поворачиваясь к двери.

– Я знаю, кто ты.

Рыжая замерла. Чутье нашептывало, что он блефует, но все же полной уверенности не было.

– Нет, не знаете.

– Действительно? Хочешь сказать, ты не та, кто похищает детей-подменышей и возвращает их фейри в надежде обменять одного из них на своего пропавшего брата? Не та, которая пряталась в туннелях под поместьем Элвесден, пока тебя не обнаружила внучка владелицы? Совсем не та, что вмешалась и выручила эту девочку, когда ее почти затянуло в царство фейри? Не та, что заняла ее место?

Пальцы Рыжей соскользнули с засова.

– Кто вы?

– Я смотритель поместья Элвесден. И девочка, о которой я говорю, рассказала мне о тебе – о том, как ты ее спасла.

– Я не спасала ее, – ответила Рыжая. – Все, что я сделала, я сделала для себя. Чтобы попасть сюда и найти брата. Я сделала это не для Тан…

Рыжая вовремя спохватилась: имена называть нельзя. Элдрич в подвале, скорее всего, ее бы не услышал, и самой Тани здесь не было, но рисковать все равно не стоило.

– Я сделала это не для нее, – закончила фразу она.

– Думаю, это не совсем так. – Мужчина откинул шкуры, которыми укрывался, и подул на руки.

– Меня не волнует, что вы думаете. Я ухожу.

– Понимаю. Но я иду с тобой.

Разозленная Рыжая уставилась на него. Он поднялся, очистил очаг и спокойно закладывал новые дрова.

– Я пойду одна, – холодно сказала она. – Вы ранены. Будете задерживать меня. Я не хочу идти с вами. Я вас не знаю и не доверяю вам.

Мужчина даже не обернулся:

– Может быть, пора начинать. Потому что я знаю, кто ты. Знаю твое имя. Твое настоящее имя.

У Рыжей внезапно пересохло во рту.

– Ты можешь мне доверять, потому что я никому не раскрыл его и не раскрою, – продолжил он. – С той поры, как я узнал о тебе, меня не оставляла тревога. При мысли, что ты здесь… одна. В какой-то степени чувствовал себя ответственным. И хотя я оказался здесь случайно, теперь я рад этому.

– Рад? Почему?

– Потому что теперь могу тебе помочь и не должен испытывать вину.

Рыжая в замешательстве покачала головой:

– Почему вы должны испытывать вину? Почему вы должны вообще что-то чувствовать?

– Потому что на мне уже лежит ответственность.

– Семья, – догадалась Рыжая. – Дети?

Слово застряло у нее в горле, будто кусок горячей картошки.

Он кивнул.

– Сын, ему двенадцать, почти тринадцать. Уйма лет, за которые мне надо заглаживать перед ним вину.

– Вину за что? – Рыжая невольно заинтересовалась.

Во взгляде мужчины появилась горечь.

– За многое. – Он подбросил полено в огонь. – Возможно, я расскажу тебе об этом по пути.

Рыжую ужасно тянуло к теплу, и она подошла ближе.

– По пути?..

– Ко Дворам, – ответил он. – Ты же туда направляешься, так?

Он правильно воспринял ее молчание как согласие.

– Я тоже. Потому что это лучшая возможность выбраться отсюда.

Он указал на шкуры рядом с собой:

– Почему бы тебе не посидеть и не подкрепиться, пока ты все обдумываешь?

Рыжая сняла рюкзак с плеча и подошла к очагу. За эти несколько шагов она уже приняла решение. Спутник в этом чужом мире не помешает, по крайней мере на какое-то время. Она так долго была одна, что эта мысль на удивление подбадривала. Кроме того, он связан с Таней, что тоже успокаивало. Рыжая смотрела на мужчину. И, худо-бедно, он умеет готовить. А если не захочется иметь с ним дело, всегда можно сбежать и двигаться дальше в одиночку. Наклонившись, она поднесла руки к огню. Несколько минут оба молчали.

– Итак, – сказала наконец Рыжая, – если мы собираемся идти вместе, как мне вас называть?

Мужчина поднял глаза и улыбнулся. Затем поднес руку к распухшим губам и, поморщившись, дотронулся до рта.

– Я думаю… Стич[6]. Зови меня Стич.

Он направился к двери и вышел наружу, Рыжая осталась сидеть у очага, вглядываясь в языки пламени. Через некоторое время она забеспокоилась и встала, чтобы выглянуть в окно, но не успела его открыть, как в дом зашел Стич с корзинкой ягод и свежей водой из ручья.

– Нам надо отсюда уходить, – сказал он, поставив перед Рыжей ягоды. – Поешь быстро и собери свои вещи. А я еще раз поищу ключ.

Словно в ответ на это, Элдрич крикнул снизу:

– Вы там наверху едите?

Стич поморщился:

– Хотя лучше ты поищи, а я спущусь к нему. Проверь везде как следует. Может, есть еще один незакрепленный кирпич.

Рыжая вытерла ежевичный сок с подбородка:

– Вы уверены, что его нужно освободить?

Стич поднес палец к губам:

– Если этого не сделать, считай, что он не жилец. Никому не пожелаю такой участи. К тому же он может быть нам полезен.

– А еще может быть опасен, – прошептала Рыжая.

– Это правда. Но если мы его освободим, он будет у нас в долгу. Он знает все здесь – и, по крайней мере, может подсказать, куда нам идти.

Стич скрылся в подвале с едой и водой для Элдрича. Рыжая кинула в рот еще горстку ежевики, запачкав пальцы соком.

Скудный завтрак, да и ягоды давно перезревшие и невкусные, но все лучше, чем ничего. Запив их ледяной водой, она встала и принялась снова осматривать дом.

Побледневший Стич выбрался из зловония подвала, быстро направился к окну, широко распахнул и стал жадно вдыхать свежий, холодный воздух.

Когда он надышался и повернулся, оставив окно открытым, то выглядел уже получше. Прихрамывая, подошел к столам у задней стены и начал рассматривать содержимое стеклянных банок и бутылей.

– Что вы делаете? – спросила Рыжая.

– Смотрю, что нам может пригодиться.

Из одной банки он вытащил пригоршню темных листьев, из другой – кусочек засохшего корня. Положив все в маленькую каменную миску, взял пестик и стал растирать.

– Вы разбираетесь в целительстве?

– Не то чтобы совсем… Так, немного… – Он продолжал растирать и перемешивать. – Это должно помочь Элдричу, да и мне тоже. Что насчет ключа, нашелся?

– Пока нет. – Рыжая опустилась на колени у деревянного сундука, где они обнаружили ее рюкзак, и открыла. Ей хотелось еще раз взглянуть на вещи, отобранные Заокраинной Ведьмой у своих жертв.

При виде детской туфельки – такой же, что там, на дне ямы-ловушки, – сердце Рыжей сжалось. Что стало с тем ребенком? Она заставила себя выбросить этот вопрос из головы. Многие вещи не были нужны никому, кроме их владельцев: очки в проволочной оправе без одного стекла, вставная челюсть и даже искусственный глаз, пристально смотрящий в никуда. Затем попалось кое-что интересное: сумка-мешок из мягчайшей кожи. Шнурок сумки был затянут тугим узлом – похоже, Ведьма ее даже не открывала. Рыжая принялась распутывать узел, получилось не сразу, но в конце концов удалось просунуть в сумку руку.

Первым она вытащила изящный цилиндрический предмет, вырезанный вручную из дерева. Один конец снимался, цилиндр оказался полым. Внутри Рыжая увидела что-то аккуратно свернутое и, зацепив двумя пальцами, вытащила кусок толстого пожелтевшего пергамента. Прижала ботинком и найденным биноклем закручивающиеся края, развернула свиток и склонилась над ним, внимательно разглядывая.

На пергамент упала тень подошедшего Стича.

– Что это?

– Карта, – ответила Рыжая.

Стич встал рядом с ней на колени.

– Не просто карта. – Его голос дрогнул, и он указал на название внизу: – Видишь?

– Авалон, – прочитала Рыжая.

Он кивнул.

– Там находятся Дворы. Вот куда нам нужно добраться. – Стич провел пальцем по прилегающим территориям. – Это карта царства фейри. Она приведет нас прямо туда.

Рыжая почувствовала дрожь радостного возбуждения, но улыбка, появившаяся на ее лице, когда она обернулась к Стичу, тут же сменилась растерянностью.

– Что такое? – спросил он.

– Как мы попадем туда, если не знаем, где сейчас находимся?

Стич провел большим пальцем по краю карты:

– Я точно знаю, где мы. Разве местность тебе не кажется знакомой?

Рыжая отодвинулась, чтобы рассмотреть карту целиком, а затем с удивлением оглянулась на Стича. Сидя ближе, она совершенно не заметила очевидного.

– Правильно, – тихо сказал он. – Это Британские острова, только глазами фейри. Мы здесь, в Эссексе… где и попали в царство фейри.

– Не понимаю.

– Земля одна и та же, но два мира находятся в разных измерениях. Они сосуществуют.

– Так это… – Рыжая провела пальцем по Авалону. – Сомерсет. Гластонбери, если точнее. А сколько времени нам нужно, чтобы туда добраться?

– Пешком? Около пяти дней. Но мы не пойдем пешком.

Брови Рыжей взлетели вверх:

– Не пойдем?

– За домом, у сарайчика, привязаны лошади. Должно быть, принадлежали Заокраинной Ведьме… или ее жертвам. Возьмем лошадей – это сократит время в пути.

Рыжая разглядывала карту. За ее спиной Стич продолжал размешивать травяную пасту, затем спустился с миской к Элдричу.

Свернув карту и засунув ее обратно в цилиндрический футляр, Рыжая положила его в свой рюкзак. И только тут запоздало вспомнила про кожаную сумку, а ее стоило вытряхнуть.

Выпали две вещи. Первая – пустой бурдюк из-под воды, его она отложила для себя. Вторая – книга. Изящный переплет, страницы с золотым обрезом. У Рыжей шевельнулось какое-то смутное воспоминание. Она подобрала книгу, прочитала выцветшее название и ахнула, зажав рот рукой.

Сказки Ханса Кристиана Андерсена.

У ее матери была точно такая же книга… книга, которой Рыжая очень дорожила. Книга, которая пропала вместе с Джеймсом.

Глаза наполнились слезами, сдержать их не получилось – только утирать лицо ладонями. Она уже давно не плакала. С тех пор как перестала быть Роуэн. Пару раз шмыгнув носом, сказала себе: «Ты больше не Роуэн. Ты Рыжая, а Рыжая не плачет».

Вернув самообладание, провела рукой по обложке и открыла ее, ожидая увидеть знакомое оглавление. Но вместо этого увидела то, отчего вцепилась в книгу с такой силой, что побелели пальцы.

На первой странице стоял экслибрис – знак владельца. Рыжая видела его сотни раз и узнала бы где угодно. Маленький рисунок пером: ведьма на метле, читающая книгу.

А главное, на экслибрисе стояло имя – и ошибки быть не могло.

Забыв о слезах, Рыжая вскочила. Теперь она испытывала только холодную ярость – и страх. Она развернулась и, сжимая книгу, кинулась по ступенькам в подвал, уже не обращая внимания на вонь. Стич стоял на коленях рядом с Элдричем и наносил пасту на его кровоточащее запястье. Оба подняли глаза, Элдрич смотрел на нее с надеждой.

– Ты нашла ключ?

– Нет. – Рыжая сунула им книгу. – Я нашла это.

Она была совершенно не готова к тому, что последовало.

– Это мое. – Элдрич протянул свободную руку. – Ты нашла мои вещи? Принеси их мне… Там есть карта…

Рыжая мгновенно выхватила у него книгу:

– Что ты только что сказал?

Элдрич помедлил:

– Там должна быть карта. Карта, на которой…

– Раньше!

– Я сказал… это мое. – В голосе Элдрича появилась настороженность. – То есть… кажется, мое. Позволь, я посмотрю поближе…

– А в чем дело? – спросил Стич, отставляя миску в сторону.

Держа книгу так, чтобы ее никто не мог взять, Рыжая опустилась на колени, отодвинула локтем Стича и наклонилась вперед – лицо ее оказалось всего в нескольких дюймах от лица Элдрича. От его волос, кожи, одежды несло смрадом.

– Мог ошибиться… конечно… – Он провел языком по пересохшим губам. – На самом деле да… Это вообще не мое.

– О, ты еще как ошибаешься! – прошипела Рыжая. –

По правде, ты только что совершил самую большую ошибку в своей жизни.

– Так в чем дело? – повторил Стич.

Рыжая не сводила глаз с Элдрича.

– Он узнал книгу – говорит, что она его. Но это не так. – Рыжая открыла книгу на странице с экслибрисом и поднесла к лицу Элдрича. – Видишь имя? Узнаешь его?

Элдрич покачал головой.

– А я узнаю. Это девичья фамилия моей матери. Книга принадлежала ей, когда она была маленькой девочкой. Она читала ее нам с братом. Она умерла, и эта книга – почти единственное, что осталось у меня на память о ней. Потом книгу у меня украли. Украли в ту же ночь, что и моего брата.

При этих словах она уловила прерывистый вздох Стича.

– Я сказал, что ошибся…

– Заткнись! Я нашла книгу в сумке с картой. Ты знал о карте – и ты знал о книге. Теперь ты расскажешь, откуда она у тебя, и как можно подробней. Потому что я буду слушать очень, очень внимательно.

– У нас нет на это времени. – Стич взглянул на люк. – Нам нужно идти.

– Я никуда не пойду, пока не получу ответы на свои вопросы. – Голос Рыжей звучал пугающе глухо.

Элдрич хранил молчание, но затем Стич присел на корточки рядом с Рыжей.

– Тебе лучше все рассказать. А то я тебя заставлю, – пригрозил он.

Элдрич покрылся потом. Его кожа казалась восковой, черные волосы сальной завесой спадали на лицо.

– Я не крал ее, – выговорил он наконец. – Это был не я.

– Не слишком хороший ответ. – Стич протянул руку и дернул за цепь, приковывавшую Элдрича.

Элдрич закричал, когда железо врезалось в запястье, и, корчась, вжался в стену.

– Я не крал ее, – повторил он сквозь стиснутые зубы.

Рыжая тоже потянулась к цепи, и Элдрич вздрогнул.

– Это правда! – проскулил он. – Мне ее отдали!

Рыжая холодно посмотрела на него:

– Кто?

Он уставился на свои колени:

– Это знание тебе пользы не принесет.

– Мне решать. Кто отдал?

– Мой попутчик. – Элдрич, как и вчера, мотнул головой в темный угол подвала. – Он там, я тебе уже говорил.

Рыжая и Стич вгляделись в темный угол. Кроме Заокраинной Ведьмы там виднелось несколько тел. Все в разной степени разложения.

– Он мертв? – спросил Стич.

– Именно. – Элдрич прислонил голову к стене. – И даже будь он жив, допрашивать его было бы слишком поздно – Ведьма отрезала ему язык.

– Это он выкрал моего брата?

Элдрич покачал головой:

– Не знаю. Я ничего не знаю!

– Нет, знаешь, – сказала Рыжая. – Иначе не пытался бы лгать о книге. Ты точно что-то знаешь.

Она встала и медленно подошла к телу, опрокинутому вперед и прикованному кандалами к стене так же, как Элдрич. Преодолевая себя, Рыжая схватила закрывающие лицо длинные волосы и откинула голову мертвеца. К ужасу и отвращению, волосы отвалились и остались у нее в руке, а лицо невозможно было распознать. Она разжала руку, клок волос упал на землю. Рыжая обтерла ладонь о брюки и, наклонившись, начала ощупывать одежду на трупе.

– Что ты ищешь? – спросил Стич.

– Не знаю. Что-нибудь… какую-нибудь зацепку.

– Ты ничего не найдешь, – сказал Элдрич. – Ведьма забирала все ценное.

Внезапно в слабом свете Рыжая заметила, как что-то блеснуло.

– Что там? – заметил ее движение Стич. – Ты что-то нашла?

– Кольцо. – Рыжая перевернула руку, от которой осталась почти только кость, кольцо с треском отделилось и упало ей в ладонь.

– Почему Ведьма не взяла его?

– Его было не снять с пальца, – ответил Элдрич. – Оно… оно припаялось намертво к руке однажды ночью, из-за… одного происшествия.

Рыжая повертела кольцо, чувствуя, что ее охватывает холод. Серебристое и массивное, с гладким черным камнем. На камне вырезаны крылья. Она сразу узнала их… это изображение оставило неизгладимый след в памяти. И не только. Подавив омерзение, она провела рукой по лопаткам трупа. Сквозь одежду чувствовались два бугра – культи, где когда-то были крылья. Она встала и шагнула обратно к Элдричу и Стичу.

– Я видела это кольцо раньше, – тихо сказала она. – Только один раз, но мне никогда этого не забыть. Его носил фейри, который похитил моего брата. И у меня было предчувствие насчет

тебя, Элдрич. Я знала, что тебе нельзя доверять. – Она снова опустилась перед ним на колени. – Мы уже встречались прежде.

Элдрич смотрел на нее так, будто Рыжая стала Заокраинной Ведьмой. Его объял страх.

– Я не встречался с тобой! – запротестовал он, но ложь была бессмысленной.

– Встречался. Только тогда у меня были рыжие волосы. Длинные рыжие волосы. Теперь вспомнил?

– Нет! – Элдрич заныл, почти уже плача. – Я не помню тебя!

– Сейчас, возможно, вспомнишь!

Она повернулась спиной, левой рукой оттянула вниз свою футболку и прорычала:

– А это тебе знакомо?

Но Элдрич не стал смотреть, он весь сжался и спрятал лицо в коленях. Рыжая почувствовала, что Стич в ужасе вглядывается в ее шею.

– Не хочешь смотреть, так я опишу. – Она снова повернулась. – На шее у меня ожог. В форме крыльев фейри – тех самых крыльев, что на этом кольце. Кольцо припеклось к его руке, когда он выжигал на мне клеймо, тогда же загорелись и его крылья. Это его и остановило!

Элдрич поднял глаза:

– Он выжигал клеймо на многих. На всех, кто пересекал ему дорогу, – это была его метка. Ты единственная, кому каким-то образом удалось подпалить его в ответ. После этого он потерял силу. Ты что-то сделала с ним… точно так же, как что-то сделала с Заокраинной Ведьмой!

Стич сверлил глазами Элдрича.

– А как ты сюда попал? – внезапно спросил он. – Ты же не случайно стал пленником Заокраинной Ведьмы, ведь так? Ты и твой спутник были для этого слишком осведомлены и слишком сильны. Вы оказались тут не просто так. Наверху нет никаких признаков того, что она захватывала фейри для своего колдовства, – только людей.

Поколебавшись, Элдрич кивнул:

– Мы иногда вели с ней дела, – и поспешно добавил: – Ничего серьезного. Так, какие-то растения издалека, кое-какие вещи из мира людей. Животных, если получалось достать… Ей всегда были нужны свежие запасы. Утратив способность выжигать свою метку, Снетчер[7] – мой напарник – стал выменивать у нее проклятия, чтобы поквитаться с теми, кто вставал у него на пути. Все шло гладко, пока Ведьма не продала ему одно проклятие с условием, что он расплатится позже – не было у него тогда ничего достаточно дорогостоящего, чтобы отдать ей взамен.

Цена составляла сотню четырехлистных клеверов или первоцветов – редкие и ценные растения для колдовства. Много лун мы искали их, пока наконец все не собрали. Но Снетчер был жаден. Когда мы добирались сюда, чтобы привезти долг, ему пришло в голову притвориться, будто нас ограбили. Хотел оставить половину добра себе, а позже продать. Он думал, что сумеет одурачить Заокраинную Ведьму и она из жалости простит часть долга. Но просчитался. Она прикинулась, что поверила и согласна, даже подала нам вина после пережитых мытарств… А следующее, что я помню: мы оба здесь, в железных кандалах – беспомощные. Ведьма что-то подсыпала в вино. Она заявила: раз у нас нет товара взамен проклятий, что забрал Снетчер, мы расплатимся тем, что есть. И начала с языка Снетчера – языка лжеца. Очевидно, получила за него хорошую цену. С тех самых пор я здесь.

– Прости, что не могу посочувствовать, – язвительно прервала Рыжая. – А теперь: где мой брат?

– Я не знаю, где он. Я никогда не был связан с этим.

– С чем «с этим»?

– С торговлей подменышами. Никогда не участвовал в этом, клянусь тебе!

– Раз знаешь об этом, значит, был причастен, – с отвращением сказал Стич.

– Да, я знал, – прошипел Элдрич. – Но я никогда не крал детей, даже при том…

– При том – что?! – выкрикнула Рыжая. Ее пальцы дернулись. Она сдерживалась, чтобы не ударить подлое существо.

– Даже при том, что искушение было, – закончил Элдрич. – Деньги хорошие. И знакомства… полезные. Но я никогда не занимался этим. Держался подальше. Однако кое-что видел и кое-что слышал. Тот случай, с книгой, не выходит у меня из головы. Снетчер наблюдал за очень красивым ребенком, маленьким золотоволосым мальчиком.

– Верно, – прошептала Рыжая.

– Он бахвалился – по его словам, легкая мишень. Детский дом… поблизости нет родителей, которые различили бы ребенка и подменыша. И первые несколько краж ему легко сошли с рук. Но золотоволосый мальчик оказался непростой задачей. У него была старшая сестра, которая явно обладала вторым зрением и могла видеть, что происходит. Она не спускала с брата глаз и даже нашла способы не подпускать фейри. Снетчер выжидал, зная, что однажды произойдет ошибка, которая позволит ему забрать ребенка. И это был только вопрос времени.

– В ту ночь я не совершила ошибки, – пробормотала Рыжая. –

Так вышло…

– Книгу он прихватил мимоходом, – продолжил Элдрич. – Заметил слово «волшебные» в названии, удивился и забрал. Позже понял, что там ничего про фейри нет, и потерял интерес. А мне книга понравилась, и он продал ее мне.

– Где сейчас ребенок? – спросил Стич.

Элдрич покачал головой:

– Этого я не могу сказать. – Его глаза расширились от страха, когда Стич снова протянул руку к цепям. – Пожалуйста! – закричал он. – Я говорю правду! Не знаю – Снетчер никогда не рассказывал, как поступает дальше с детьми, а я никогда не спрашивал. Он упоминал о встрече с женщиной-фейри – я не знаю с кем! Но я помогу… помогу вам его разыскать! Только… только вытащите меня отсюда… освободите от этих кандалов…

– Я тебе верю, – коротко сказал Стич. – Проблема в том, что ключ не удалось найти, а мы не можем больше ждать. Так что выбор у тебя такой: либо остаешься здесь и уж как повезет, либо я освобожу тебя от цепей… но это будет неприятно.

– Что ты имеешь в виду? – прохрипел Элдрич.

Вместо ответа Стич откинул полу своего длинного пальто, показав рукоять ножа.

Элдрич вжался в стену:

– О, нет… О, нет, нет…

– Разговор кончен, – сказала Рыжая. – Он с нами не пойдет. Останется тут. Никчемный трус.

– Что? – Голос Элдрича взвился от ужаса. – Я помогу найти твоего брата, клянусь…

– Ты был там в ту ночь. Прятал лицо под капюшоном, пока на мне выжигали крылья, и ты ничего не сделал.

– Но не я же ставил тебе клеймо! – воскликнул он. – Это же был не я!

– Нет, – прорычала Рыжая. – Но ты мог это остановить. И ты ничего не сделал! Ты знал, что детей крадут. И что ты сделал? НИЧЕГО! Теперь я отплачу тебе тем же.

Рыжая вскочила и сунула руку в карман. Ее пальцы нащупали что-то маленькое и холодное. Она выхватила это и воздела руку вверх.

– Ключ! – ахнул Элдрич. – Он был у тебя все время!

– Он был именно там, где сказала Заокраинная Ведьма. И я возьму его с собой, а ты останешься здесь. Теперь узнаешь, каково это – когда нуждаешься в помощи, а единственный человек, который может тебе помочь, не делает… НИЧЕГО.

Рыжая засунула ключ обратно в карман и перевела взгляд на Стича:

– Пошли!

– Нет! – завопил Элдрич. – Нет, подождите! Пожалуйста! Не оставляйте меня здесь!

Но Рыжая уже шла по ступеням, и Стич следовал за ней. Когда они поднялись наверх, Рыжая обернулась и в последний раз взглянула в подвал. Лицо Элдрича исказилось в оскале, как у бешеной собаки, – наконец он перестал притворяться.

– Ты еще пожалеешь, девчонка! – проревел он. – Я выберусь отсюда, разыщу тебя и заставлю за все заплатить!

Рыжая смотрела на него в упор, ее изумрудные глаза затуманило отвращение.

– Я так не думаю, – и с этими словами захлопнула люк.

Они со Стичем собрали вещи и вышли из дома. В ушах у них звенели крики Элдрича.

15

Флоренс быстро провела Мораг и Нелл в кухню и принесла для них теплые сухие одеяла. Когда Мораг, прихрамывая, переступала порог, Фабиан скорчил гримасу и взглянул на Таню, но она не разделяла его суеверный страх перед старой цыганкой.

– Нелл, ради всего святого, где ты была? – воскликнула Флоренс. – Мы ужасно волновались!

– А мой папа? – спросил Фабиан. – Что с ним?

Нелл смотрела на них широко раскрытыми от шока глазами.

– Они его увели.

– Кто увел? – осторожно спросила Таня.

Нелл отвела глаза, и Таня поняла, что ей слишком страшно говорить о том, что пришлось пережить.

– Не бойся, Нелл. Можешь нам все рассказать.

Нелл сжала руки и покачала головой:

– Не могу. Вы мне не поверите. Подумаете, что я сошла с ума.

– Думаю, нам следует сесть, – сказала Флоренс.

Все, кроме нее самой, сели, а она принялась заваривать свежий чай. Таня вскочила и начала помогать, но так нервничала, что разбила блюдце, и бабушка снова ее усадила. Чай был разлит в молчании.

Мораг отхлебнула из чашки, с благодарностью кивнув. Таня задумалась: когда кто-нибудь готовил чай для старой цыганки? Она жила в полном одиночестве в лесу, где никто не докучал, но и никто не помогал ей.

– Я… О, еще раз здравствуй. – Похожий на птичий, взгляд Мораг сосредоточился на Тане. – Я не знала, что ты живешь здесь.

– Таня – моя внучка, – удивленно сказала Флоренс. – Разве вы знакомы друг с другом?..

– Мы встречались. – В глазах Мораг сверкнула искорка.

– В Тики-Энде, – добавила Таня, не желая открывать бабушке истинные масштабы своего непослушания летом. Про то, как побывала в фургоне цыганки, она рассказала только Фабиану.

Мораг кивнула, подтверждая, и Таня с облегчением вздохнула: ее секрет не выдали.

– Где вы нашли Нелл? – спросила она.

Мораг одним глотком допила чай и украдкой взглянула на чайник. Флоренс с готовностью снова наполнила ее чашку, и гостья широко улыбнулась.

– Она была в лесу. Постучала в мою дверь в полном помрачении. – Приостановившись, Мораг погладила Оберона, который положил свою большую голову ей на колено и с

интересом принюхивался к многочисленным слоям ее одежды. – Я увидела, что она совершенно измучена и не понимает, где находится. Еле держится на ногах.

Лоб Флоренс прорезала глубокая морщина.

– Нелл, ты должна рассказать нам, что произошло.

– Они заставили меня танцевать, – тихо пискнула Нелл и сразу же плотно сжала губы, будто выдала лишнее.

Таня взглянула на высовывавшиеся из-под одеяла ноги Нелл. Грязные, в пятнах от травы, в царапинах и волдырях. Шлепанцы порваны.

Мораг взяла печенье с кремом с тарелочки, которую поставила на стол Флоренс. Оберон тут же уронил слюну ей на колени.

– Только это примерно я и смогла из нее вытянуть, – сказала Мораг с набитым ртом.

– А мой отец был с ней? – тревожно спросил Фабиан. – Она вообще что-нибудь говорила, где была?

– Нет, ничего, – ответила Мораг. – Пришла одна, как я уже сказала.

– Они с Уориком сегодня пропали в лесу, – сказала ей Флоренс.

– Мы искали Генерала Карвера, – пробормотала Нелл, уставившись в огонь. Она все еще сильно дрожала.

– Ее попугай, – объяснила Таня, видя озадаченное выражение лица Мораг. – Он улетел. Из-за этого-то Нелл и Уорик и оказались в лесу. Я видела, как все случилось. Их затянули в ведьмин круг какие-то… ну, какие-то фейри…

– Разумеется, – кивнула Мораг, будто произошедшее было обычным делом. – Так я и думала. Вот и объяснение танцам. – Она макнула еще одно печенье в чай. – Опасное время года в этом плане.

– Просто дурной сон… – пробормотала Нелл, начиная раскачиваться. Она не моргая смотрела на огонь. – Фейри не существуют. Сейчас я проснусь, и Генерал будет здесь, и все будет в порядке, и… Ой! Зачем ты это сделал, ты, маленький паршивец? – вскрикнула она в ответ на щипок Фабиана.

– Так проверяют, когда думают, не спят ли, – сказал Фабиан. – Ущипнешь себя, и поймешь, сон это или нет. Ты явно не собиралась этого делать, я и решил помочь.

Глаза Нелл наполнились слезами.

– Я не хочу здесь оставаться, – шмыгнула она носом. – Хочу найти Генерала Карвера и уйти. Ему страшно там, одному, в темноте.

– Меня гораздо больше беспокоит Уорик, – сухо сказала

Флоренс. – Знаю, Нелл, ты пережила ужасное потрясение, но нам необходима твоя помощь. То, что ты видела в лесу, – реально, и Уорик сейчас в опасности. Нужно, чтобы ты рассказала обо всем, тогда мы сможем его найти… просто расскажи.

– Их было трое, – выговорила Нелл сквозь слезы, глядя на Таню, словно желая ее поддержки.

Таня ободряюще кивнула.

– Они играли… мелодию… я такую никогда не слышала. Мое тело двигалось само по себе – я не могла его контролировать. Могла только танцевать, переступать из круга в круг. Музыка менялась, и мы переходили в другой круг и там тоже танцевали. И так двигались по лесу. Я устала, так устала… Умоляла, чтобы они позволили мне остановиться, но они все играли, и все быстрей и быстрей…

– А мой отец? – перебил Фабиан. – Что он делал?

– То же самое. Танцевал, тоже не мог остановиться… только не так сильно устал, как я. Мы все танцевали и танцевали, я думала, это никогда не прекратится. И они все время смеялись и пели, и были такие странные… – Нелл вздрогнула. – Я выбралась только потому, что шлепанец зацепился за корень деревца с красными ягодами – это почему-то прервало танец.

– Красные ягоды, – задумчиво произнесла Мораг. – Скорее всего, рябина. Защищает от темной магии.

– Они даже не заметили, что я отстала, – продолжала Нелл дрожащим голосом. – Шли и шли дальше, пока я не потеряла их из виду. Уорик все еще был с ними.

Наступило долгое, тягостное молчание.

– Но шанс все еще есть, – с отчаянием сказал Фабиан. – Вдруг отец недалеко… вдруг у него тоже как-то получилось избавиться от этой магии. Вдруг он в лесу прямо сейчас!

– Возможно, – тихо сказала Флоренс. – Но шансы невелики. Если бы Уорику удалось вырваться, он бы уже добрался до дома. Я уверена.

– А вдруг он ранен? – возразил Фабиан. – И поэтому не может вернуться! Мы должны пойти искать его… Если Нелл сбежала, то и он тоже мог!

Флоренс покачала головой:

– Как бы мне ни хотелось в это верить, думаю, шансы невелики. Будем ждать здесь, пока Рэйвен и Гредин не принесут известия. – Она бросила на Таню и Фабиана предостерегающий взгляд. – И никак иначе.

Мораг встала, отложив одеяло. Взяла свою все еще влажную шаль и набросила на плечи.

– Я должна идти. Но если я увижу… смогу увидеть, ответ

может появиться сам собой.

– Она о своих видениях, да? – шепнул Фабиан Тане.

– Спасибо вам, Мораг, – сказала Флоренс. – Но меня беспокоит, что вы пойдете по лесу в темноте в такую ночь. Оставайтесь с нами – здесь множество комнат, мы можем вас разместить.

– О, не беспокойтесь обо мне. – Мораг внезапно рассмеялась. – Я могу о себе позаботиться.

– Не сомневаюсь… – пробормотал Фабиан себе под нос, и Таня ткнула его в бок.

Флоренс открыла заднюю дверь и с сомнением вгляделась в темноту.

– Мне правда не нравится, что вы одна так поздно будете возвращаться в лес. Вообще-то, у меня есть мысль… – Она шагнула вперед и мелодично посвистела. Ответил лишь ветер – на нее полетели листья. Она отошла подальше и снова свистнула, на этот раз громче.

Поблизости раздвинулись кусты, и оттуда появилась фигура – ростом всего по колено. В смешных коротких штанишках из кухонных полотенец, в куртке из чего-то плотного, явно прежде бывшего занавеской; на талии она застегивалась на крючки.

– Брансвик! – воскликнула Таня.

– Где? – Фабиан вытянул шею, щурясь сквозь толстые стекла очков.

Флоренс приложила палец к губам и обратилась к гоблину:

– Все в порядке, Брансвик. Ты можешь показаться.

Брансвик застенчиво улыбнулся и шагнул вперед. По сравнению с последним разом, когда Таня его встречала, он выглядел довольным и здоровым. Не то что прежде, когда весь постоянно был в синяках и ссадинах из-за побоев двух своих жестоких приятелей.

По тому, как Фабиан затаил дыхание, Таня догадалась, что гоблин стал теперь видимым для всех.

– Брансвик теперь живет здесь, в саду, – сказала Флоренс. – Другие гоблины его больше не беспокоят – когда мы заметили, как они с ним обращаются, Уорик прогнал их отсюда.

– Как же ему удалось? – спросила Таня. Ей трудно было представить, что два злобных гоблина кому-то подчинились.

– Он предупредил, что если когда-нибудь увидит их снова, то посадит в железные клетки и сбросит в катакомбы, – как ни в чем не бывало ответила бабушка.

Фабиан тихо присвистнул:

– Вполне убедительно.

– Брансвик, это Мораг – наш друг. – Флоренс указала на старую цыганку. – Не мог бы ты проводить ее через лес, чтобы она благополучно добралась до дома?

Просияв, Брансвик подал Мораг руку:

– Да, довериться мне можно. Доберешься ты надежно!

– Он все еще иногда говорит стихами, – объяснила Флоренс. – Просто привычка. Так долго находился в обществе двух гоблинов, что временами возвращается к старой манере.

Таня вспомнила, как прежние товарищи Брансвика говорили только в рифму (и откликались тоже только на стихи). Позже она узнала, что так принято наказывать фейри, изгнанных за проступки из царства.

Мораг взяла Брансвика за руку, и эта странная пара двинулась по саду, мимо альпийской горки и, пройдя через калитку, направилась в лес.

Вернувшись на кухню, Флоренс во второй раз за вечер заперла дверь и снова собрала свои серебряные волосы в пучок. По ее осунувшемуся, бледному с серыми тенями лицу было видно, что сегодняшние события дорого ей дались.

– Пойду проверю, как там Амос. А после приготовлю что-нибудь на ужин. Нам нужны силы. – С этими словами Флоренс вышла из кухни, и вскоре ее шаги послышались с лестницы – она поднималась на третий этаж, в комнату Амоса.

Таня и Фабиан остались с Нелл, которая все раскачивалась в кресле перед огнем. Белое лицо, глаза остекленели. Оберон ткнулся носом в ее лежащие на коленях руки, но она словно не заметила.

– Как думаешь, Флоренс скажет Амосу, что Уорик пропал? – спросил Фабиан.

– Нет, – ответила Таня. – Он сильно расстроится, а нам только этого еще не хватало.

Она почувствовала, как тревога тугим комком скручивается в груди. Взглянула на Нелл, затем в окно. Сквозь грязное стекло на фоне луны виднелись деревья, качающиеся из стороны в сторону, как тростник на ветру. Если Уорик там один, страшно ли ему?..

16

За домом Заокраинной Ведьмы было привязано пять лошадей. Рыжая и Стич выбрали трех, казавшихся самыми крепкими: чтобы на двух ехать верхом, а на третью навьючить поклажу. Рыжая взяла себе соловую кобылу. Стич облюбовал мощного гнедого коня. Третьим стал резвый жеребчик буланой масти.

– Три – самое правильное, – сказал Стич, седлая коня. – Можно давать им по очереди отдохнуть, а если кто-то из них захромает, то будет замена.

Двух остальных лошадей, поскольку заботиться о них было некому, они отвязали, и те поскакали в лес.

И Стич с Рыжей тронулись в путь, стараясь не думать обо всех ужасных событиях, оставшихся позади, в доме Заокраинной Ведьмы. Поначалу ехали молча и не спеша, но не только для того, чтобы свыкнуться с норовом лошадей, – поглядывали, нет ли ловушек. Рыжая рассказала Стичу о западне, в которую попала. Рисковать им было ни к чему.

Вскоре они услышали журчание ручья и спешились, чтобы наполнить фляги. Стич расстелил на траве карту и стал ее изучать, покусывая нижнюю губу. Затем свернул карту и убрал на место. Рыжая тем временем напоила лошадей, набрала воды и уже садилась в седло. Стич внимательно наблюдал за ней.

– Почему вы так смотрите на меня? – беспокойно спросила она.

– Ты правда хочешь оставить Элдрича прикованным в подвале?

Рыжая холодно взглянула на него. Приподнявшись на стременах, достала из кармана ключ Ведьмы и швырнула его в ручей.

– Я ответила на ваш вопрос?

Стич взглянул на пузырьки на поверхности воды.

– Вполне.

Она чуть пришпорила лошадь и двинулась сквозь пеструю тень деревьев. Стич тронулся следом и вскоре поравнялся с ней.

– Как ты стала такой? – спросил он. – Ты же ребенок.

Рыжая грустно рассмеялась:

– Думаю, мое детство закончилось в ту ночь, когда похитили моего брата.

– Можешь рассказать мне, что произошло той ночью? Про Элдрича и твой ожог?

– Я устала говорить о себе, – коротко ответила Рыжая. – Хочу

услышать о вас.

– Что ты хочешь узнать?

– Что вам известно о фейри и откуда. В подвале вы говорили, что знаете таких людей… людей со вторым зрением. Как вы с ними познакомились?

Стич отодвинул ветку от лица.

– Я работаю у такого человека, владелицы поместья Элвесден… – Он понизил голос и окинул взглядом глухую местность, по которой они ехали. – …Флоренс. У нее второе зрение. Но только когда родилась Таня, я узнал о фейри, хотя они были вокруг меня всегда. Я вырос в этом поместье. Мой отец служил там смотрителем до меня, со своих шестнадцати лет. Исчезновение Морвенны Блум повлияло на всю его дальнейшую жизнь.

Стич помолчал, глядя вверх сквозь ветви деревьев. А затем продолжил:

– Еще тринадцать лет назад я не знал точно, имеет ли мой отец какое-то отношение к ее исчезновению. Я должен был верить, что он ни при чем, хотя слухи и разговоры, пока я рос, ходили самые разные. Иногда я злился, иногда испытывал стыд. Одни в Тики-Энде косились на меня, другие делали вид, что не замечают, и я решил, что как только смогу, то сразу уеду. Но тут я кое-кого встретил. – Его лицо вдруг разгладилось. – Кое-кого замечательного. Девушку по имени Эвелин, которая стала моей женой и матерью нашего сына. Потому я и не уехал. Внезапно оказалось, что жизнь не так уж плоха – и не имеет значения, что там думают посторонние. Однако тринадцать лет назад все изменилось.

Как-то ночью Флоренс в панике постучала в дверь моей спальни. Она только что вернулась, ездила к своей новорожденной внучке. Поэтому я никак не мог понять, с чего она в таком состоянии. Вроде бы ей надо радоваться – во всяком случае, я так думал. Но Флоренс была расстроена и напугана, говорила, что должна рассказать мне нечто, нечто невероятное, касающееся и моего отца. Говорила, чтобы я слушал и не перебивал. Я пообещал и тут же нарушил свое обещание: рассмеялся прямо ей в лицо, когда она сказала, что исчезновение той девушки связано с фейри.

Меня уже тянуло уйти, но было что-то в ее голосе… Я даже подумал, не сошла ли она с ума. Но она говорила настолько серьезно и убежденно, и все-таки мне уже попадались в библиотеке кое-какие книги на эту тему. Затем Флоренс предложила показать мне фейри, и я – уверенный, что это невозможно, – согласился.

Она бросила в огонь черное перо и пробормотала какую-то магическую формулу. А пока мы ждали, рассказала о юной Морвенне Блум, которая скрылась в царстве фейри – бесследно, не оставив и знака о том, куда канула. О том, как Морвенна по прошествии времени возжелала освобождения и обратила свою ненависть против Флоренс. Меня это тоже не слишком убедило, но тут на карниз за окном опустилась большая черная птица. Влетев в комнату, через несколько секунд она превратилась в женщину в черном платье из перьев. Потрясенный, я отшатнулся… и чуть не упал в огонь. И наконец поверил Флоренс.

А дальше Флоренс объяснила, что внучка унаследовала ее способности – фейри были повсюду вокруг нее. Увидев это, она поняла, что должна быть холодна с Таней, держаться отчужденно, чтобы девочка не стала мишенью для мести Морвенны.

Я слушал Флоренс, но все еще не понимал, о чем она хочет просить меня. Но скоро все прояснилось. Обязанности смотрителя отступали на второй план. Теперь главной задачей было защищать дом и нести дозор в лесу – не допускать, чтобы оттуда явились те, кто может искать Таню.

– То есть охранять дом от фейри? – перебила Рыжая.

Стич кивнул.

– Как же это делать, если вы их не видите?

– Именно так я и ответил Флоренс. Но вскоре узнал, что существуют способы. Флоренс отправила меня к старой цыганке, живущей в Лесу Висельника. А та дала мне маленький флакончик с зельем для глаз. Временное решение, но эффективное. Попробовал я это сразу, перед тем как отправиться в обратный путь. То, что я увидел в лесу, поразило меня – и привело в ужас. Обрушилось внезапное осознание: эти существа, эти твари, повсюду. Невидимые. Наблюдают и подслушивают. Не чуя под собой ног, я вернулся в поместье и спрятал зелье подальше. Сказал Флоренс, что не смогу этим заниматься.

Ждал, что она рассердится, но на ее лице были лишь печаль и разочарование, от чего мне стало еще тяжелей. В ту ночь я не мог уснуть. Снова и снова прокручивал все в уме. Несправедливость, от которой страдает мой отец. Опасность, которая угрожает Тане. Нельзя было бросить их вот так. И я понял, что моя жизнь изменилась. Пути назад нет.

На следующий день действие зелья уже закончилось. Я достал флакон и, не дав себе времени передумать, снова использовал его. Фейри были даже в доме. В первый день Флоренс показала мне тех, кому разрешено жить в поместье. Всех остальных, сказала она, надо выдворить – отправить обратно

в лес и запретить возвращаться.

– Она разрешила фейри жить в доме? – спросила Рыжая, которую глубоко захватил рассказ Стича. – Как они выглядели? Они все еще там?

– Почти все, – ответил Стич. – С тех пор пара существ умерли от старости и из-за… несчастных случаев.

– Каких несчастных случаев?

– Связанных с котом. Но большинство все еще живы и здоровы и сами доставляют неприятности. – Он слегка нахмурился. – На самом деле не знаю, почему Флоренс это допускает. Я всегда говорил ей, что она слишком с ними мягка.

– Расскажите мне о них! – Рыжую разбирало любопытство, как же устроено все в этом странном старом доме, где обитают и фейри, и люди.

– Что ж, слушай, – ответил Стич. – На кухне живет фея очага. Она помогает сохранять кастрюли теплыми и следит, чтобы они не выкипали. В чайной коробке обретается брауни – толку от него никакого, так я считаю. Раньше хоть помогал за блюдечко сливок. Теперь, если его потревожить, – а сам он всегда спит, видите ли, – портит сливки и они скисают.

Рыжая улыбнулась.

– А еще кто?

– Еще был обитатель стоков, похожий на вороватую сороку. Если появится в поле зрения что-нибудь блестящее – тут же стащит…

– Я видела такого! – воскликнула Рыжая. – В ванной детского дома, где я жила, был такой! Ел волосы и мыльную пену, которые скапливались в сливе.

– В Тики-Энде? – спросил Стич. – Возможно, это было то же самое существо, что и в поместье, – оно передвигалось по сети водостоков.

– Оно все еще там?

Глаза Стича погрустнели.

– Нет. Его поймал кот. Я услышал, как что-то происходит, но было слишком поздно. – Стич вытащил из кармана серебряный браслет. – Он украл одну подвеску от этого браслета. Удивительно, но как раз сегодня утром я кое-что ремонтировал в Таниной ванной и в трубе под раковиной нашел ее. Собирался прикрепить назад к браслету – сделать Тане сюрприз.

Рыжая вспомнила браслет. Тогда, увидев его на Танином запястье, она подумала, что для девочки это странное украшение. И сейчас сказала об этом Стичу.

– Раньше он принадлежал Флоренс, – отозвался Стич, кладя браслет обратно в карман. – Переходит по наследству, от первой

владелицы поместья.

Лес стал гуще. Стич ехал впереди, жеребчик шел следом, а Рыжая за ними. Вокруг царила зловещая тишина, слышалось лишь дыхание лошадей и стук копыт.

– Как-то слишком тихо, – пробормотала Рыжая. – Элдрич говорил, это называется Мертвым Лесом. Когда же мы выберемся отсюда?

– Трудно сказать. Может, через пару часов. Как доберемся до опушки, немного передохнем.

Тишину нарушил скрежещущий звук сверху – оба остановились. Рыжая вскинула голову. Она узнала этот звук, и волосы у нее встали дыбом.

– Слышала? – прошептал Стич.

На ветке у себя над головой Рыжая увидела сгорбившееся существо, которое наблюдало за ними. Гаргулья. Мгновение спустя ее заметил и Стич:

– Что это?

– Не знаю. Но я видела ее перед тем, как угодила в ловушку Заокраинной Ведьмы. И этот визг… – Внезапно Рыжей все стало отчетливо ясно. – Она караулила и оповещала Ведьму, когда в ловушку кто-то попадал.

Как будто поняв ее слова, гаргулья оскалила зубы, зашипела и, подняв крылья, с рычанием бросилась на них.

– Скорей отсюда! – крикнул Стич, но не успели они пришпорить лошадей, как гаргулью – всего в нескольких дюймах от коня Стича – отбросило назад. Взвизгнув, она снова полетела на них, и ее снова отбросило.

– Она прикована, – выдохнула Рыжая. – Смотрите, вон там, на ноге.

Лапу гаргульи обхватывало железное кольцо с длинной цепью, прикрепленной к дереву. Существо пошевелилось, цепь лязгнула, и Рыжая наконец поняла, откуда раздавался скрежет.

– Шпион Ведьмы, – мрачно сказал Стич.

Они тронулись с места, и вслед им, как галка, заклекотала гаргулья.

– Осторожно, – предупредила Рыжая. – Западня наверняка поблизости – она была сразу за поваленным деревом.

– Вижу, – ответил Стич, направляя лошадь в сторону от бревна, чтобы обогнуть ловушку.

Они продолжили путь и вскоре оказались на тропе, достаточно широкой, чтобы ехать рядом. Теперь можно было вернуться к разговору.

– Вы рассказывали о фейри, которым разрешено находиться в доме, – сказала Рыжая. – А как насчет остальных?

– Сначала их было не так много, – сказал Стич. – Пара-другая – забредали из любопытства или покопаться в объедках. Почти всегда их выпроваживал кот или местные фейри не допускали на свою территорию. Флоренс и я уже поверили, что мы в безопасности. Но как-то раз, когда Тане было около полугода, ее привезли в гости к бабушке.

В доме ей было опасно находиться, и Флоренс пыталась этого избежать, но не получилось. Мы принимали меры предосторожности: одежду малышки всегда выворачивали наизнанку и по возможности наряжали в красное. Флоренс не сводила с Тани глаз, даже перенесла к себе ее кроватку. На вторую ночь меня разбудил крик из комнаты Флоренс. Я бросился туда, думая, фейри это или проник грабитель. Из спальни доносилось шипение Вулкана. Войдя, я увидел Флоренс, стоящую у кроватки с Таней на руках, испуганную до полусмерти. Что-то сидело на краю кроватки, наблюдая за Таней, но ночная рубашка девочки была вывернута наизнанку, существо не могло к ней притронуться. При виде меня оно шарахнулось в сторону, попыталось удрать через дымоход, но наткнулось на кочергу, которая прямо на него и упала. Раздался вопль, в комнате запахло паленым. Подскочив, я понял: железная кочерга жгла фейри. Я поднял кочергу, и существо убежало.

На следующий день я заказал нож из железа. С тех пор он почти всегда со мной. Флоренс после этого случая боялась принимать в доме Таню. Даже спрятала все ее фотографии. Но случившееся было уже не поправить: тайна, что у Флоренс есть внучка со вторым зрением, раскрылась – фейри зачастили в дом. Я сооружал железные клетки и заключал их туда. Несколько дней заточения внушали большинству, что возвращаться не стоит. Других требовалось убеждать активнее.

Рыжая прикинула, насколько «убедительным» способен быть Стич, и по коже у нее побежали мурашки.

– В общем, они продолжали появляться. И я продолжал их не подпускать.

– А ваша семья? – спросила Рыжая. – Вы рассказали им, что происходит?

Руки Стича на поводьях напряглись.

– Нет. До недавнего времени никто ничего не знал. Я молчал. Потом мой сын все открыл.

– А ваша жена? Ведь он наверняка не мог сохранить это в секрете от своей матери?

Во взгляде Стича промелькнула мука.

– Нет. Эвелин так и не узнала. Конечно, Фабиан бы ей

рассказал, будь у него возможность. Но когда ему стало известно о фейри, его мать уже семь лет как умерла. – В его покрасневших глазах стояли слезы. – Если бы она знала, возможно, и сейчас была бы жива. Она погибла из-за неведения.

17

Слова Стича пеленой повисли между ними. На лице его отразилась мука. Опустив голову, он перебирал гриву коня, расчесывая пальцами жесткие пряди. Рыжая чувствовала, что он давно ни с кем не говорил об этом – если вообще когда-то говорил.

– На самом деле, – хрипло сказал он, – это не вся правда. То, что Эвелин ничего не знала о фейри… не только это стало причиной ее гибели. Правда в том, что ей и не нужно было про них знать, если бы я не был со всем этим связан. Фейри никогда бы не приблизились к ней, если бы не я. – Стич перестал распутывать конскую гриву и снова взялся за поводья. – Правда в том, что я виноват. Она погибла из-за меня.

– Уверена, это не так, – тихо сказала Рыжая.

Стич горько улыбнулся:

– У меня было семь лет обдумать, как все случилось. Это правда, с какой стороны ни взглянуть. И я всегда знал об этом. Просто никогда раньше не говорил… вслух. Я думал, что смогу ее защитить. Ошибался.

– Что же произошло? – спросила Рыжая.

Стич сделал паузу, чтобы глотнуть воды из фляжки.

– Все было обставлено как несчастный случай. Эвелин любила музыку. У нее был талант. Каждый день играла на фортепьяно – Фабиану нравилось ее слушать.

Я тогда охотился на фейри уже около шести лет. И знал о них гораздо больше, и привык вести двойную жизнь. Но все-таки Эвелин иногда задавала вопросы, на которые я не мог ответить. Зачем я провожу так много времени в лесу. Почему я вечно в порезах и синяках – этого я не мог объяснить. Почему я все время слежу, чтобы мой нож был идеально острым, хотя вроде никогда им не пользуюсь. Вскоре я придумал прикрытие: приносил иногда домой тушку кролика – будто охочусь. На самом деле я никогда не охотился ради охоты – и никогда не буду. Эвелин такое не одобряла. Но нужно было, чтобы она поверила, пусть меня и убивало ее разочарование во мне.

И вот однажды я нашел в лесу кролика. Без лапы – браконьер отстрелил из духового ружья. Зверек истекал кровью, был при смерти. Два других кролика убежали, когда я подошел к нему. Чтобы избавить от страданий, я свернул ему шею, а затем отнес в поместье.

Эвелин с Фабианом были в саду. Увидев кролика, Фабиан разрыдался. Эвелин ничего не сказала. Только посмотрела

на меня, поджав губы, и повела Фабиана в дом.

Тем вечером Флоренс уехала по делам, поэтому мы с Эвелин и Фабианом сели есть без нее. За весь ужин сказали разве что несколько слов. Жена все еще сердилась на меня. Пытаясь загладить вину, я затеял с Фабианом какую-то глупую игру, пробовал его рассмешить. Не получилось. Он только уронил тарелку, и еда разлетелась повсюду. Я принялся убирать. Тут кто-то постучал в заднюю дверь, и я попросил Эвелин открыть.

На пороге стояли женщина с девочкой, примерно того же возраста, что Фабиан. Бродячие торговцы – так я сначала подумал: женщина держала корзину со связками каких-то деревяшек. Но вдруг Эвелин восторженно воскликнула: это оказались маленькие флейты, вырезанные вручную из дерева. Она побежала за кошельком, а мы с Фабианом остались с нежданными гостями.

«Хорошенько приглядывайте за сыном», – внезапно сказала женщина у двери. Она смотрела на меня с лютой ненавистью. Ее глаза покраснели от слез, девочка тоже плакала, уткнувшись лицом в юбку матери.

«Очень хорошо приглядывайте, – повторила она. – Сегодня я потеряла своего сына».

Наконец я обратил внимание на их одежду: длинные накидки из густого коричневого меха. Из кроличьего меха. Только тут я понял, что сделал… Кролик, которого я убил, не был кроликом.

Как раз в этот момент меня позвала Эвелин, спросила, не попадался ли мне ее кошелек. Я резко крикнул, что нет, и в панике назвал жену по имени. Услышав это, женщина-фейри улыбнулась: «Ты отнял то, что было дорого мне. Теперь я заберу то, что дорого тебе».

Я крепко прижал Фабиана, боясь, что она похитит его. Должно быть, чувствуя мой страх, он заплакал. Вернулась Эвелин. Кошелек нашелся, и она вытаскивала из него монеты. Я хотел тотчас захлопнуть дверь перед женщиной-фейри, но от осознания, что натворил, застыл на месте. Сумел лишь буркнуть Эвелин, чтобы она ничего не покупала, но жена только нахмурилась – решила, что я просто груб с торговкой. Протянула ей деньги и приняла взамен тонкую деревянную флейту. Женщина-фейри снова улыбнулась, затем повернулась и пошла через сад обратно к лесу.

Когда я запирал дверь на засов, меня трясло, но если Эвелин и заметила, то ничего не сказала. Положила флейту на полку и повела Фабиана наверх, пытаясь его успокоить. Как только они вышли из комнаты, я бросил флейту в огонь и смотрел, как она сгорает дотла. Потом взял мертвого «кролика» и осмотрел.

На первый взгляд, ничего необычного. И все-таки кое-что обнаружил: на брюшке мертвого существа была крошечная пуговица. Я не осмелился ее расстегнуть. Было бы невыносимо увидеть, что на самом деле скрывается под чарами наваждения. Я ушел в свою мастерскую и сидел там допоздна – ждал Флоренс. Надо было рассказать ей обо всем, предупредить: вдруг фейри вернется.

Когда подъехала машина Флоренс, я отправился в дом и, едва переступив порог, услышал звуки флейты. Я вбежал в кухню. Эвелин играла и смеялась, показывая Флоренс свое приобретение. Ту самую флейту, которую я бросил в огонь. Увидев мое лицо, жена перестала улыбаться. Я спросил ее, где она взяла флейту. Вопрос озадачил Эвелин: конечно, с полки, куда и положила.

Тогда я понял, что флейта заколдована и ее просто так не уничтожить. Подождав, пока Эвелин ляжет спать, я спрятал флейту в мастерской, надеясь, что за какое-то время придумаю, как от нее избавиться. Флоренс, когда узнала от меня о случившемся, велела утром сходить к старой цыганке и попросить совета.

В ту ночь я долго не смыкал глаз – боялся уснуть. Но в конце концов, не заметив, все-таки задремал. Проснулся, вздрогнув. В комнате еще стояла темнота, но кровать рядом со мной была пуста. Эвелин исчезла. Место, где она лежала, хранило ее тепло, значит, встала недавно. Наверное, решила заглянуть к Фабиану. И тут до меня донеслись чуть слышные звуки флейты.

Я вскочил, за считаные секунды оделся, выбежал из комнаты и крикнул Флоренс, чтобы она проверила Фабиана. Проносясь по дому, я открывал каждую дверь и звал Эвелин. Поднялся шум: Фабиан плакал, растревожился и мой отец наверху. Но успокаивать их времени не было. Я помчался вниз по лестнице. Кухонная дверь была слегка приоткрыта. Значит, Эвелин вышла на улицу. Я кинулся в мастерскую: флейта лежала там, где я ее спрятал, но за домом слабо звучала жуткая мелодия. Обогнув дом, я побежал через сад, выкрикивая ее имя. За калиткой вдалеке виднелась освещенная луной фигура в белой ночной рубашке, бредущая, словно в трансе, к лесу. Это была Эвелин.

Я пустился за ней, я звал ее, но она так и не обернулась. Будто не слышала меня. И затем вдруг пропала. В одно мгновение – вот она была, и вот ее уже нет. Я кинулся туда, где видел ее в последний раз, когда она собиралась перейти ручей по камням. Не прошло и двух минут, как добежал до этого места, но ее и след простыл. Я не знал, что делать. Кричал, пока

не охрип. Перешел ручей, побежал в лес, потом вернулся, и так дважды. И все это время флейта играла свою ужасную, окаянную мелодию.

Уже начало всходить солнце. Заставив себя думать, я вспомнил, что текучая вода должна разрушать чары. И внезапно отчетливо почувствовал, что она не переходила ручей. Надо было проверить, и я побежал вдоль ручья. Несколько минут – ничего. Я уже был готов сдаться, вернуться в поместье и обратиться за помощью. Но потом увидел ее.

Голос Стича оборвался. Рыжая ничего не говорила, понимая, что он подошел к самому тягостному моменту своего прошлого.

– Эвелин лежала лицом в воде, запутавшись в водорослях. Я прыгнул в ручей и вытащил ее. Она не дышала. Глаза были открыты, но ничего не видели. Кожа синяя, ледяная от воды. Я пытался откачать ее, но было слишком поздно. Она умерла. Только тут я понял, что эта гнусная музыка прекратилась… вместе с биением ее сердца.

Я отнес ее в поместье и вызвал помощь. Вскоре приехала скорая и полиция. Я велел Флоренс не заходить и не пускать Фабиана. Когда Эвелин забирали, я знал: все думают, что вина на мне. Почему она была ночью вне дома в таком виде? Почему в ночной рубашке? Почему я не позвал на помощь, как только понял, что она пропала? Меня забрасывали и забрасывали вопросами.

Что еще хуже, у нее была рана на затылке. А потом… когда всё у воды осматривали в поисках улик, на одном из камней обнаружили ее кровь. Эвелин пыталась перейти ручей, поскользнулась и ударилась головой. Потеряла сознание и утонула.

– Как они установили, что вы не виноваты? – прошептала Рыжая.

Стич вытер лицо ладонью и вздохнул.

– По медицинской карте Эвелин. Записи свидетельствовали, что с подросткового возраста у нее имелась склонность к лунатизму. Она рассказывала мне об этом, но сам я никогда не видел, чтобы она ходила во сне, – по всей видимости, такое бывало от стресса. Но я-то знаю, что тут дело не в лунатизме, я же все слышал. Слышал эту призрачную мелодию, эхом разносившуюся над полями. Ею и заманили Эвелин на верную смерть. Когда на следующий день я зашел в мастерскую, флейта исчезла. Я больше никогда ее не видел.

После этого я попросил Флоренс запереть музыкальную комнату. Сам никогда с тех пор не заходил туда и не хотел, чтобы Фабиан заходил. Пообещал себе, что однажды объясню ему все…

правду о том, как погибла его мать. Что это был не несчастный случай. И про фейри – когда он достаточно повзрослеет. Но в конце концов он узнал сам.

– О том, как умерла мать? – спросила Рыжая.

Стич медленно покачал головой:

– О фейри. Я все еще думаю, как рассказать ему остальное. И мне кажется, что никогда не сумею подобрать нужные слова.

– Вы должны просто рассказать ему обо всем. Я сейчас услышала эту историю и не думаю, что это ваша вина.

– Не знаю, воспримет ли он это так же. И я не вынесу, если он меня не простит. Хотя такого и заслуживаю.

– Считаете, что заслуживаете быть несчастным? – спросила Рыжая.

Стич пожал плечами:

– Может быть. Кто знает. Не думаю, что когда-нибудь снова буду счастлив, по-настоящему. Без нее.

Он резко остановил лошадь и указал на землю:

– Смотри!

Под лошадиными копытами была заросшая, но все же отчетливо заметная тропа.

– Хороший знак, – сказал Стич. – Приближаемся к опушке. Сейчас нужно быть начеку – никаких разговоров. Похоже, Мертвый Лес здесь кончается.

Он был прав. Вскоре Рыжая заметила, что все вокруг сильно изменилось. Птицы пели и щебетали, подлесок шуршал, пару раз на глаза ей попались выглянувшие из своих гнезд маленькие древесные фейри. Что-то запуталось в ее волосах и потянуло вверх, она дернулась, затем остановила лошадь и попыталась высвободиться. Ее удерживала толстая сучковатая ветка старого раскидистого дерева. Рыжая могла поклясться, что дерево пошевелилось, слегка нагнулось и ветки еще крепче вцепились ей в волосы.

– Стич! Меня поймали!

Стич повернулся и поскакал обратно, задержавшись лишь на секунду: жеребчик, следовавший за ним, стал жадно хватать траву.

– Не двигайся, – велел Стич Рыжей. – Это дерево просто любопытствует. Вряд ли ему доводилось видеть много людей.

Рыжая медленно опустила руку, стараясь не двигаться и не поднимать глаза на живое дерево. Скрюченные, как пальцы, ветки царапали кожу головы, дергали за волосы и даже выдернули прядь-другую. Затем дерево убрало ветки и издало долгий, скрипучий вздох.

– Ну, поехали дальше, – сказал Стич.

Следующий час прошел без происшествий, хотя теперь, когда они покинули владения Заокраинной Ведьмы, жизнь фейри стала гораздо заметнее. Через какое-то время Рыжая почувствовала в воздухе знакомый запах, который почему-то напомнил о воскресном обеде. Он смешивался с другим запахом, каким-то неприятным, землистым и терпким. Увидев, как Стич пристально смотрит меж деревьев на ручей, она поняла, что там творится нечто странное, и воскликнула:

– Вода течет в гору!

Стич кивнул:

– Я слышал об этом месте. Этот запах… пряный… розмарин. И не обычный розмарин. Розмарин, который испортили пикси.

– Испортили пикси?

– Взгляни вниз.

Лошади топтались на темных вонючих комках; одни засохшие и рассыпающиеся, другие – сырые, целые.

– Помет пикси, – сказал Стич. – Тут их владения. Розмарин, который растет здесь, обладает сильными магическими свойствами – может воздействовать на память. Надо проехать тут как можно быстрее и тише. Если пикси потревожить, неизвестно, чего от них ждать.

Действительно, вокруг начали раздаваться какие-то тарахтящие, цокающие звуки. И почти сразу Рыжая вздрогнула: в висок ей прилетела сосновая шишка. Вблизи мелькнуло пухлое злобное личико и тут же с хихиканьем спряталось.

Затем в Стича попал камешек – и еще одна маленькая фигурка показалась и исчезла из виду.

– Поторопись, – пробормотал он, пришпорив лошадь.

Скоро пикси остались позади, и трескотня стихла.

Рыжая задумалась, сколько же времени они уже в пути. В животе урчало от голода. Огромные глотки воды его не унимали, живот бунтовал все громче. Она уже собралась спросить, нельзя ли остановиться и перекусить, когда показалась опушка. Сердце Рыжей радостно подпрыгнуло: наконец-то они вырвутся под открытое небо из мрака нависающих ветвей.

– Давай остановимся вон там, – показал Стич. – Та впадинка в траве укрыта от посторонних глаз, и можно привязать лошадей прямо у ручья. Вроде безопасное место для привала.

Рыжая с удовольствием поскакала за ним, подгоняя лошадь. Когда они почти достигли кромки леса, конь Стича неожиданно встал на дыбы. Рыжая ахнула: Стич соскользнул с седла, но все же сумел удержаться за поводья и утихомирить испуганное животное.

И тут Рыжая окаменела: ей стало понятно, что так напугало

коня. Преграждая им дорогу, в просвете между деревьями стояли две фигуры.

18

Рыжая рванула поводья влево, готовая умчаться назад, в лес.

– Постой! – крикнул Стич до того, как она ударила лошадь пятками по бокам.

Он спешился, подошел к стоявшим на дороге и теперь поджидал ее. Рыжая медленно развернула лошадь, но осталась в седле.

– Все в порядке, – сказал Стич. – Они не причинят нам вреда.

Рыжая присмотрелась к незнакомцам. Первый – молодой темнокожий мужчина-фейри с блестящими золотистыми глазами. Под черным плащом с капюшоном виднелся безукоризненно сшитый костюм из листьев.

Вторая – женщина постарше. Лицо цвета слоновой кости – кожа почти прозрачная; волосы и платье из перьев черные как смоль, с маслянистым сине-зеленым отливом. Рыжая вспомнила рассказ Стича о большой черной птице, у него на глазах превратившейся в женщину.

– Вы Рэйвен? – спросила она.

Женщина внимательно на нее посмотрела, черные глаза сверкнули.

– Да, меня знают и под таким именем. – Она жестом подозвала своего золотоглазого спутника. – А это Гредин.

Стич указал на травянистый склон, к которому они направлялись, когда их нашли Рэйвен и Гредин.

– Мы в пути с самого рассвета. Как раз собирались недолго отдохнуть и поесть.

– Хорошо, – коротко кивнул Гредин. – Мы к вам присоединимся. И подумаем, как вытащить вас отсюда.

Они привязали лошадей у воды. Стич и Гредин отправились за добычей, а затем все сели есть.

Рэйвен достала из своего плаща маленькое, слегка похожее на ежа существо, которое тут же принялось вынюхивать насекомых. Рыжая не сводила с него глаз.

– Не могу назвать тебе его настоящее имя, – сказал Гредин, наблюдая за ней. – Но Таня называет его Мизхогом.

Рыжая подняла голову, и ее взгляд встретился с пристальным взглядом золотистых глаз Гредина. Видимо, Стич, пока они охотились в лесу, рассказал, что она знает Таню.

– Я уже видела такого, – пробормотала она, снова поворачиваясь к Мизхогу. – Он следовал за мной повсюду, пока… до аварии.

Гредин снова кивнул:

– Твой хранитель.

– Мой – кто?

– Твой хранитель, фейри, – удивленно повторил он. – У каждого ребенка, рожденного со способностью видеть фейри, есть хранитель.

Мизхог устроился у ее ноги, пережевывая червяка.

– Я не знала, – сказала Рыжая. – Он просто был… рядом. Никогда не задумывалась почему… даже не знаю, было ли у него имя. Я сама его никак не называла. – Она вопросительно взглянула на Гредина. – Если Флоренс может призвать Рэйвен, значит, Рэйвен…

– Хранитель Флоренс, – перебил Стич.

– Тогда, думаю, вы хранитель Тани? – спросила Рыжая Гредина.

– Да. – Гредин неотрывно смотрел на нее. – Если тебя это утешит, она тоже не знала о хранителях до недавнего времени.

– Так что же вообще-то делает хранитель? – спросила Рыжая.

– Мы защищаем интересы назначенного нам человека, – сказала Рэйвен. – Те, что касаются мира фейри. Если считаем, что человеку полезно узнать больше о мире фейри – или, напротив, полезно знать меньше, – мы прилагаем усилия, чтобы это осуществилось.

– Но разве может быть полезно знать меньше? – настойчиво продолжала расспрашивать Рыжая. – Ведь лучше знать больше?

– Нет, если это приведет к неприятностям. – Острый птичий взгляд Рэйвен уперся в Рыжую. – Мы пытались оградить Таню от излишних знаний, но ей все же удалось кое-что выяснить.

Тон женщины-фейри внезапно стал ледяным, и Рыжая поняла: здесь помнят о том, что она делилась с Таней информацией о фейри.

– И смотри, к чему это ее привело, – тихо сказал Гредин. – Решила, что справится с ситуацией, хотя на самом деле не имела представления, во что ввязывается.

– А хранитель Рыжей, тот, похожий на грызуна… – Стич поспешил вернуть их к началу разговора. – Что с ним случилось?

– Погиб, – ответила Рыжая, благодарно взглянув на Стича. – Защищая Джеймса во время аварии.

– Защищая твои интересы, – повторил Гредин и отвернулся.

Потом Стич рассказал о событиях, которые привели его к встрече с Рыжей. Судя по всему, с Гредином в лесу они уже о многом переговорили, и сейчас это было больше для Рэйвен.

Рыжая вдруг поняла, что отвлеклась на Мизхога. Кусочки пережеванного червяка упали ей на брюки, и теперь он исступленно их облизывал. Рыжая отодвинула подальше

промокшую ногу, но жадный маленький Мизхог решительно посеменил следом. Стиснув зубы, она снова отодвинулась, но Мизхог так скорбно на нее посмотрел, что Рыжая, не выдержав, вернула ногу в прежнее положение и позволила продолжить его противное пиршество.

– Тебя мы можем легко вывести, – говорил Гредин Стичу. – Мы знаем проход, которым удастся воспользоваться без особых сложностей. – Он бросил взгляд на Рыжую. – А с тобой все не так просто… Вытащить-то можно, но тебя вернут обратно. Поменявшись с Таней, ты, по сути, отдала себя царству фейри. Чтобы выбраться, надо поменяться местами с кем-то еще, обладающим вторым зрением, или заключить какой-то иной договор.

– Подумаю об этом после того, как найду брата, – сказала Рыжая.

Взгляд Гредина ничего не выражал, но в голосе теперь слышалось уважение:

– Очень хорошо. Рэйвен отведет Стича в поместье. А я провожу тебя ко Дворам. Но имей в виду, я не могу влиять на то, что там происходит, – у меня нет никакой власти. Как только мы туда доберемся, ты будешь действовать сама.

– Нет, – сказал Стич. – Полагаю, вы не поняли. Я обещал помочь. Я не вернусь без нее.

Рыжая покачала головой:

– Вы уже помогли мне. Вам нужно вернуться.

– Я остаюсь, – повторил Стич. – Что бы ни случилось.

Рэйвен и Гредин обменялись взглядами.

– Тогда Гредин проводит вас обоих, – заключила Рэйвен. – А я отправлюсь в поместье и расскажу, что мы вас нашли.

Стич кивнул, но на лбу у него появилась морщинка.

– Передай им, что мы так и не знаем, где Нелл.

Стич и Гредин разглядывали карту, обсуждая кратчайший маршрут. Гредин, хорошо знающий царство, показывал Стичу, как лучше добираться.

Все попрощались с Рэйвен. Она вновь приняла птичий облик, поднялась в воздух, взмыла над лесом и исчезла из виду.

Оседлали лошадей. Легко вскочив на буланого жеребчика, Гредин прищурил золотистые глаза и окинул взглядом местность. Затем выдвинулись в путь: фейри первым, Стич и Рыжая чуть позади, по обе стороны от него.

Перед ними простирались мили пустоты, лишь зеленые холмы да вьющаяся между ними лента дороги. К ней они и направились, склонив головы под усиливающимся ветром.

Почти не разговаривали – Гредин был не особо общительным проводником. Вскоре солнце скрылось за темными, набухшими дождем тучами. Рыжая набросила на плечи лисью накидку, но застегивать не стала, просто придерживала. Когда припускал дождь, мех согревал и не давал промокнуть, а капюшон с заостренными ушами, если опустить голову, хорошо закрывал лицо от ветра.

Сквозь свист ветра Рыжая услышала, как Гредин кричит, что нужно двигаться быстрей.

Ей становилось тяжело держаться в седле, бедра нещадно болели. Из-под лошадиных копыт летела грязь и камешки. Рыжая чувствовала сильную усталость. Они ехали дальше, и это путешествие казалось ей самым долгим в ее жизни.

Первым признаком скорого пристанища стала едущая навстречу карета. Она была запряжена двумя лошадьми, у которых шла пена изо рта.

– Стой! – воскликнул Гредин, замедляя бег своей лошади и сторонясь, чтобы пропустить карету.

Рыжая мельком увидела кучера. На первый взгляд, он походил на человека, только одна его нога была лягушачьей лапой и довольно шлепала по воде, стекавшей в углубление деревянного облучка.

– Вон там! – крикнул Стич, указывая вперед, когда путь снова стал свободен. Рыжая посмотрела сквозь пелену дождя. Там смутно виднелись очертания городка.

Они подъезжали. Темнело, было понятно, что здесь и придется заночевать.

– Держитесь за мной, – предупредил Гредин. – Ничего не ешьте и не пейте без моего разрешения, и говорить буду я.

Город начинался с обшарпанных домишек из дерева и камня. Кое-где в скалах виднелась деревянная дверь, кое-где нора в земле – тоже жилища каких-то существ. Каменистая дорога сменилась брусчаткой, сросшиеся друг с другом здания образовывали улицы и переулки, там же ютились маленькие торговые лавки.

Гредин остановился перед трактиром.

– Подождите здесь, – сказал он им, ловко соскользнул с лошади и исчез за дверью, которая была по меньшей мере на голову ниже его.

Пока они со Стичем ждали его возвращения, Рыжая рассматривала дом. К стене была прибита вывеска с выцветшим названием «Блюдо бедняка».

Гредин вернулся в сопровождении гоблина, едва доставшего ему до пояса, зато с огромным носом.

Взяв поводья своей лошади у Стича, Гредин кивнул гоблину – хозяину гостиницы, уже торопливо сворачивавшему за угол.

– Оставьте лошадей здесь, – проворчал тот, толкая высокую широкую дверь, которая вела в конюшню, и подозвал конюха с зеленоватой кожей. – О них позаботятся.

Путники спешились и направились обратно ко входу в трактир.

– Комнаты маленькие, но теплые и сухие, – продолжил гоблин, пропуская путников внутрь. Когда все зашли, он оставил их.

Воздух в тускло освещенном трактире пропитался травянистым дымом. Рыжая держала голову опущенной, но краем глаза, стараясь ни с кем не встречаться взглядом, рассматривала все вокруг. Посередине росло старое дерево с таким толстым стволом, что, возьмись втроем Рыжая, Стич и Гредин за руки, вряд ли бы смогли его обхватить. Ветви дерева сгибались и нависали над головой, и на некоторых горели фонарики.

Там и сям из земли выступали изогнутые корни, между ними был выложен каменный пол. На паре изгибов корней сидели фейри и прихлебывали свой эль.

– Садитесь. – Гредин указал на затемненный уголок. – Пойду возьму ключи от наших комнат и принесу что-нибудь поесть.

Рыжая и Стич пробрались к нужному месту и молча сели по разные стороны маленького деревянного столика. Он был отгорожен низко нависавшими ветвями. Рыжая заметила несколько любопытствующих взглядов. Они со Стичем привлекали внимание то ли из-за того, что были людьми, то ли из-за того, что были просто незнакомцами. Вернулся Гредин и сел, положив ключи на стол.

Внезапно одна из ветвей дерева устремилась к ним. Рыжая невольно пригнулась, но Гредин тихо усмехнулся:

– Все в порядке.

Она снова выпрямилась, чувствуя себя глупо. Теперь стало понятно, что ветка вовсе не собиралась нападать, а поставила блюдо на стол и отодвинулась. Рыжая поглядела по сторонам и через несколько мгновений увидела, как еще одна склонившаяся ветка несет блюдо к другому столу.

А им подали хлеб, твердый с виду сыр, мясо, фрукты, миску с вареными яйцами, полный кувшин какого-то темного напитка и три глиняные кружки. Гредин налил себе немного и осторожно отпил, взглядом предупредив Рыжую и Стича подождать, пока он не даст добро. Сделал глоток, кивнул и наполнил их кружки, а затем медленно отведал хлеба. Кивать на этот раз не стал, а просто разделил на три части и пододвинул им.

Рыжая с опаской глотнула из своей кружки: смутно знакомый сладкий вкус, но с легкой горчинкой.

– Что это? – спросила она.

– Медовуха, – ответил Гредин. – Мед и немного хмеля.

– Приятно. – Она сделала такой большой глоток, что кружка почти опустела. Медовуху хотелось подержать во рту, чтобы насладиться вкусом.

– Ешь и пей столько, сколько хочешь, – сказал Гредин. – Тут ты никогда не останешься голодной.

Он взял ее кружку и поставил обратно на блюдо. Раздалось тихое бульканье, и кружка снова наполнилась.

– Как ты это сделал?

Гредин сунул руку под плащ и достал маленький кошель, затянутый шнурком. Подержал в ладонях, несколько раз пропуская шнурок сквозь пальцы.

– Слышали когда-нибудь о Тринадцати Сокровищах? – Он поглядел сначала на Рыжую, потом на Стича.

Рыжая кивнула и посмотрела на Стича.

– Кое-что слышал, – сказал он, стряхивая крошки с заросшего щетиной подбородка. – Старая легенда, так? Связана с Дворами фейри? Собственно, вот, сейчас вспомнил… – Стич обтер пальцы от жира и вытащил из кармана браслет. – Почти уверен, что подвески сделаны по их подобию. Этот браслет принадлежал первой леди поместья Элвесден, которая была подменышем.

И передал украшение Гредину.

– Помню. – Гредин нахмурил темные брови, его длинные тонкие пальцы перебирали подвески. – Он стал причиной прискорбной кончины обитателя стоков.

– Можно? – Рыжая взяла браслет и оглядела каждую подвеску по очереди. Она помнила их назубок, как и всю ту информацию, что по крупицам собирала о фейри. – Меч, Книга, Кубок, Котел… Все здесь, – пробормотала она и, положив браслет на стол, выжидающе посмотрела на Гредина. – Так какое отношение к этому месту имеют Тринадцать Сокровищ?

Гредин опять накрутил завязку кошеля на пальцы.

– Одно из сокровищ – Блюдо. Оно никогда не оставляет своего хозяина голодным. Рассказывают, что однажды, до разделения великого Двора, некий фермер и его семья оказали гостеприимство переодетому фейри, хотя сами были крайне бедны. В благодарность фейри привел этого человека ко Двору и потребовал, чтобы его вознаградили. Двор даровал волшебное Блюдо фермеру и его семье навечно – им и их потомкам. С того дня дела фермы пошли в гору. Стоило только приготовить еду – и блюдо наполнялось само по себе, пока каждый член семьи

не наедался досыта. Урожаи всегда были прекрасными, а домашний скот здоровым и многочисленным. Много лет спустя, когда фермер состарился и передал заботу о хозяйстве своему сыну, тот самый фейри снова посетил их дом. И в этот раз пришел со своей дочерью, которая с первого взгляда полюбила сына фермера. Фермер дал согласие на их женитьбу, и молодые вернулись в царство фейри. Сын фермера с женой открыли небольшой постоялый двор, трактир, где можно было не только поесть, но и остановиться на ночлег. Заведение стало процветать: кушаний и эля всегда было вдоволь, всего хватало неизменно на любой аппетит, и… – Гредин широко развел руками, – это продолжается и по сей день.

– Мы сейчас здесь, в этом самом трактире? – уточнила Рыжая, с удовольствием делая еще глоток медовухи.

Гредин пожал плечами:

– Так говорят.

Рыжая расслабилась. История была приятная, обнадеживающая – почти как сказка из ее книги. Сытая, она зевнула: внезапно стало клонить в сон.

– Нам нужно отдохнуть, – сказал Стич. – Впереди долгий путь, и завтра лучше опять выехать пораньше.

Кивнув, Гредин наконец развязал кошель, который так и держал в руке, и вытряхнул несколько серебряных монет.

– Никогда раньше не видела деньги фейри. – Рыжая с любопытством придвинула к себе одну.

На монете было отчеканено цветущее дерево. Рыжая перевернула ее.

– И с этой стороны дерево, – сказала она вслух. – Только здесь похоже на скелет, голый остов, без листвы.

Она положила монету и взяла другую. Эта была больше, и рисунок уже иной – шесть знакомых символов.

– Что ты видишь? – спросил Гредин.

– Блюдо, сердце, канделябр, кинжал, посох и ключ.

– А на другой стороне?

– Книга, – медленно произнесла Рыжая, перевернув монету. – Кольцо. Меч, чаша… кубок, маска… и котел.

– Тринадцать Сокровищ, – заключил Стич.

Гредин кивнул:

– Каждая монета фейри представляет оба Двора – Благой и Неблагой. – Он указал на первую монету: – Цветущее дерево олицетворяет весну и лето – Благой Двор. Вторая сторона, где дерево мертво, – осень и зиму, то есть Неблагой.

Он аккуратно разложил монеты на столе.

– Все Благой стороной вверх, – заметила Рыжая.

– Таков порядок. Когда расплачиваешься, монеты следует класть вверх стороной Двора, правящего на данный момент. Считается, что поступать иначе – к несчастью. Если такое заметит член правящего Двора, это могут счесть предательством или неуважением, что чревато наказанием. Поэтому мы всегда следим, как лежат деньги. – Лицо Гредина омрачилось. – И через два дня все снова поменяется.

Рыжая внезапно похолодела:

– То есть как через два дня?

– Смена Дворов, – ответил Гредин. – От Благого к Неблагому. Мы называем это Самайном, но, полагаю, вы, люди, знаете его как Хэллоуин.

– Что?! – Рыжая вскочила, опрокинув табурет и кружку с медовухой.

Сидящая напротив женщина-фейри со шрамом на лице посмотрела на них.

– СЯДЬ! – прошипел Гредин, его золотые глаза сверкнули.

Рыжая повиновалась, но ее охватил страх.

– Не понимаю, – хрипло сказала она. – Почему через два дня? Я знала, что прошло какое-то время, но не представляла сколько! Как может быть, что сейчас почти Хэллоуин?

Стич положил ладонь на ее руку.

– Ты уже почти три месяца в царстве фейри, – мягко сказал он. – Не знаю, как долго Заокраинная Ведьма продержала тебя в том подвале… Возможно, тебе показалось, что прошел всего один день, а ты пробыла там гораздо дольше.

– Это не из-за Ведьмы, – медленно произнесла Рыжая. – Когда я сюда попала, за мной гнались. Нужно было спрятаться, и я забралась в дупло, там еще росла рябина… ягоды были совсем зеленые. А наутро проснулась – они стали красными… спелыми.

– Что-то еще изменилось?

– Да, у меня отросли волосы… И еще перед этим я изрезала руки о крученую паутину. А на следующий день порезы зажили.

– Значит, скачок времени, – пробормотал Гредин. – Не редкость, если человек попадает в царство фейри. Совмещение существ и предметов из разных миров часто приводит к такому сбою. Иногда это бывают годы… даже десятилетия.

Рыжая уставилась на свои покрытые шрамами руки:

– Звучит так, будто я еще должна радоваться.

– Должна, – твердо сказал Гредин.

– Почему этого не случилось с ним? – спросила Рыжая, поворачиваясь к Стичу. – Как вы смогли прийти в царство и встретиться со мной? Разве не было сбоя во времени?

– Не было, – ответил Стич. – Потому что я попал сюда

не один и не по своей воле. Меня привели фейри – в этом случае не бывает сбоя.

Рыжую начало трясти.

– Нам нужно добраться до Дворов, пока они не поменялись местами! Мне нужно, чтобы меня выслушал Благой Двор! Только не Неблагой! Ни за что на свете! Мы должны идти прямо сейчас! Прямо сейчас!

– Мы успеваем, – сухо сказал Гредин. – Благой Двор примет тебя и заслушает дело твоего брата – я уверен. Сегодня мы отдохнем, а завтра погоним во весь опор. Но перед этим я хочу услышать про ту ночь, когда исчез твой брат.

И Рыжая начала рассказ.

19

Спала Роуэн плохо, особенно теперь, когда постоянно боялась за Джеймса. После похода в библиотеку она перебрала всю одежду в поисках красной, которая могла ему подойти. Даже стянула из прачечной и из чужих шкафчиков несколько красных байковых штанишек и пару красных носков.

Она надевала их на брата только тогда, когда знала, что не сможет за ним приглядывать, но мысль о том, что защита действует, лишь пока он молчит, сильно тревожила ее. Просыпаясь, Джеймс обычно звал ее. Поэтому сама Роуэн спала урывками: три-четыре раза за ночь поднималась, чтобы посмотреть, как он.

К тому же было непросто уследить, чтобы раздобытая одежка никуда не девалась. Дважды, дождавшись, когда бдительный персонал отвернется, приходилось вытаскивать маленькие красные штанишки из бельевой корзины, чтобы снова использовать.

Хотя оставалась надежда, что произошедшее с Меган – исключительный случай, она не могла рисковать. Вскоре опасения подтвердились. Как-то, через три недели после того похода в библиотеку, Роуэн заглянула в детское отделение проведать Джеймса и сразу поняла: что-то стряслось. Две обеспокоенные нянечки суетились около одной из кроваток и тихо переговаривались. Она прислушалась.

– …выглядит не очень хорошо. Долго он в таком состоянии?

– С самого утра.

– Думаю, нужно вызвать врача.

Одна из женщин повернулась и быстро пошла к двери, Роуэн посторонилась, чтобы ее пропустить.

– А что случилось? – спросила она оставшуюся нянечку.

– Ничего страшного, – последовал неправдоподобно жизнерадостный ответ. – Почему бы тебе не прогуляться с Джеймсом на свежем воздухе?

Джеймс сидел в своей кроватке и лопотал что-то себе под нос. Зачем-то – то ли из любопытства, то ли из интуиции – Роуэн подошла к кроватке захворавшего ребенка.

И сразу поняла, что его подменили – как и Меган. Только на этот раз существо, лежащее в кроватке, определенно было очень больным. Темные круги под глазами, частое прерывистое дыхание. Оно смотрело на нее снизу вверх, и даже наваждение не могло скрыть, что это фейри. Сомнений не было. И подкинули его именно из-за болезни – в этом Роуэн тоже не сомневалась.

Заменили на здорового ребенка.

– Лучше держи Джеймса подальше, – посоветовала нянечка. Она шла вдоль ряда кроваток, одного за другим проверяя детей, и вдруг остановилась. – О, нет…

Сердце Роуэн дрогнуло. Она уже знала, что сейчас последует.

– Еще один, да? Еще один… заболел?

– Да. Думаю, тебе лучше вывести Джеймса на улицу.

Роуэн поступила, как ей сказали. Джеймса она крепко прижимала к себе. Скольких детей еще похитили? Может ли она что-нибудь сделать, чтобы это прекратить?.. И, чтобы не передумать, она решительно направилась к кабинету Джона и громко постучала.

– Войдите, – спокойно отозвался он.

Зайдя, она закрыла за собой дверь.

Джон оторвал взгляд от кипы бумаг на столе:

– Что такое, Роуэн?

– В детском отделении происходит кое-что нехорошее, – торопливо проговорила она. – Кое-что с детьми.

Джон откинулся на спинку стула и жестом пригласил ее сесть напротив.

– Да, мне сейчас сообщили, что распространяется какая-то болезнь. Но тебе не стоит беспокоиться, врача уже вызвали. Просто приглядывай за Джеймсом и дай знать, если появятся какие-нибудь симптомы…

– Вы не понимаете, – сказала она. – Дети… они не… они другие.

– Ну конечно. – Джон нахмурился. – Люди, особенно дети, часто ведут себя странно, когда им нездоровится, а уж если высокая температура…

– Нет! – выкрикнула Роуэн так резко, что Джеймс подскочил у нее на руках. – Это не они! Их подменили!

Джеймс заплакал.

Джон просто молча смотрел на нее.

– Вы должны меня выслушать, – настойчиво сказала она. – Детей подменяют… существами… существами, которые не люди.

Джон продолжал оценивающе смотреть на нее.

– Роуэн, – произнес он серьезно. – Кем именно, ты полагаешь, подменяют детей?

– Фейри, – мгновенно и твердо ответила она, глядя Джону прямо в глаза.

Странно, но он никак не отреагировал.

Затем, не говоря ни слова, встал и подошел к уродливому серому шкафу с картотекой. Порылся в ящике с буквой «Ф» и вытащил папку. Отнес назад, к столу.

– Подменыши? – мягко произнес он. – Я знаком с этой идеей. Увлекался викторианским искусством. Там многое посвящено этой теме.

Она стиснула зубы:

– Да.

– Я просматривал твое личное дело перед тем, как вас привезли. – Он открыл страницу с желтым стикером. – Здесь говорится, что в полиции после аварии ты признала, что обычно не ездила на машине с родителями в такое время и такой дорогой. Ситуация была нетипичной, верно?

Роуэн кивнула.

– А можешь ли ты сказать, почему так получилось?

– Потому что… – Она откашлялась. – Потому что я должна была быть в школе. А вместо этого отправилась в Лондон. Мы были в машине только потому, что родители узнали, где я, и приехали за мной. Если бы… если бы я пошла в школу, то вернулась бы домой пешком, как обычно… И никакой аварии бы не случилось.

– Авария все равно бы случилась, – сказал Джон. – Просто с кем-то другим. Я назначил тебе встречу с психологом, чтобы вы обсудили этот момент подробнее, – тебе очень важно понять, что случившееся не твоя вина. А сейчас я хочу поговорить о том, чем ты занималась в тот день вместо школы.

– Была на выставке, – ответила Роуэн. – На выставке о фейри в искусстве и фотографиях. Поехала, чтобы посмотреть…

– А почему одна? Почему не с родителями? Они могли бы отвезти тебя туда на выходных или на каникулах.

– Им не нравилось, когда я говорила о фейри.

– Почему?

– Потому что они не хотели верить в то, о чем я вам говорю… в то, что фейри реальны. Но если никто не поверит мне и сейчас, детей здесь подменят одного за другим.

Джон наклонился и нацарапал записку на клочке бумаги.

– Что заставляет тебя думать, что наши дети в опасности? Я имею в виду, что их могут похитить фейри?

Роуэн уже открыла рот, но остановилась, тщательно обдумывая вопрос.

– Возможно, потому, что здесь они не так защищены, – нерешительно сказала она. – Если у детей есть те, кто их любит и заботится о них, тогда исчезновение или подмену сразу обнаружат. Может, дело как раз в этом: забирают тех, кого, как они считают, особо не хватятся.

– Я понимаю, почему ты так думаешь, – мягко сказал Джон. – И почему твой интерес к этому усилился после смерти родителей.

Хотеть во что-то верить – нормально. Так твой разум пытается справиться с потрясением. – Он закрыл папку с ее личным делом. – Полагаю, мы все обсудили.

Роуэн встала. Разговор был окончен, она чувствовала себя глупо: зачем-то снова пыталась склонить взрослого поверить в правду. Но когда она подходила к своей комнате, смущение сменилось гневом. Необходимо вытащить отсюда себя и Джеймса. Письмо тете Роуз – единственная надежда. Тем же днем она побывала у врача и обрадовалась: гипс обещали снять через две недели. Вернувшись, снова взялась за письмо. Накарябанное правой рукой выглядело ужасно, но по содержанию с каждым разом получалось все лучше.

На следующее утро Роуэн проснулась от шума и суматохи. По коридорам грохотали шаги, слышались приглушенные голоса.

Она вскочила с кровати и, накинув поверх пижамы кофту, прокралась в коридор. Вниз по лестнице вслед за Джоном и двумя другими сотрудниками торопливо спускалась уборщица. Босая Роуэн неслышно пошла за ней. Поняв, что все направляются в детское отделение, она ускорила шаг. На воспитанников, которые уже проснулись и слонялись по коридорам, грозно рявкали, требуя, чтобы они вернулись в свои комнаты.

За дверью детского отделения Роуэн остановилась и прислушалась. Сквозь щель она увидела, что Джеймс на месте, в своей кроватке, и ее бешено колотящееся сердце начало успокаиваться. Но что-то все-таки случилось. Она прижалась ухом к щели.

– Они не могли просто исчезнуть! – резко говорил Джон. – Хватит это повторять!

– Но это правда, – упорствовал женский голос.

– Чертовски странно, – вступила уборщица. – Но они должны быть поблизости. Ясное дело, чьи-то шуточки. Уж слишком похоже на то, как маленькая девочка пропадала на прошлой неделе. Но мы ведь ее нашли, так что и эти двое где-то недалеко.

«Двое, – подумала Роуэн. – Двое детей исчезли».

– Думаю, вы правы. – Голос Джона внезапно стал жестким. – Это чьи-то дурные шутки. И, думаю, я знаю чьи.

Его шаги приближались к двери. Роуэн огляделась: быстро спрятаться негде, оставалось только стоять и ждать.

Дверь распахнулась, Джон увидел Роуэн. И, казалось, совсем не удивился.

– Пойдем на пару слов, – сказал он.

– Простите, что? – переспросила Роуэн.

– В мой кабинет. Сейчас же.

Онемевшая Роуэн последовала за ним, успев лишь бросить взгляд через плечо: убедиться, что с Джеймсом все в порядке.

– Итак, – произнес Джон, прежде чем дверь закрылась. – Сегодня утром двое младенцев исчезли из своих кроваток. Есть у тебя какие-нибудь мысли о том, где они находятся?

– Что? – Роуэн почувствовала подкатывающую тошноту. – Вы же не думаете… что я в этом замешана?

– Просто совпадение, так? – сухо проговорил Джон. – Ты настаиваешь, что фейри похищают детей, а на следующий день двое детей загадочным образом исчезают?

– Я совершенно ни при чем, – гневно сказала Роуэн. – Я никогда бы не стала такое делать! Я помогу вам их искать.

– Все уже ищут. Ищут целый час. И вот что интересно: один ребенок умеет только ползать, а другой только-только научился сидеть! Значит, сами они уйти не могли. Значит, это чья-то работа.

– Не моя, – повторила Роуэн.

– Правда? Подвергать опасности других – это не шалость, Роуэн. Это серьезно.

– Клянусь, я не знаю, где они, – прошептала она. – Как вы могли такое подумать?

Лицо Джона внезапно смягчилось.

– Хорошо. Забери Джеймса и возвращайся в свою комнату.

Шли часы, но никаких признаков пропавших не обнаруживалось. Мучительное, неотвязное чувство грызло Роуэн, словно крыса. Если это дело рук фейри, то почему они не оставили замену? Вряд ли бы они просто так украли двух младенцев… утащили их в никуда? Однако именно это уже казалось наиболее вероятным объяснением, потому что дети всё не находились.

Только около полудня воспитанникам разрешили покинуть комнаты и пойти есть. Был вызван дополнительный персонал для помощи в экстренной ситуации. Всех опрашивала приехавшая полиция. Когда настала очередь Роуэн, она сказала абсолютную правду: ничего не видела и не слышала. Про фейри благоразумно промолчала.

– Ты слышала, что происходит? – Полли, запыхавшись, подбежала к Роуэн, когда девочки собрались в общей комнате. – Нас переводят. В другие детские дома!

– Переводят? Когда?

Полли показала на свою близняшку:

– Нам велели собрать вещи сегодня! Мы едем в Кент. – Она оглядела комнату и сказала с завистью: – Салли поместят в приемную семью. Поедет завтра. Наверное, это справедливо. Она

здесь дольше всех.

– А как со мной? – спросила Роуэн, но Полли покачала головой:

– Тебе надо подождать, что скажет Джон.

В этот момент к ним суетливо подскочила уборщица.

– Все в порядке, лапочка? – Она погладила Полли по голове и повернулась к Роуэн: – Мистер Темпл просит тебя зайти.

Роуэн сорвалась с места и влетела в кабинет Джона, даже не постучавшись:

– Меня с Джеймсом переводят?

– Да. – Джон был явно обеспокоен, но все же ему удалось улыбнуться. – У меня хорошие новости. Нам наконец удалось связаться с твоей тетей Примроуз.

– Просто Роуз, – нервно поправила Роуэн. – Ей не нравится, когда ее называют Примроуз, мама так говорит… говорила.

Джон кивнул:

– Роуз согласилась заботиться о тебе и Джеймсе на постоянной основе. Следует только уладить несколько вопросов, в частности по условиям проживания. – Он сморщил нос. – И когда вы там поселитесь, вас будет посещать социальный работник. В любом случае новость замечательная.

Глаза Роуэн наполнились слезами облегчения. Теперь не надо писать это ненавистное письмо!

– Спасибо. – Она не удержалась и шмыгнула носом. – Когда тетя Роуз приедет?

– У нее нет машины. И нужно еще проверить ее дом, это обычно занимает несколько дней. Однако есть еще момент. Она была за границей, поэтому у нас и не получалось установить с ней контакт, а вернувшись, сильно заболела, так что, вероятно, надо подождать еще пару недель, пока она поправится и сможет забрать вас. Здесь вы проведете еще одну ночь, а потом отправитесь в Лондон на это время. Она приедет поездом и заберет вас оттуда.

Он подошел и неловко похлопал ее по руке:

– Все будет в порядке! Ты хорошая девочка! А теперь почему бы тебе не начать собираться?

Как раз во время судорожного сбора вещей одна из сотрудниц, занимающаяся проверкой, заметила «путаницу» с детской одеждой и вернула две украденные Роуэн вещи их законным владельцам. От огорчения Роуэн чуть не разрыдалась. Время близилось ко сну, а ей нечем было защитить Джеймса. К счастью, договорились, что эту последнюю ночь он проведет в ее комнате. И когда Роуэн помогала разливать молоко, которое давали детям перед сном, ей попалось на глаза ярко-красное кухонное полотенце. Грязное,

но это не имело значения. Она схватила его и засунула под халат.

Позже, когда все было собрано, она прикрыла крышку чемодана, но застегивать не стала, чтобы утром уложить последние вещи. А сверху оставила чистую одежду для них обоих.

Джеймс свернулся клубочком, как хомяк, и засунул в рот большой палец. Вытащив кухонное полотенце, Роуэн осторожно расправила его на одеяле Джеймса, затем забралась в постель с книгой сказок и читала, пока глаза не начали закрываться. Тогда положила книгу на тумбочку у кровати и выключила свет.

* * *

Она толком не поняла, из-за чего проснулась, хотя потом, вспоминая, думала, что из-за запаха. Первым она почувствовала его: землистый и влажный. Вторым были очертания стоящей над ней фигуры, которую она увидела сквозь полуприкрытые веки. Спросонья подумалось, что кто-то из воспитателей проверяет детей ночью. Однако в этой фигуре что-то настораживало, слишком долго этот кто-то стоял и молча наблюдал. И Роуэн продолжала смотреть сквозь щелки век, притворяясь спящей.

Фигура вытянула руку и провела пальцем по тому, что лежало на прикроватной тумбочке. На пальце было серебряное кольцо – с гравировкой на камне. Знакомый символ: крылья. Послышался приглушенный грубый мужской смех. Затем фигура спрятала что-то в складках пальто. Роуэн поняла – это ее любимая книга. Гнев оказался сильнее страха. Она распахнула глаза и уже почти закричала, но в этот момент фигура отвернулась.

Крик, так и не вырвавшись, застыл на губах у Роуэн. Воздух заколыхался – дуновение возникло от двух огромных крыльев, выступающих из спины незваного гостя. Фейри направился к двери, остановился у кроватки Джеймса и заглянул туда… Причина его появления здесь яснее быть не могла.

«Не Джеймс, – подумала Роуэн. – Только не Джеймс. Он под защитой». В охватившем ее страхе утешало одно: красное полотенце защитит брата от глаз фейри. Поэтому, когда фейри, бросив последний взгляд в ее сторону, запустил руки в кроватку, Роуэн оцепенела. Фейри легко поднял спящего малыша и исчез за дверью так же беззвучно, как и появился.

Внезапно Роуэн будто очнулась. Отбросив одеяло, она выбежала в пустой коридор. Волосы хлестали по глазам, когда она резко крутила головой, пытаясь понять, куда скрылся похититель. В конце коридора виднелся пожарный выход: прочная деревянная

дверь и каменные ступеньки, ведущие в безопасное место на заднем дворе. Сейчас дверь была открыта, и на верхней ступеньке лестницы стоял с Джеймсом на руках фейри. Теперь его можно было разглядеть лучше: это был мужчина с жесткими чертами лица, приплюснутым носом и бугристым шрамом, рассекавшим верхнюю губу пополам.

Кричать и поднимать тревогу не имело смысла: никто, кроме нее, не увидит незваного гостя. Ей оставалось единственное оружие – неожиданность. Когда крылья фейри поднялись, Роуэн побежала. Он пригнулся, готовясь взмыть вверх, однако, услышав приближающиеся шаги, обернулся. Но Роуэн уже прыгнула на него с разбега. Фейри издал утробный звук, потерял равновесие, они перевалились через перила и рухнули с четырехметровой высоты на траву.

Роуэн повезло – она упала сверху. Фейри приземлился на спину и с трудом глотал воздух. Оттолкнувшись, она напряглась и что было мочи попыталась вырвать Джеймса из хватки фейри. Малыш плакал во весь голос, крик эхом разносился в ночи, и Роуэн подумала, что кто-нибудь обязательно проснется и выйдет. Но, взглянув на пожарный выход, поняла: тяжелая дверь закрылась – скорее всего, их никто не услышит.

Сильные пальцы вцепились в ее запястье. Похититель уже оправился после падения и жестко заломил ей руку, заставив опуститься на колени в траву. Встал, продолжая выкручивать ее руку.

– Почему она не зовет на помощь? – прозвучал его низкий голос, обращенный к кому-то.

К кому-то – не к ней. И это повергло ее в шок.

– Вероятно, знает, что смысла нет, – ответил откуда-то другой мужской голос.

Роуэн сумела повернуть голову и посмотрела на освещенный луной сад. Под яблоней стояла вторая фигура. Сообщник. Лицо его скрывала тень.

– Возьми ребенка, – велел первый фейри.

– Что? Подожди-ка… Снетчер, мы договаривались, что я буду только караулить. И все. Участвовать в этом не буду.

– Я сказал, возьми ребенка, – прошипел Снетчер. – И чтоб он молчал!

– Пожалуйста, не забирайте его! – взмолилась Роуэн.

Рывок за руку вынудил ее замолчать.

Сообщник неохотно выскользнул из-под дерева. Лица не было видно под капюшоном.

– Пожалуйста, – попыталась снова Роуэн. – Не забирайте моего брата. Не причиняйте ему вред!

– Вред? – Снетчер хмыкнул. – С чего ты взяла, глупая девчонка?

– Что вы собираетесь с ним делать? – в ужасе спросила она. – Зачем вам все эти дети?

Она уже не видела Джеймса: сообщник похитителя затаился с ним в темноте под деревом.

– Зачем они нам – не твое дело, – сказал Снетчер тихо, с угрозой. – И то, что ты можешь нас видеть, ничего не меняет. Не сомневайся: о ребенке будут хорошо заботиться. Поэтому советую тебе вернуться в славную теплую постельку и забыть, что у тебя был брат.

– Ни за что!

Снова раздался тихий смешок.

– А ты вспыльчивая? – Он коснулся ее волос. – Огненная, прямо как твои рыжие волосы.

Слезы текли по лицу Роуэн. Фейри все еще крепко держал в захвате ее здоровую руку. Загипсованная рука бессильно висела. И все же, может быть, гипс… – мелькнула мысль.

– Если ты его заберешь, я найду тебя, – сказала она сквозь зубы. – Не успокоюсь, пока не верну его!

Снетчер удивленно присвистнул:

– Слыхал? Она тут, считай, поклялась! – крикнул он в темноту и наклонился ближе, дыша прямо ей в лицо. – Только вот я не люблю пустых клятв. Невыполнимых. Они меня расстраивают.

Он отпустил ее руку, и Роуэн с облегчением повалилась на землю.

– А теперь уходи, – пригрозил он. – Пока я не причинил тебе настоящую боль.

Роуэн осталась на месте, лишь несколько раз тихо всхлипнула. Выдержала время, чтобы убедить – она сдалась. Затем одним мгновенным движением вскочила на ноги и крутанулась всем телом, рассекая воздух загипсованной рукой. Гипс врезался в челюсть Снетчера. Пока он выплевывал зубы и кровь, Роуэн побежала к деревьям.

Ей удалось сделать всего несколько шагов, когда позади раздалось рычание и свист крыльев. Взлетевший Снетчер сбил ее с ног и пинком повернул лицом к себе. Стало ясно: беды не избежать. Его глаза горели красным, он склонился над Роуэн, и капли теплой крови упали ей на лицо.

– Ты зря так сделала. – Снетчер схватил ее за волосы и снова силой поставил на колени. – Я был готов обойтись с тобой помягче, – перекосив рот, процедил он. Мне нравится твой характер. Но мне надоело проявлять терпение. И когда людишки

встают у меня на пути, я оставляю им на память подарок.

– Что значит «подарок»? – выдохнула Роуэн.

– Погоди, Снетчер, – встревоженно окликнул его напарник. – Она всего лишь ребенок.

– Кое-что на память обо мне. – Слова Снетчера были сдобрены кровью. – Просто на случай, если тебе когда-нибудь придет в голову еще раз попытаться перейти мне дорогу. – Он расхохотался и крикнул своему невидимому спутнику: – Что скажешь? Не поставить ли ей крылышки?

Тот молчал.

– Что? Что ты делаешь? – Роуэн сопротивлялась, замахнулась гипсом в попытке двинуть ему по коленям, но Снетчер увернулся.

Он сгреб ее волосы с затылка в узел и скрутил в своем мясистом кулаке. Захватил еще туже, натянув до боли кожу на шее, и прижал к ней что-то холодное и твердое. В сознании Роуэн промелькнуло его кольцо с крыльями. И сразу спину между плеч пронзила жгучая, мучительная боль. Нестерпимая боль ожога.

Она закричала. Снетчер придавил ее лицо к земле, заглушая крики, и в рот набилась трава. Вдруг давление ослабло, и все вокруг заполнил другой звук – крик боли, утробный, гораздо громче, чем ее собственный. Приподнявшись на локтях, она выплюнула попавшую в рот землю и перекатилась на спину, чтобы прохладная трава хоть чуть облегчила отчаянную боль. В темноте разлился мерцающий золотой свет, и она увидела все, что происходило.

Вопли боли и ярости смешались с ужасной вонью. Крылья Снетчера вспыхнули, он пытался сбить пламя руками и выкрикивал заклинания. Но потушить не удавалось. Напарник подбежал к нему, но к этому моменту огонь погас, крылья сгорели.

– Мои крылья! – кричал Снетчер, когда они уходили. – Мои прекрасные крылья! Что она с ними сделала? Маленькая ведьма!

Роуэн попробовала встать, но сил не хватало, боль в спине была невыносимой. И пока она лежала на земле, то приходя в сознание, то снова теряя, Снетчер и его спутник исчезли в ночи. Забрав с собой ее брата.

20

– Тогда я последний раз видела брата, – сказала Рыжая, глядя на кружку с медовухой. Она подняла руку и потрогала выжженное клеймо.

Было уже поздно, и в «Блюде бедняка» стояла тишина: посетители либо покинули заведение, либо разошлись по номерам. Лишь несколько беспутных так и остались, время от времени оглашая трактир пьяным храпом – кто-то уснул прямо на столе, а кто-то и под столом.

– В конце концов от моих криков в доме проснулись взрослые и дети. Поначалу я в истерике кричала о фейри, но, конечно, никто не слушал. Потом все-таки мне удалось успокоиться. Нужно было быстро соображать, но боль очень мешала. Ожог я решила никому не показывать. Не могла придумать, как объяснить его появление. Когда прибыла полиция, я рассказала, как видела, что забрали Джеймса, как побежала за ними. То есть правду, просто не полную. Обыскали весь район, но, конечно, так ничего и не нашли. На следующий день меня перевезли в Лондон. К тому времени я все продумала. И поняла: если стану жить у тети Роуз, то шансов отыскать Джеймса не будет. Поэтому две недели подождала и, как только сняли гипс, взяла самое необходимое и сбежала. В Лондоне легко затеряться. Очень много людей, никто на тебя даже не взглянет.

Она замолчала, чтобы подавить зевок. Стич положил руку ей на плечо и сказал:

– Думаю, на сегодня достаточно. Нам нужно отдохнуть, если мы хотим выехать пораньше.

Гредин кивнул.

– Ты уверена, что ни у одного из твоих родителей… не было второго зрения? – поинтересовался он.

Рыжая удивленно покачала головой:

– Уверена. Почему ты спрашиваешь?

– Просто так, – сказал Гредин, глядя в сторону.

Они встали из-за стола и разошлись по своим номерам. Как и предупредил гоблин, комната была маленькой, но, когда Рыжая легла на мягкую перину и укуталась в мех, это показалось ей настоящей роскошью – самой большой за долгое время бесприютности.

Следующим утром, когда они седлали лошадей и готовились к отъезду, появилась Рэйвен.

– С экономкой все в порядке. Цыганка нашла ее в лесу

недалеко от Тинкерс-Энда.

– Тинкерс-Энда? – переспросила Рыжая. – Наверное, Тики-Энда?

Гредин покачал головой.

– Тинкерс-Энд – название местности в царстве фейри, – объяснил он. – Иногда в наших мирах названия сливаются и становятся похожими. Порой и совсем одинаковыми. Два мира соприкасались на протяжении долгих лет – все наложилось друг на друга.

Они сели на лошадей и тронулись в путь. На этот раз Стич ехал на жеребчике, а Гредин и Рэйвен на его коне. Дул холодный ветерок – напоминание о том, что лето позади. Начинались темные месяцы.

Как и обещал Гредин, они неслись во весь опор и остановились только на второй день. У Рыжей болело все тело. Она не жаловалась, хотя кости и зубы сотрясались от скачки. Каждая минута приближала время правления Неблагих. В ту ночь они легли спать под звездами.

На третий день солнце взошло на красном небе.

– Самайн, – сказал Гредин.

Страх угрем пополз по спине Рыжей.

– Мы добираемся немного дольше, чем я рассчитывал, – продолжил Гредин. – Но еще можем успеть.

Они упорно двигались вперед, по холмам, мимо больших и маленьких деревень. Тем временем солнце поднялось над ними, а затем постепенно стало опускаться.

– Мы уже близко? – снова и снова спрашивала Рыжая. – Сколько еще?

Поначалу Гредин что-то бурчал в ответ, но его слова уносил ветер. Потом он будто перестал слышать, и Рыжая больше не задавала свой вопрос. Она уже почти потеряла надежду, но тут на горизонте появились желтые огни, и Гредин крикнул, чтобы никто не отставал. Из последних сил Рыжая пришпорила лошадь.

Огни горели уже ближе, донеслась едва слышная музыка, и путники увидели город, похожий на тот, где они делали остановку в первую ночь.

– Авалон! Конец пути, – крикнул Гредин, замедляя бег коня.

Когда въехали в город, он спешился и подал знак последовать его примеру. Музыка теперь звучала громче, пронзительная и неистовая. Они шли за Гредином по узким каменным улочкам, с приближением музыки становившимся все оживленнее. Рыжая не застегивала свою лисью накидку – перевоплощение было ни к чему, – но вокруг посматривала из-под капюшона, чтобы хоть немного скрыть лицо от встречных.

Вскоре на тротуарах было яблоку негде упасть: фейри были повсюду – старые и молодые, уродливые и прекрасные, поодиночке и группами. Рыжая в полном ошеломлении вглядывалась в лица проходящих, но одна мысль не оставляла ее: среди этого волшебного народа есть те, кто знает, где ее брат, а может быть, где-то здесь находится и он сам. Она поймала себя на том, что особенно пристально всматривается в каждого ребенка и пытается представить, как выглядит Джеймс сейчас.

Центр города бурлил в необузданных плясках.

– Это они! – внезапно прошипел Стич, указывая в середину толпы.

Рыжая проследила за его рукой и увидела трех музыкантов: фавна, гоблина и горбатого старикашку с крыльями, подскакивающих под собственную музыку.

– Это они затащили меня в ведьмины круги!

За музыкантами стояло майское дерево – разноцветные ветви с красно-золотыми листьями спиралью спускались с шеста, вокруг которого в лад танцевали десятки фейри. Лица одних светились радостью. Лица других выдавали покорность судьбе – в них читался страх.

– Танец Самайна, – тихо сказала Рэйвен. – Сюда каждый год съезжаются фейри со всего царства, чтобы принять в нем участие. Весной танец другой – танец Белтайна, так празднуют приход правления Благих.

– Идем дальше, не останавливайтесь, – пробурчал Гредин.

Миновав самое большое скопище фейри, они пошли по улицам, где толчея заметно поредела. Теперь, когда на них никто особо не обращал внимания, Рыжая позволила себе получше осмотреться. Дома, магазины, трактиры, постоялые дворы. Половина убрана в осенних тонах – там кипела жизнь. Другая половина темная, ставни закрыты. В окне маленькой лавки с названием «Кот и котелок» выставлена рукописная табличка «Закрыто на Самайн. До весны».

Рыжая подняла брови:

– Значит, они действительно снимаются с мест и уходят.

– Да, к сожалению, – проворчала Рэйвен. – Я-то надеялась, что мы сюда успеем, но, очевидно, разминулись. Тут делают одни из лучших снадобий в округе.

– Снадобья? Какие? – полюбопытствовала Рыжая, вглядываясь в темное окно.

– Да обычные! – ответил Гредин. – Мазь для кончиков ушей и подобное. И ремонт крыльев у них вне конкуренции.

– Мазь для кончиков ушей?.. – переспросила Рыжая.

– Для заостренных ушей, – пояснил Гредин, указывая

на свои. – Если используешь наваждение, чтобы придать им округлую, как у людей, форму, то они спустя какое-то время начинают побаливать. – Он повернулся к Рэйвен. – Ты хотела извести паршу в крыльях?

Рэйвен кивнула, но, повернувшись к Рыжей и Стичу, поспешно уточнила:

– Я не себе, как вы понимаете. Мизхогу. Он страдает от ужасных нарывов. Скребет себя, скребет, с ума с ним можно сойти… – Она замолчала, потому что из складок ее платья, где гнездился Мизхог, донесся возмущенный звук.

Брови Стича взлетели вверх. Обсуждение парши явно не казалось ему своевременным.

– Давайте оставим лошадей здесь, – сказал Гредин, когда они дошли до конца улицы.

Это была уже окраина города, впереди простирались поля. Рыжая посмотрела вдаль и увидела мерцающие огни, которые будто висели в воздухе.

– Что это?

– Свет факелов, – ответил Гредин. – Факелов из Тора.

– Гластонбери-Тор, – добавил Стич. – Резиденция Дворов.

– Нам нужно туда подняться? – спросила Рыжая. – Это же так высоко!

– Все не так плохо, как представляется, – сказала Рэйвен.

Они отправились в путь по едва заметной тропинке, которая вела от города. Идущий впереди Гредин показал им узкую каменистую дорогу, проложенную по склону поросшего травой холма.

– Нужно торопиться, – мрачно напомнил он.

Дальше все молчали, сберегая силы для подъема.

Ноги у Рыжей горели от усталости и напряжения. Три дня в дороге, почти без сна – она чувствовала себя слабой и измотанной. Но ведь она уже была близко к Джеймсу – совсем близко.

Путь до вершины занял минут двадцать. Стич взобрался последним, и Рыжая протянула ему фляжку, чтобы смочил рот: такими сухими и потрескавшимися были его губы. Здесь, на вершине, свистел ветер и доносил эхо каких-то странных звуков: смех, пение. Окрест огромного холма все было погружено во тьму, лишь в отдалении, в городе, виднелся свет крошечных окошек.

– Готовы? – Голос Гредина застал Рыжую врасплох.

Дрожа, она кивнула.

Гредин и Рэйвен направились к центру холма. Стич и Рыжая последовали за ними.

– Где же?.. – озираясь, прошептала она, ожидавшая увидеть величественный дворец. Но на холме царила пустота – только кольцо из факелов.

Гредин кивком указал вниз:

– Под нами.

– И как попасть внутрь? – Стич тоже явно ничего не понимал.

– Вот так. – Рэйвен развела руки, жестом предлагая всем встать в круг и взяться за руки. Рыжая присоединилась последней, и ее сердце бешено забилось. Лишь только ее руки коснулись рук Стича и Рэйвен и круг замкнулся, земля под ногами заколыхалась. От неожиданности Рыжая отпрянула и почти отпустила руки, но Гредин сурово покачал головой:

– Не разрывай круг!

Рыжая снова сжала руки, не отрывая глаз от земли.

Трава под ними опять зашевелилась, дерн стал отделяться и сворачиваться в толстый валик, остановившийся у ног Стича.

Из-под земли вырвался луч света, а вместе с ним музыка и хор голосов. Трава продолжала отслаиваться, как кожура апельсина, и круг света расширялся – перед ними в земле разверзлась дыра.

Глазам открылось поразительное зрелище: вниз, изгибаясь, вела богато украшенная лестница из переплетенных корней, которая разделялась на две, нисходящие по спирали друг вокруг друга. За ними виднелся необъятный зал, полный света и движения, – великолепная, прекрасная, ужасающая картина.

Это был Двор фейри.

21

Фигуры в масках и причудливых нарядах подняли головы, разглядывая вновь прибывших. Они спускались парами по той лестнице, что справа: Рэйвен и Стич впереди, Гредин и Рыжая – за ними.

Рыжая не знала, куда смотреть: грандиозный сияющий зал, замысловатая лестница, присутствующие, которые расположились так, что зал будто делился надвое почти посередине. Ее тревожили пристальные, непроницаемые взгляды из-за масок, они заставляли чувствовать себя добычей.

Пир был в разгаре. По обе стороны зала тянулись два длинных стола, уставленные изысканными блюдами и напитками: жареными птицами и поросятами, спелыми яркими фруктами, золотисто-коричневыми орехами, искрящимися бокалами кроваво-красного вина. От вида и запаха этого изобилия у Рыжей потекли слюнки.

Столы на вид повторяли друг друга один в один, но сидящие за ними обращали внимание только на свой. За левым столом вели себя необузданно и шумно, ели и пили со смаком. Гости за столом справа, напротив, были спокойны и мрачны. Рыжая сразу догадалась, что первые – Неблагие, готовящиеся к новому сроку своей власти, а вторые – Благие, сожалеющие, что их правление подошло к концу.

Вдали от столов, где свет был расплывчатым и тусклым, танцевали фейри в масках. С куполообразного потолка, уходящего ввысь под вершину холма, свисали извилистые корни: те, что длиннее, книзу превращались в узловатые деревянные колонны, а на тех, что короче, висели гирлянды осенних листьев, которые каскадом ниспадали вниз, украшая весь зал.

С возвышения за танцами и пиршеством наблюдали две фигуры, восседающие бок о бок на резных тронах, – не разговаривая и не глядя друг на друга. Слева – мужчина в темно-коричневых мехах. Лицо скрывала маска – голова оленя с огромными рогами. Трон справа занимала женщина. Ее платье и маска были бриллиантово-голубого цвета, облик дополняли переливающиеся павлиньи перья, вызывающе раскрытые радужным веером.

Спустившись ниже, Рыжая увидела, что у подножия лестницы их поджидают два стража. По подергиванию щеки Стича стало понятно: он нервно сжимает и разжимает челюсти. Возможно, сожалеет, что решил ее сопровождать, но теперь было уже поздно поворачивать назад.

– Излагайте свое дело, – рявкнул один из стражей Гредину, преградив последние ступени.

– Мы помогли беспрепятственно добраться этим двум путникам, – сказал Гредин, указывая сначала на Рэйвен и на себя, а затем, чуть отступив, на Рыжую и Стича. – Они просят аудиенции у Двора.

Страж хмыкнул, маска чуть приглушила звук.

– Тогда они напрасно проделали путь. Никто не является на аудиенцию в Самайн или Белтайн. Это неслыханно.

– Нам не известно ни одного правила, которое бы это запрещало, – сказала Рэйвен уважительно, но настойчиво.

Второй страж наклонился, его глаза сверкнули в прорезях маски из древесной коры.

– Это неуместно. Я призываю вас уйти и вернуться, когда править будет один Двор. Менее чем через час переход свершится.

– Нет, – сказала Рыжая, сжимая руки в кулаки. – Только сейчас. Вы должны позволить нам попытаться.

– Как пожелаете. – Страж отступил в сторону, и, хотя Рыжая не могла видеть его лица, по голосу распознала, что он улыбается. – Вы в ответе за свое решение.

Они двинулись вперед сквозь шелест перешептываний. Теперь все знали об их присутствии, и если на лестнице Рыжая чувствовала себя незащищенной, то сейчас это чувство усилилось во сто крат. Все взгляды были устремлены на них: лица без масок, простая потрепанная одежда – всё выделяло их, указывало как на непрошеных гостей. Быстро обернувшись на лестницу, Рыжая увидела, что проход в холме снова закрылся. Они были всецело во власти Двора.

Путники поравнялись с танцующими фейри, те неохотно расступились и замерли в ожидании, когда гости пройдут. Путь к возвышению был свободен. И вот они уже подошли и встали пугающе близко к рогатому мужчине и женщине в павлиньих перьях. Гредин и Рэйвен преклонили колени перед тронами, и Рыжая со Стичем последовали их примеру.

Шепот вокруг, уже переросший в гул голосов, затих, и даже музыка перестала играть. В зале воцарилась гробовая тишина. Рыжая слышала лишь, как кровь пульсирует у нее в ушах. Осмелившись взглянуть на возвышение, она увидела, что рогатый мужчина поднял руку, призывая к тишине.

– Что вынуждает прервать наше празднество? – спросил он медленно, напевно растягивая слова.

Было не уловить, звучит в его голосе раздражение или удивление.

Гредин встал и, прежде чем заговорить, склонил голову:

– Простите нас, мой господин. Мы привели двух путников, людей, которые хотели бы получить у вас аудиенцию.

Он подозвал Рыжую и Стича выйти вперед, а сам вместе с Рэйвен отошел в сторону.

– Вы просите аудиенцию именно сегодня? Из всех ночей вы выбрали ночь Неблагих?

– Да, – выдавила Рыжая, обретя дар речи. И поспешно добавила: – …мой господин, – хотя это обращение далось ей с трудом.

– Ночь еще не ваша, – холодно сказала женщина-павлин, глядя прямо перед собой, хотя ее слова явно были обращены к рогатому мужчине. – До колдовского часа она принадлежит нам обоим. Не забывай об этом. – Она перевела взгляд на Рыжую и Стича. – Говорите, и быстро. Что привело вас сюда?

Стич набрал в грудь воздуха, чтобы заговорить, но Рыжая его опередила:

– Я пришла просить о своем брате. – Ее голос разнесся по безмолвному залу. – Он был похищен одним из фейри… Я не знаю, почему его забрали, но я хочу, чтобы он вернулся.

Ее глаза метались по залу, перебегая от одного фейри к другому. Она все так же не видела их лиц, но знала, что теперь они обратились в слух. Нечасто родные подменышей знают о том, что произошло, а уж тем более приходят ко Двору фейри и требуют их возвращения.

– Как удалось вам проникнуть в наш мир? – спросил рогатый. – Кто-либо из вас был приглашен?

– Нет, – тихо сказала Рыжая. – Чтобы найти брата, я добровольно заняла место другого – место человека, бывшего здесь в заточении.

– В таком случае, даже если тебе возвратят брата, ты все равно связана законом, предписывающим тому человеку оставаться здесь, – произнесла женщина. – Ты не сможешь просто уйти.

– Понимаю, – ответила Рыжая. – И поэтому я хотела бы заключить с вами сделку. Если вы отдадите мне невредимым моего брата и мою свободу, я выполню все, что вы попросите взамен.

Она взглянула на Стича и увидела, что его верхняя губа покрылась бисеринками пота.

– А ты? – спросил его рогатый. – Как ты здесь оказался?

– Меня… привели сюда против моей воли, – ответил Стич. – Компания гуляк.

– Тогда тебя здесь ничто не держит, – пренебрежительно

произнес рогатый. – Можешь идти.

– Эта девочка держит меня здесь, – сказал Стич. – Неважно, какой будет ее задача, я хочу ей помочь.

– Так-так… – усмехнулся рогатый, злорадно потирая руки. – Что же с вами делать?.. – Он перевел взгляд с Рыжей на Стича, а затем обратно. – С чего ты взяла, что у тебя есть то, что могло бы меня заинтересовать? Ради чего мне захочется пойти на сделку?

– Я… – тихо начала она, но осеклась, когда женщина-павлин медленно повернулась лицом к рогатому мужчине – впервые за время аудиенции.

– Их судьба не в твоих руках! – зло отрезала она. – Смена Дворов не завершена. Остался еще час правления Благих!

Рогатый вскочил на ноги и прорычал, глядя сверху вниз на главу Благих:

– Это наша ночь, как ты прекрасно знаешь! Праздник в разгаре, и не следует нарушать его ход какими-либо решениями. Впрочем, – он усмехнулся, – почему бы им не подождать, когда наступит полночь? Тогда они получат аудиенцию… только у Неблагого Двора!

Его слова вызвали гром рукоплесканий за столом Неблагих. В знак одобрения в воздух взлетали кулаки с зажатыми кусками жареного мяса, опрокидывались и разливались кубки и бокалы вина. Однако со стороны Благих раздавались гневные протесты.

У Рыжей дрожали колени. Именно этого она боялась: договоренность с Неблагим Двором заключать нельзя. Сделка будет обречена на провал.

Правительница Благих тоже встала и скрестила взгляд с рогатым мужчиной.

– Я этого не допущу. Власть все еще в моих руках, и просьба прозвучала в присутствии нас обоих.

Рыжая ждала, что глава Неблагих возразит, но этого не произошло. Злобно дыша, рогатый с ненавистью глядел на правительницу Благих. И затем указал на полог из листьев, который находился позади тронов.

– Давайте обсудим это в особом зале, – холодно произнес он.

Женщина-павлин кивнула в знак согласия, и полог поднялся. В открывшемся перед ними пространстве Рыжая увидела небольшой стол, а за ним подобие стеклянной витрины с блестящим серебром. Вздрогнув, она узнала Тринадцать Сокровищ, и тут полог опустился – как в театре по окончании спектакля.

По залу снова прокатился шепот. С расширенными от страха глазами Рыжая повернулась к Гредину и Рэйвен:

– Что происходит? Почему они туда ушли?

– Принимают решение, – сказала Рэйвен. – Которое устроит их обоих.

Каков бы ни был вердикт, к нему пришли быстро. Рэйвен еще не договорила, как полог поднялся, и два правителя фейри вернулись в большой зал. Они не заняли свои троны, а жестом указали на собравшихся.

– Приведите старейшин! – взревел рогатый.

Рыжая повернулась к Рэйвен и Гредину:

– Старейшин?

Гредин наклонился к ее уху и прошептал:

– У Дворов есть старейшины. Ими становятся фейри, которые много лет служили при Дворе и могут дать мудрый совет в чрезвычайных ситуациях.

Холодок дурного предчувствия снова пробежал у нее по спине.

Из-за одного стола поднялась маленькая сморщенная фигурка и заковыляла к возвышению. Другого старейшину в кресле на колесиках катила молодая фейри. Кресло приблизилось, и Рыжая увидела, что в нем сидит некто очень древний. Слабые, скрюченные, болезненно тонкие руки и ноги, два искривленных, давно бесполезных крыла, безвольно свисающих по бокам кресла. Из-под его коричневой маски – совиной головы с перьями – топорщились в разные стороны хилые клочки пушистых белых волос. Маска закрывала только верхнюю половину лица, оставляя на обозрение обвисшие белые усы с застрявшими в них кусочками пищи.

Другой вызванной была фейри-женщина, пожалуй, в несколько лучшей форме, но немногим благовидней первого старейшины. У нее остался только один зуб – длинный, торчащий из морщинистого рта – и только один уцелевший глаз: второго она лишилась явно в незапамятные времена. Зрячий глаз смотрел из прорези похожей на шлем маски, украшенной раковинами улиток.

На вид оба, казалось, стоят уже на пороге смерти, но, когда им помогали подняться на возвышение, старейшины обменялись такими ядовитыми взглядами, что стало понятно: взаимная ненависть очень даже жива. Одного вкатили, другая доковыляла в малый зал, и полог за ними со свистом закрылся.

Пирующие пришли в возбуждение, и сердце Рыжей наполнилось страхом. Она не могла даже поднять глаза на Стича: боялась увидеть его лицо. Да, он сам настоял на том, чтобы помочь, но соглашаться не следовало. Время тянулось невыносимо медленно. Было слышно, как голоса за пологом

набирают обороты, а затем успокаиваются, но ни одного слова разобрать не удавалось, потому что за пиршественными столами вели себя все громче и громче.

Наконец совещавшиеся вышли из-за полога. Рогатый мужчина и женщина-павлин снова воссели на троны, а дряхлые старейшины вернулись на прежние места.

– Старейшины сказали свое слово, – объявила глава Благих. – И мы совершили выбор. – Она сделала паузу, с отвращением оглядела Неблагую сторону зала и продолжила: – За всю историю Дворов такая ситуация возникала лишь единожды. В Белтайн, почти триста лет назад. Тогда была установлена процедура: оба Двора вынесли решение совместно… как один Великий Двор.

По залу прокатился общий вздох. Рыжая напряглась.

– Итак, мы обратим взоры к тому, как поступили наши предки. Сегодня мы выслушали просьбу как единый Двор и так же вынесем решение. Принесите камни!

Спешно приблизившаяся женщина-гоблин со связкой ключей на поясе преклонила колени перед властителями. Только сейчас Рыжая заметила, что между тронами расположен ларец с висячим замком. Открыв его, гоблинша вынула оттуда затянутый шнуром бархатный мешочек с вышитыми серебряной нитью маленькими символами: семь на одной стороне и шесть на другой. Рыжая не могла разглядеть, что именно изображено, но вспомнила две стороны монеты, которую Гредин показал ей в «Блюде бедняка».

Гоблинша захлопнула ларец и встряхнула мешочек. В нем что-то тихо брякнуло.

– Вы будете тянуть отсюда камни, – сказал рогатый. – Какие вытянете, такое выпадет задание. Если согласитесь и выполните его, получите то, о чем просили. Но сначала каждый из вас должен бросить игральные кости. Это укажет, сколько камней вам предстоит тянуть, и, следовательно, определит дальнейшее задание.

Он улыбнулся, хищно сверкнув белыми зубами.

Двор охватило радостное предвкушение. Рыжая почувствовала подкатывающую тошноту. Для них все было лишь игрой, поняла она. Всего лишь развлечением. Она не питала иллюзий, что правительница Благих настояла на своем из сострадания. Только стремление показать свою власть, и ничего больше.

Правители одновременно достали из своих мантий два маленьких предмета. Гоблинша взяла оба и, торопливо подскочив к Рыжей и Стичу, протянула им в своих потных ладонях по кубику – игральные кости.

Поморщившись, Рыжая дрожащей рукой взяла кубик.

– Теперь бросай, – распорядилась гоблинша и замерла, как кошка, готовая кинуться на птицу.

– Давай вместе, – сказал Стич. – На счет «три». Раз, два… три!

Кости с грохотом покатились по каменному полу и остановились недалеко от тронов.

– Назови, что выпало, – приказала женщина-павлин.

Гоблинша спешно повиновалась.

– Один, – с жаром выкрикнула она, – и… снова один!

Стич с облегчением взглянул на Рыжую. Им крепко повезло. Ведь чем больше камней пришлось бы вытаскивать, тем сложней обещало быть их задание.

– *Два?* – повторил рогатый в негодовании.

– Да, мой господин, – поклонилась гоблинша и подобрала игральные кости.

– Теперь предстоит самое интересное, – сказал правитель Неблагих. – Тяните камни!

Гоблинша хихикнула, потрясая бархатным мешочком, будто там было что-то живое, которое она намеревалась задушить.

– Кто хочет первым? – ухмыльнулась она, протягивая им приоткрытый мешочек.

– Я начну. – Рыжая запустила руку в мешочек. Ее пальцы коснулись прохладных гладких камней. Сжав один в кулаке, она вытащила его.

Следующим, так же быстро, сделал свой выбор Стич.

Они передали камни гоблинше и смотрели, как та подскочила к тронам. Рогатый выхватил у нее камни и высоко, чтобы видел весь Двор, воздел руку:

– Первый камень – Поиск!

– Это хорошо или плохо? – неслышно, одними губами, спросил Стич Гредина и Рэйвен, которые отходили на время выбора, а теперь опять приблизились.

– Зависит от второго камня, – тихо ответил Гредин.

Правительница Благих так же высоко подняла второй камень:

– Девочка выбрала Сердце!

Прозвучавшее слово эхом отозвалось в голове Рыжей. Что бы ни означали символы, их со Стичем жребий определен.

– Камни выбраны, – объявил рогатый мужчина. – Вы будете искать нечто дорогое для вас, *нечто близкое вашему сердцу*.

Он бросил камни обратно в бархатный мешочек, и гоблинша подскочила, чтобы вернуть его в ларец. Рогатый жестом подозвал ближнего стража:

– Обыщите их!

– Что? – Рыжая отчаянно стиснула свои вещи.

Стич не шевельнулся, но Рыжая видела, что он встревожен

не меньше ее.

– Просто делай, что скажут, – пробормотал он, когда к ним направился страж, держащий в руке угрожающего вида копье.

Рядом с ними страж остановился, и древко копья гулко стукнулось о каменный пол.

– Выньте все из карманов и сумок, – приказал он. – Двор ознакомится с вашими вещами.

Не отводя глаз от оружия в руке стража, растерянная Рыжая подчинилась. Она опустилась на колени, расстегнула рюкзак, вытащила свою любимую книгу, аккуратно положила ее на пол, а затем перевернула рюкзак, и оттуда градом посыпалось все: фляжка, карта, зубная щетка и ворох остального добра. Нехотя достала из кармана волшебные ножницы и нож из-за пояса, добавила к общей куче и отступила в сторону.

– Это все, что у меня есть, – сказала она.

У Стича в сумке нашлось меньше вещей. Все они, да и сама сумка, были из дома Заокраинной Ведьмы. Из карманов он сначала вытащил спички, моток бечевки, связку ключей и огрызок карандаша. Наконец полез в последний, нагрудный, карман и вздрогнул, будто сунул руку в осиное гнездо. Тут-то Рыжая и вспомнила про браслет. Пока Стич доставал его, двенадцать подвесок сухо брякали друг о друга, и звук походил на треск гремучей змеи. Стич опустил браслет на пол, а рядом положил так и не прикрепленную тринадцатую подвеску – Котел. Затем, такой же встревоженный, как и Рыжая, отступил назад.

Все их вещи были собраны и уложены на пухлую подушку, которую гоблинша поднесла к тронам. Пальцы рогатого фейри скользили от одного предмета к другому.

«Только не книга, – подумала Рыжая. – Только не моя книга».

И едва не взорвалась от ярости: пальцы рогатого задержались на книге дольше, чем на всем остальном, он небрежно раскрыл обложку и усмехнулся.

– Волшебные сказки. Никогда не понимал подобного в людях. Зачем в названии «волшебные», если здесь так мало, а то и вовсе ничего, про нас, волшебный народ?

Он захлопнул книгу и раздраженно вздохнул, не удостоив выбора ни один из предметов. Женщина-павлин протянула руку к подушке, взяла браслет и поднесла к свету. Критически изучила каждую подвеску и обменялась долгим взглядом с рогатым мужчиной.

– Где тринадцатая?

Услышав ее тихий вопрос, Рыжая поняла: у них нет сомнений, что олицетворяет браслет. Рогатый взял с подушки отдельно лежащую подвеску – Котел. Рыжая взглянула на Гредина

и Рэйвен, те выглядели встревоженными.

– Полагаю, мы выбрали, не так ли? – пробормотал рогатый.

Женщина-павлин одобрительно и вполне благожелательно кивнула.

– Предмет выбран, – объявила она, поднимая браслет. – Тот, что подходит больше, чем кто-либо из нас мог предположить! Людское украшение, созданное по образу и подобию Тринадцати Сокровищ Великого Двора!

– Подождите! – попытался объяснить Стич. – Произошла ошибка. Браслет не принадлежит ни одному из нас. Я взял его, только чтобы прикрепить оторванную подвеску – починить для другого человека!

Рыжая уже знала, что все напрасно. Слишком заметна была радость фейри. Связь браслета с Авалоном невероятно взбудоражила их.

Женщина-павлин продолжала:

– Правила Поиска таковы: предмет будет отправлен в свой мир. Ваше задание состоит в том, чтобы возвратить его сюда.

– Откуда именно возвратить? – вспыхнул Стич.

– Это часть задания, – вмешался рогатый. – Решит сам предмет. И поскольку природа его настолько *своеобразна*… – он поднял оторванную подвеску, вызвав море смешков, – задание будет состоять из нескольких частей. – Он взял браслет и легко снял другую подвеску. – Точнее, из тринадцати!

– Нет… – прошептал Стич, и тут зал взорвался овацией, заглушившей его слова. Рыжая не могла заставить себя взглянуть на своего спутника.

Рогатый снимал подвески – одну за другой – со все возрастающим удовольствием. Сняв последнюю, он кинул браслет к их ногам. А затем подбросил пригоршню подвесок высоко в воздух. Рыжая ожидала, что они упадут на пол и звякнут, но вместо этого, коснувшись пола, подвески исчезли.

– Девочка, ты! – обратился рогатый к Рыжей. – Когда будешь готова вернуться, просто надень браслет – и сразу окажешься здесь. Если найдешь все тринадцать подвесок, мы выполним свою часть сделки. Если не справишься – вы станете нашими пленниками. И ты никогда больше не увидишь своего брата.

– А что со мной? – спросил Стич.

Губы правительницы Благих изогнулись под маской павлина:

– Ты должен оставаться здесь.

– Что? Почему? – Стич запнулся.

– Давайте назовем это страховкой, – сказал рогатый. – Нам нужна уверенность, что девочка вернется.

– Почему вдруг я могу не вернуться? – спросила Рыжая. –

Думаете, я оставлю здесь брата?

Мужчина-фейри пожал плечами:

– Просто на случай, если ты… передумаешь.

– Не передумаю, – твердо заявила Рыжая. – Я вернусь за ним – и за вами, Стич.

Рогатый рассмеялся:

– Да будет так. Задача поставлена. Если ты не соглашаешься, ты проиграла. Если попытаешься прибегнуть к помощи кого-либо из фейри – тоже проигрыш. Ты принимаешь условия?

Рыжая наклонилась и подняла браслет:

– Принимаю!

Правитель Неблагих улыбнулся:

– А теперь оставьте нас. – Он повернулся к своей стороне Двора и поднял кубок. – Время Неблагих почти настало! Давайте пировать!

Все произошло так быстро, что Рыжая со Стичем едва смогли собрать свои вещи. Запихнув все в рюкзак, Рыжая не успела толком закрыть его, как страж вцепился ей в руку и грубо потащил вверх по лестнице. Она вывернулась из его хватки и увидела, как два других стража уводят Стича. По лицу было ясно: он не верит в хороший исход.

– Я вернусь за вами! – закричала Рыжая. – Вернусь! Я найду их все!

Холодный воздух ворвался внутрь – травяной покров над холмом раздвинулся, открывая проход. От сильного толчка в спину Рыжая растянулась на влажной земле. Когда она поднялась на ноги, от прохода не осталось и следа. Ни малейшего знака не указывало на то, что скрывается под холмом.

Она немного постояла. Ее дыхание затуманивало воздух, а сам он теперь как-то изменился: стал нечистым, отдавал металлом. Наверху вырисовывалось древнее здание: развалины церкви, которой не было, когда они поднимались на Тор. Рыжая подошла к краю холма, где уже ждали Рэйвен и Гредин. Вместе они молча смотрели вниз на ярко освещенный город. Вдалеке по улицам двигались огоньки фар – проезжали крошечные автомобили, подтверждая, что они больше не в царстве фейри.

Они вышли по другую сторону – в мир людей.

22

Трехэтажный дом на Чалис-роуд некоторое время был заброшен. Стоял он в той части Лондона, где жители глядят сквозь пальцы на происходящее по соседству.

Роуэн была не первой, кто проник внутрь через заколоченное окно. Ночлег здесь находили и другие, по большей части подростки, но иногда появлялись и бездомные постарше. Ни одна из двенадцати комнат не была чьей-то; обычно бродяжки примерно одного возраста размещались на ночевку в той очереди, как приходили. Взрослые же или более наглые на это чихать хотели. Не обходилось без столкновений, и те, что были помладше или новичками в уличной жизни, вскоре обучались вовремя уносить ноги или отвоевывать свой угол.

В лучшей комнате (и только там) была мебель: старый раскладной диван с торчащими пружинами и шкаф с треснувшим зеркалом на дверце. Как правило, утром Роуэн не слишком задерживалась в доме. Сегодня она осталась, пока через недостающую доску в окне не проник свет, при котором все уже было видно, – электричество здесь отключили давным-давно. Стоя перед зеркалом, она завязала волосы сзади и через плечо взглянула на свою спину.

Десять недель прошло с той ночи, когда пропал Джеймс. Роуэн так никому не рассказала об ожоге до своего побега, а сбежала она в тот же день, как сняли гипс. Сначала не говорила просто потому, что не могла придумать, как объяснить появление клейма. Потом поняла, что есть другая веская причина молчать: по этой примете ее можно было легко опознать. А поскольку Роуэн задумала исчезнуть, меньше всего она хотела быть узнанной.

Первые две недели покрытая волдырями кожа щипала и ныла. Теперь ожог зажил, превратившись в красный оттиск кольца Снетчера. Роуэн провела по клейму пальцами и поправила одежду, чтобы его прикрыть. Она мыслила здраво: клеймо никогда полностью не исчезнет. Отметина на всю жизнь.

Собрав рюкзак, она протиснулась в окно и покинула дом, даже не оглянувшись. Роуэн не собиралась возвращаться. Пристанища хороши лишь ненадолго, пока не пошли разговоры и тебя видели не очень много людей. Пора двигаться дальше.

Позавтракала она, как и все последнее время: по пути в библиотеку стянула фрукты у торговки на рынке и запила водой из питьевого фонтанчика. Поначалу она изрядно похудела, но теперь наловчилась воровать, и худоба стала потихоньку уходить.

В библиотеке Роуэн направилась в секцию фольклора и взяла с полки несколько книг. Устроившись в углу, открыла сделанные накануне закладки и продолжила читать с того места, на котором остановилась. За последние два месяца Роуэн почти до отказа набила голову огромным объемом сведений: о Дворах фейри, о подменышах и о способах защиты. «Никогда не называйте им своего имени… – прочитала она. – …если можете этого избежать, потому что они наверняка никогда не назовут вам своего. Имена обладают огромной силой».

У всего, что она узнавала и запоминала, был горький привкус: этого слишком мало, и все слишком поздно… Правда заключалась в том, что она понятия не имела ни как вернуть брата, ни даже с чего начать поиски.

Примерно через час у нее возникло ощущение, что за ней наблюдают. Подняв глаза, она увидела сидевшего напротив неряшливого мальчишку примерно ее возраста. Он читал местную газету, подергивая коленкой вверх-вниз, коленка задевала газету – и та шуршала. Время от времени он поглядывал на Роуэн, затем возвращался к чтению.

В третий раз, когда их глаза встретились, Роуэн не отвела взгляд. Было ясно, что мальчишка, как и она, бездомный – это было по нему прекрасно видно. Грязные обломанные ногти, сальные волосы. Под стул засунут огромный рюкзак и свернутый спальный мешок.

Мальчишка дружелюбно кивнул, потом, к неудовольствию Роуэн, подошел к ее столу и пододвинул стул.

– Что читаешь? – Он кивнул на стопку книг перед ней.

Выговор у него был северный. Один из передних зубов сколот.

– Не твое дело, – отрезала Роуэн, складывая книги и собираясь уходить. – Я на тебя только посмотрела, а вовсе не звала побеседовать.

Мальчишка откинулся назад на стуле и вскинул руки вверх, нечесаные космы закрыли лоб и брови.

– Успокойся. Я ничего вообще в виду не имел, просто, думаю, подойду поздороваюсь. Не нужно уходить. Я, типа, пытаюсь быть приветливым. Потому что, как бы, про нас с тобой в газете пишут…

Свирепо глядя на него, Роуэн снова уселась:

– В смысле?

Мальчишка положил на стол газету и открыл последний раздел. С полосы смотрело около двадцати черно-белых лиц, заголовок гласил: «ПРОПАЛИ БЕЗ ВЕСТИ – ПОМОГИТЕ НАЙТИ!»

– Вот я. – Мальчишка ткнул куда-то в середину страницы.

Всмотревшись, Роуэн узнала на снимке характерный сколотый

зуб. Прежде чем она прочитала имя, мальчишка хитро улыбнулся, прикрыл его и ткнул в нижнюю часть страницы:

– А вот и ты, если не ошибаюсь.

Роуэн уставилась на свою фотографию и непроизвольно опустила голову. Кровь прилила к ее щекам. Мальчишка снова улыбнулся и закрыл газету.

– Значит, ты еще совсем новичок, – тихо сказал он. – Недавно бродяжничаешь. Пишут, ты пропала в марте, а сейчас… май.

Роуэн пожала плечами.

– Начинаю привыкать, – пробормотала она. – А ты?

– Шесть месяцев. – Мальчишка поскреб свои грязные светлые волосы, затем помахал рукой из стороны в сторону. – Хорошо в таких местах, в библиотеках, если получается попасть. Тепло, спокойно, обычно даже удается посидеть несколько часов, если не заснешь или не будешь слишком вонять. – Он усмехнулся. – Хотя это сложновато.

Роуэн промолчала.

– Ну так, – спросил он, вытягивая шею, чтобы еще раз взглянуть на ее книги. – Фейри, да?

Она хмуро посмотрела на него:

– И что с того?

– Ну вот, ты опять, типа, защищаешься, – сказал он. – Мне просто любопытно.

– Напрасно. К тебе это все равно отношения не имеет.

Мальчишка опять откинулся на стуле назад. И взгляд его был понимающим.

– Возможно, имеет.

С нее было достаточно.

– Просто уже говори, что хотел, и уходи. Я занята.

– Хорошо, – сказал мальчишка. – Я тоже их вижу.

Роуэн смотрела на него в упор:

– Это что, какая-то шутка?

– А похоже, что я шучу?

– Откуда мне знать? Я знаю тебя всего две минуты.

– Тут не поспоришь. – Мальчишка наклонился и поднял свой рюкзак. – Пошли со мной. Хочу тебе кое-что показать.

– Даже не думай. Я никуда с тобой не пойду.

Порывшись в кармане, он выудил пригоршню мелочи. Пересчитал.

– Ну пойдем, что в этом плохого? Там есть чай.

– В прошлый раз мне сделали подобное предложение и украли все мои деньги, – ответила Роуэн. – Так что нет, спасибо.

– Как пожелаешь, – нахохлился мальчишка. – Я хотел с тобой просто поговорить, а не пугать и не грабить. – Отсчитал

несколько монет и положил на стол. – Прими в знак моих добрых намерений. – Он ткнул пальцем в окно, поверх парковой скамейки, на угол улицы. – Если передумаешь, я буду вон в том кафе примерно полчаса. Ну, это я так надеюсь, что полчаса, а там – сколько получится просидеть с чаем, пока меня не выставят.

Он снова ухмыльнулся, показав сколотый зуб, сунул газету в карман куртки и встал.

– Кстати, зови меня Воробей.

– Воробей? – повторила Роуэн.

– Воробей и есть. Обычней некуда. Таких всюду полно.

Она наблюдала, как Воробей неторопливо выходит из библиотеки, затем встала и подошла к окну. Верный своему слову, он сразу нырнул в кафе и остановился у стойки.

Роуэн вернулась к столу и минут пять смотрела на оставленные деньги. В конце концов любопытство взяло верх. Сунув монеты в карман, она подхватила рюкзак и тронулась к выходу, по дороге возвращая книги на место.

В кафе Роуэн взяла чай, села к Воробью и подвинула к нему скудную сдачу.

Он оторвался от кружки с чаем:

– Оставь себе.

Ей не нужно было повторять дважды.

– Так как мне тебя называть? – спросил он.

Роуэн завела глаза и тихо ответила:

– Ты сам уже знаешь, раз видел фотографию в газете.

– Неважно. – Воробей вытер рот рукавом. – Никогда не ясно, кто может подслушивать. – Он огляделся. – Лучше соблюдать осторожность, если ты понимаешь, о чем я.

Роуэн пожала плечами, обхватив руками теплую чашку:

– Не знаю. Называй как хочешь, только не настоящим именем.

Воробей изучающе смотрел на нее:

– Самое яркое – твои волосы. Поэтому… Рыжая. Без претензии и по существу. Думаю, тебе подойдет.

Он снова ухмыльнулся, и сейчас Роуэн заметила, что при улыбке на щеке у него появляется ямочка.

– Так о чем ты хотел со мной поговорить?

– О фейри, – просто сказал Воробей. – Я не сразу решился. Ну, про то, что их вижу. Я не говорю об этом с кем попало.

– Тогда почему со мной? – Сердце Роуэн бешено колотилось.

– Во-первых, книги. И потом, я тебя видел здесь уже пару раз. – Воробей понизил голос. – Видел, как ты наблюдала за ними.

Роуэн изучала его лицо, пытаясь понять, не розыгрыш ли это, но он был абсолютно серьезен.

– Докажи, – хрипло сказала она.

– Для этого я и позвал тебя сюда. – Воробей поставил свой рюкзак на стол и подвинул к ней. – Посмотри в том боковом кармане. Только, типа, тихонько.

Роуэн с опаской расстегнула молнию бокового кармана и приподняла клапан. Оттуда пахнуло чем-то отвратительным. Краем глаза она заметила что-то маленькое, раздавленное и окровавленное, два сломанных крыла, опутанные волосами. Вскрикнув, она оттолкнула рюкзак, чай Воробья опрокинулся.

Вспышка раздражения промелькнула у него на лице, но ей было не сравниться с гневом на лице Роуэн. Она вскочила, схватила свой рюкзак и выбежала из кафе под любопытными взглядами посетителей. Перейдя дорогу, она быстро шла через парк, когда позади послышались шаги.

– Зачем ты это сделала? – строго спросил Воробей. – Я же сказал, чтобы тихонько! Только чай у нас даром пропал, вот и все. К тому же, если я туда в следующий раз сунусь, меня наверняка вытурят!

– Тихонько?! – Роуэн резко повернулась к нему, ее глаза сверкали. – Таскаешь мертвую фейри в рюкзаке, псих!

– Я просто пытался доказать тебе, что…

– Что? – прошипела Роуэн. – Что ты ненормальный?

– Что я могу их видеть! – закончил он. – Слушай… Ну, извини. Наверное, это был не лучший способ до тебя достучаться, но ведь они тут не сплошь и рядом летают, да? – Он обвел рукой серые здания вокруг. – Знаешь, здесь их сложноватенько найти. В общем-то, выбирать было особо не из чего.

Роуэн немного успокоилась.

– Ты… убил ее? – с подозрением спросила она.

– Конечно, нет! За кого ты меня принимаешь? Нет, даже не думай! Она в канаве лежала, недалеко от того места, где я останавливался последние пару ночей. Наверное, машина сбила. – Он открыл карман рюкзака. – Видишь? Пусто! Нету у меня такой привычки. Взял, только чтобы тебе показать.

– Ладно. – Гнев Роуэн утих. – Я верю тебе. Так чего ты хочешь?

Она пошла дальше по тропинке парка.

Вытерев нос рукавом, Воробей последовал за ней.

– Я смотрел, как ты читала те книги в библиотеке, – начал он несколько извиняющимся тоном. – Уже несколько дней. Видел, как отмечала страницы, и, когда вчера ты ушла, сунул нос. Подменыши, да?

У Роуэн напряглись плечи, и она почувствовала, как вспыхнул ожог на спине. Кожа все еще не зажила.

Воробей спешно продолжил:

– Я не лезу не в свое дело…

– Как раз лезешь…

– Ладно, согласен, но… – Он замолчал и провел рукой по волосам. – Почему ты об этом читаешь? Что-то… случилось?

Роуэн остановилась, чтобы посмотреть ему в лицо и понять, что он может знать.

– Да.

Воробей кивнул:

– Я так и думал. Забрали кого-то, да? Ребенка?

– Откуда ты знаешь? С тобой тоже такое было?

– Нет, не со мной. Но я встречал тех, кто знал о детях, которых подменили.

– Встречал таких людей?

Воробей снова кивнул, отчего его вихры подпрыгнули.

– Вообще-то, в этом самом парке встретил такого. Мы разговорились, когда поняли, что оба наблюдаем за одной и той же фейри в купальне для птиц. Сначала я подумал, что у него второе зрение, но оказалось, что он, типа, переодетый фейри. Пару лет назад они забрали его племянницу.

Теперь Воробей полностью завладел вниманием Роуэн.

– Когда ее похитили, он отказался бросить поиски. И в конце концов ее вернул.

– Как? – настойчиво спросила Роуэн. – Как ему удалось ее вернуть?

– Говорит, что обменял на ту, что выдавала себя за нее. У него есть контакты – фейри, которые подмен вовсе не хотели. Ведь половину подмен совершают назло или из озорства. Эти фейри, так же как и мы, страшно хотят вернуть отнятое.

У Роуэн закружилась голова.

– То есть можно вернуть ребенка, отдав того подменыша, который появился вместо него?

– Ну, не всегда, – признал Воробей. – Не все хотят возвращать человеческого ребенка… например, если его подменили больным фейри. Но в большинстве случаев сделку можно устроить.

– А что, если менять не на кого? – перебила пораженная Роуэн. – Что, если ребенка забрали, а замены не оставили? Как тогда все происходит?

Воробей присвистнул сквозь зубы:

– Мудрено. Даже и не слышал, чтобы так дела обстряпывались. Думаю, придется найти какого-нибудь другого фейри-подменыша и каким-то образом выкрасть. Но это опасно: не можешь же ты просто так ходить и красть младенцев, да? А сможешь, так неприятностей не оберешься. И даже если все выгорит, вернут ведь не того ребенка, которого ты ищешь, а того, которого этим фейри подменили. Улавливаешь?

– Но, значит, это не невозможно? – гнула свою линию Роуэн. – И пусть даже вернут другого ребенка, тоже похищенного, получается, игра стоит свеч, правда? Все равно еще один малыш будет возвращен в свою семью.

Воробей пожал плечами:

– Думаю, да.

Только сейчас Роуэн заметила, что стоит к нему лицом, зажав в кулаках рукава его грязной куртки.

– Этот мужчина-фейри. Кто он такой?

Воробей посмотрел на ее руки, сжимавшие его куртку:

– Он путешествует. С цирком. Работает там.

– Отведи меня к нему. Прямо сейчас.

– Успокойся. – Воробей мягко высвободился из ее хватки. – Я не могу вот так взять и отвести тебя к нему. Это не так просто.

– Почему?

Он указал на ближнюю скамейку:

– Давай присядем на минутку.

– Почему не можешь? – напирала Роуэн.

Она так и осталась на ногах, хотя Воробей уже сел.

– Потому что не знаю, где он.

Роуэн выругалась и пнула пустую банку. Банка с грохотом покатилась по дорожке.

– Тогда зачем рассказывал мне о нем? – сердито проговорила она. – Ты же знал, что я захочу с ним встретиться!

– Конечно. – Воробья несколько озадачила ее вспышка. – И если ты все-таки успокоишься и дашь договорить, я объясню.

Тяжело дыша, Роуэн села на скамейку.

– Я не знаю, где он сейчас, – продолжил Воробей. – Но знаю, где будет через пару недель. – И кивнул на фонарный столб в нескольких метрах от них: на нем была налеплена цветная афиша.

– То есть…

– Он приедет сюда, – закончил Воробей. – Представления начнутся только в июне, но они всегда приезжают за две недели, чтобы устроиться и все приготовить. Как только будут здесь, я отведу тебя к нему, если ты, конечно, еще тут останешься.

– Останусь, – сказала Роуэн.

– В таком случае жди. Я приду в библиотеку и найду тебя. А пока… пока постарайся не влипнуть ни в какие неприятности.

Роуэн больше не попадался Воробей, хотя она высматривала его повсюду, где бы ни оказывалась. Каждый день она посещала библиотеку и продолжала усиленно штудировать книги, хотя отвлекалась всякий раз, когда кто-нибудь отворял входную дверь.

Слова Воробья о неприятностях не давали ей покоя. Может, с ним что-то случилось? Никто его не знает, никто о нем не побеспокоится.

Через тринадцать дней Воробей появился. Еще более неряшливый, чем в первую встречу, и запыхавшийся, он подскочил к столу, за которым сидела Роуэн, и сообщил:

– Они приехали.

Роуэн мгновенно закрыла книги, поднялась, и оба быстро вышли на улицу. Стоял полдень, ярко светило солнце.

На подходе к парку Роуэн увидела огромную площадку, заставленную допотопными фургонами. Такие же продолжали подъезжать.

– Запряжены лошадьми, – удивилась Роуэн, глядя на оживленное движение у парка.

Воробей кивнул:

– Традиции. Это один из старейших цирков. Говорят, лучший – их представления ни с чем не сравнить.

– Так как же зовут того человека? – спросила Рыжая, когда они приблизились к фургонам.

– Он называет себя Тино. – Воробей обошел привязанных к деревьям лошадей каштановой масти.

Роуэн вдруг стало не по себе: снующие между фургонами люди то и дело косились на них с Воробьем. Они были чужаками, явившимися невесть зачем.

Пару неприветливых взглядов отразила дружелюбная ухмылка Воробья, и все же вскоре дорогу им преградил высокий худой мужчина.

– Могу я вам чем-нибудь помочь? – холодно поинтересовался он.

– Мы ищем Тино, – объяснил Воробей.

– Тино занят, – последовал твердый ответ.

– Скажите ему, что это Воробей.

Худой мгновение оценивающе смотрел на них.

– Подождите здесь. – Повернулся и с угрюмым лицом зашагал прочь.

Возвратившись, кивком велел следовать за ним и повел их по лабиринту цыганских повозок, одна другой красивее. Наконец они остановились возле большого темно-синего фургона. Мужчина постучал и сразу ушел, не сказав ни слова. Где-то позади захлопнулась дверь, а дверь, перед которой они стояли, открылась.

На них смотрел, приподняв одну бровь, смуглый мужчина. Волосы русые, почти как у Воробья, только длиннее и ниспадают на плечи. Один глаз карий, другой – зеленый. При виде замызганного наряда Воробья лицо его смягчилось. Он перевел взгляд на Роуэн

и спросил, лениво растягивая слова:

– А это кто?

Когда он повернул голову, Роуэн показалось, что в волосах мелькнул кончик заостренного уха.

Воробей подтолкнул ее вперед:

– Она хочет поговорить с тобой насчет торговли.

Прищурившись, Тино посторонился:

– Вам лучше зайти.

Внутри фургон выглядел совсем не так пышно, как снаружи, впрочем, довольно скудную обстановку украшали вешалки с разноцветными сверкающими костюмами. Некоторые болтались даже в дверных проемах и на карнизах для штор, а на портновском манекене красовалось наполовину законченное одеяние, мерцающее серебром. На полу кухни растянулась похожая на волка лохматая собака. Видимо, Тино жил один.

Из кастрюли на плите Тино налил три стакана дымящегося отвара, два поставил перед ними и указал на стулья у стены:

– Садитесь.

Все сели. Роуэн понюхала стакан, однако пробовать не стала. Пахло свежей мятой, хотелось отхлебнуть, но она удержалась. Во всех прочитанных ею книгах советовали никогда не пить и не есть ничего из предложенного фейри.

– Кого они забрали? – спросил Тино, делая глоток.

– Моего брата.

Тино медленно кивнул:

– Значит, ты хочешь его вернуть.

– Больше всего на свете, – горячо ответила Роуэн. – Только не знаю, с чего начать… Воробей говорит, что можно устраивать сделки – отдавать подменышей, которых оставили вместо детей. Но когда моего брата похитили, никого взамен не оставили.

Тино сложил пальцы в замок и долго молчал.

– Это все же можно организовать, – сказал он в конце концов. – Обмен есть обмен. Иногда бывает прямой, иногда – нет. По возможности мы пытаемся, чтобы украденный ребенок и фейри-подменыш относились к одной паре, но не всегда складывается именно так. Случается, мы возвращаем фейри-подменышей, и проходят недели, даже месяцы, прежде чем найдут подмененное человеческое дитя.

Он налил себе еще питья, однако предлагать Воробью и Роуэн не стал: ни один из них даже не пригубил из стакана.

– Если ты хочешь, чтобы мы искали твоего брата, тогда нужно уточнить некоторые детали. Хотя обещать ничего не могу. – Неожиданно он вскинул голову, изучая гостью. – Признаться, я не могу сообщить больше… разве только…

Его глаза встретились с глазами Воробья. Тот все это время сидел молча. Роуэн тоже посмотрела на него и затем спросила:

– Разве только… что?

Тино провел указательным пальцем по краю своего стакана.

– Зависит от того, насколько ты хочешь во всем этом участвовать.

По телу Роуэн пробежала дрожь от одновременно нахлынувших страха и надежды. Она чувствовала, что в жизни настал поворотный момент. Еще шаг – и изменится все. Казалось, она у края пропасти…

– Думаю… я уже участвую. Я сделаю все, что потребуется, чтобы вернуть брата.

– «Думать» недостаточно, – сказал Тино тихо и настойчиво. – Ты должна быть уверена. Иначе не будешь нам полезна.

– Я уверена. – Роуэн сжала челюсти, изо всех сил стараясь сохранять самообладание. – Я с вами. Что я должна делать? Мне нечего терять!

Губы Тино растянулись в улыбке. Он крепко, по-деловому пожал руку Роуэн.

– Всему свое время. Итак, обо всем по порядку. Я не знаю твоего имени.

Когда Роуэн ответила, ее голос звучал по-другому. Жестче. Будто что-то в ней безвозвратно изменилось.

– Называй меня Рыжая.

23

На следующий день после Хэллоуина было пасмурно, моросил дождь. В кухне поместья Элвесден сидели Флоренс, Таня и Фабиан. Амос, как всегда, находился у себя. Экономка закрылась в своей комнате и отказывалась с кем-либо разговаривать.

Фабиан взял со стола нож для масла и проткнул размякшую тыкву, из которой они с Таней так ничего и не вырезали.

– Я не могу поверить, – резко сказал он. – Не могу поверить, что Уорик решил пойти с этой… поборницей справедливости, крадущей детей, вместо того чтобы вернуться домой! А если он никогда теперь не вернется?

Флоренс вздохнула. С тех пор как пропал Уорик, она почти ничего не ела и выглядела изможденной.

– Пойду отнесу Амосу завтрак. – Она встала. – Потом посмотрю, как там Нелл.

Таня с Фабианом остались на кухне вдвоем.

– Уорик просто пытается помочь Рыжей, – тихо сказала Таня. – Делает то, что считает правильным.

– Как это может быть правильным? – взорвался Фабиан. – Его место здесь, с нами, а не с ней!

Их прервало слабое царапанье в заднюю дверь. Отворив, Таня ошеломленно отступила: с порога на нее снизу вверх серьезно смотрела рыжая лисичка. Таня едва сдержала крик: из лисьего меха появилась рука, за ней – голова и туловище, и вот уже в дверях стояла Рыжая со шкурой в руках.

– Рыжая! – справилась с собой Таня. – Как ты… как ты это сделала?

– Наваждение, – просто ответила Рыжая.

Фабиан подбежал к двери и потрогал накидку, в кои-то веки утратив дар речи.

– Тебя отпустили! – Танины глаза сияли. – Ты вернулась. А где твой брат? И Уорик?

Рыжая вошла в кухню и села. Лицо ее было мрачным.

– Они остались там.

– Как же так? – растерялась Таня.

Рыжая погладила Оберона, который подошел поздороваться. Положив голову ей на колени, он повилял хвостом, потом вернулся к своей миске и съел несколько собачьих галет.

– У меня все плохо. – Рыжая провела рукой по своим спутанным волосам. – Очень плохо.

– Что случилось? – спросила Таня.

– Фейри дали задание. И если его не выполнить, я никогда не увижу Джеймса… и мы все станем пленниками царства фейри: я, Джеймс и Стич.

– Стич? – не понял Фабиан.

– Твой отец. Так я называла его, пока мы были там. В царстве фейри опасно использовать настоящие имена.

– Но почему Уорик все еще там? – спросила Таня.

Рыжая закрыла лицо руками:

– Они оставили его, чтобы я точно вернулась… Не знаю, как справиться. Как все это найти…

– Что найти?

Но Рыжая уже не слушала:

– Если бы только он не взял браслет. Все, все что угодно было бы лучше… А это их сразу привлекло… Подвески и то, какие они…

– Браслет? – Таня начала понимать, о чем она. – Ты ведь не… не про *тот* браслет?

Рыжая кивнула, все еще закрывая лицо.

– Уорик его взял? *Зачем?* – взорвалась Таня.

– Он нашел подвеску под раковиной. Ту, которая Котел. Собирался починить для тебя…

– Я больше не хотела носить браслет! – со слезами закричала Таня. – Сначала он казался красивым, а потом обитатель стоков из-за него погиб… И еще он принадлежал Элизабет Элвесден – это просто жутко!

– Ну, ты, наверное, все равно никогда больше его не наденешь, – сказала Рыжая. – Но если передумаешь, знай, теперь он гораздо легче.

– Ты о чем?

Рыжая вытащила браслет из кармана и бросила на стол.

– А где все подвески? – удивился Фабиан.

– Не знаю, – тихо сказала Рыжая. – В том-то и дело. Это и есть задание. Я должна их найти… а я даже не представляю, с чего начать.

– Хочешь сказать, они неизвестно где? Вообще неизвестно? – спросил Фабиан. – В любом месте мира?!

– Да… – Ответ Рыжей прозвучал совсем тихо – руки все еще закрывали лицо. – Это безнадежно.

– Такого не может быть, – медленно произнесла Таня. – Зачем фейри ставить перед тобой задачу, которую нельзя выполнить? Должен существовать способ ее решить.

– Таня права. – Гредин и Рэйвен материализовались у задней двери. – Дворы не могут давать невыполнимые задания, какими бы трудными они ни казались. Это закон фейри.

– Вы можете нам помочь? – спросила Таня. – Вы наверняка догадываетесь, где…

Гредин прервал ее:

– Даже если бы мы знали, раскрывать местонахождение подвесок все равно запрещено. Это было бы расценено как предательство и привело бы к тяжелым последствиям для нас обоих. Но кое-что мы *можем* подсказать: в любом задании от фейри всегда присутствует некое связующее звено – своего рода ключ. Обнаружив его, удастся раскрыть все в целом.

– Значит, нам нужно понять, что это за ключ, – сказал Фабиан.

– Нам? – Рыжая покачала головой. – Это мое задание. Я пришла сюда, только чтобы рассказать вам, что случилось с Уориком.

– Он мой отец, – возразил Фабиан. – И, судя по всему, тебе понадобится любая помощь.

– Сколько времени тебе дали, чтобы найти подвески? – спросила Таня.

– Я… – Рыжая резко замолчала. – Они не сказали.

– Тогда время не проблема, – рассудила Таня. – Но мы не знаем, как обращаются с Уориком. Чем скорее освободим его, тем лучше. Так с чего мы начнем?

На этот раз никто не возражал против «мы».

– Возможно, нужно начать с того, в виде чего сделаны подвески, – сказала Рыжая. – Прежде всего это и привлекло фейри… Тринадцать Сокровищ. Нужно обдумать все, что мы о них знаем.

Фабиан с готовностью достал из нагрудного кармана карандаш и блокнот в коричневом кожаном переплете.

– Можете перечислить их? И их свойства. Давайте.

– Блюдо, которое никогда не оставляет своего владельца голодным, – начала Таня. – Котел, который возвращает мертвых к жизни. Меч, который приносит только победу и не позволяет потерпеть поражение…

– Сердце мужества, – продолжила Рыжая. – Ключ, открывающий дверь в любой мир. Кубок вечной жизни, Чаша предсказаний. Посох силы, Канделябр – свет, который никогда не угасает, Книга знаний, Кинжал, с которого капает кровь, исцеляющая любую рану…

– Чуть погодите. – Фабиан едва успевал за ними. – Теперь дальше.

– Маска наваждения, – сказала Рыжая.

– И Кольцо, которое делает своего владельца невидимым, – закончила Таня.

Фабиан занес последний пункт, и они молча впились взглядом в составленный список.

– Блюдо. – Рыжая вдруг посмотрела на Гредина. – Ты рассказывал историю о семье, которая получила его в награду от Двора. Может быть, подвеска-Блюдо находится в том месте, где жила эта семья. Может быть, и все подвески там, где использовалась их сила. Ты знаешь, где был тот постоялый двор?

– Дело было сотни лет назад, – ответил Гредин. – К тому же пересказывать историю могли по-разному, и поэтому трудно точно определить, где все произошло. И с этой теорией есть проблема – не все из Тринадцати Сокровищ были пущены в ход. Некоторые так и хранились без применения до того, как Двор разделился, и тем более после.

– Значит, не это их объединяет, – мрачно заключил Фабиан.

– А что насчет владельцев браслета? – спросила Таня. – Он старинный, но скольким людям он принадлежал? Возможно, связь здесь?

– Хорошая мысль, – заметил Фабиан. – Хотя… тогда вас с Флоренс тоже нужно иметь в виду – он же был и вашим.

Таня задумалась:

– В таком случае лучше всего начать с Элизабет Элвесден – она первая владелица браслета.

– Тогда по крайней мере одна из подвесок должна быть в доме. – Фабиан вскочил на ноги. – Надо начать с ее комнаты. Даю голову на отсечение, там полно укромных уголков… даже под этим здоровенным ковром или за портретом.

– Но ведь не только этот дом связан с Элизабет Элвесден, – напомнила Таня. – Есть еще место, где она умерла, – лечебница для душевнобольных.

– А еще надо подумать о том, где она жила до того, как приехала сюда, – добавил Фабиан. – Браслет ей подарил лорд Элвесден, когда она дала согласие выйти за него замуж.

– Ты знаешь ее прежний дом? – спросила Рыжая.

– Нет, – сказал Фабиан. – Но знаю, как это можно выяснить.

– Точно! – воскликнула Таня. – У нас же есть несколько дневников Элизабет! Которые она прятала здесь повсюду. Может, в них найдутся подсказки. Попрошу бабушку дать их нам почитать?

Фабиан покачал головой:

– Не думаю, что стоит рассказывать Флоренс, пока сами не поймем, с чем имеем дело. Ей и так хватает забот с Амосом и Нелл, к тому же она еще не знает, что на самом деле с моим отцом. И если все настолько опасно, то не позволит нам искать подвески. Лучше, если она не будет в курсе… хотя бы пока.

– А как со мной? – подала голос Рыжая. – Если она меня увидит, обязательно возникнет вопрос, где Уорик!

– Поэтому мы тебя спрячем, – спокойно сказал Фабиан. – Таня же раньше прятала. Только в этот раз… – он кивнул на лисью шкуру, – у тебя есть прекрасная маскировка.

– Давайте так и сделаем, – сказала Таня и повернулась к Гредину и Рэйвен. – Вы все слышали. Умоляю, не рассказывайте бабушке… по крайней мере сейчас. Мы – единственный шанс Уорика, не говоря уже о брате Рыжей.

– Как пожелаешь, – ответил Гредин. – Мы мало что еще можем для вас сделать.

Кивнув на прощанье, фейри покинули поместье.

– Накинь шкуру, – немедленно распорядился Фабиан, повернувшись к Рыжей. – И отнесем тебя наверх.

Рыжая застегнула накидку, чувствуя на себе взгляды Тани и Фабиана, потрясенных превращением, произошедшим у них на глазах.

Фабиан взял корзину, вынул оттуда стопку чистого постельного белья, которое подготовили, чтобы отнести в спальни, и скомандовал:

– Залезай.

Рыжая прыгнула в корзину, и Таня укрыла ее сложенными простынями так, что наружу торчал только лисий нос.

– Бабушка никогда не купится на это… – пробормотала она. – Если увидит нас с корзинкой, сразу догадается, что мы что-то замышляем. Мы ведь никогда не помогаем по дому.

– Не страшно, – отмахнулся Фабиан. – В худшем случае найдет лису. Объясним, что подобрали раненую и хотим подлечить. В этом-то вся прелесть.

Беспокойство было напрасным: пока они несли корзину наверх, никто им не встретился.

– Странно снова оказаться здесь… – сказала Рыжая, когда они проходили мимо дедушкиных часов на лестничной площадке.

– Тс-с, – одернула Таня. – Лисы не разговаривают, помнишь?

Она толкнула дверь своей спальни, вошла и опустила корзину на кровать. Рыжая выскочила, оставив на белье отпечатки грязных лап и лисью шерсть.

Сброшенная ею шкура упала рядом с Фабианом, он принюхался и сморщил нос. Таня же проявила деликатность.

– Если хочешь пойти в ванную, я найду тебе чистую одежду. Наверное, будет чуть маловата, но что-нибудь подберем. А Фабиан пока посмотрит насчет дневников.

– Да, еще о газетах… – вспомнила Рыжая, когда Фабиан ушел. – Писали про меня? Или про детей, которых я забрала?

– В газетах ничего не было. Но по радио в новостях сообщили о Лорен Марш. Ведь это ты выкрала подменыша в Саффолке…

Рыжая кивнула.

– Девочку вернули, – сказала Таня. – Мы вместе с Уориком слушали тот выпуск и поняли, что ты не могла ее вернуть, ты же была в царстве фейри.

– Не я, – покачала головой Рыжая. – Помнишь, я говорила тебе, что знакома с такими людьми? Видимо, кто-то из них ее вернул. Хотя бы с этим мне повезло.

– Тем не менее тебя еще ищут.

– Да. Но теперь в семьи, откуда я забирала подменышей, снова вернулись человеческие дети. Значит, единственный пропавший ребенок, который со мной связан, – это Джеймс. И известно, что я не виновата в его исчезновении. Если попадусь сейчас, то, наверное, ко мне могут проявить снисходительность, не то что раньше, когда дети считались украденными.

Рыжая вошла в ванную и заперлась. С нетерпением достала зубную щетку, щедро выдавила на нее зубной пасты. Ей так давно не удавалось ополоснуть рот ничем, кроме воды, что прохладный мятный вкус казался сейчас потрясающим – и восхитительным. Она почистила и прополоскала зубы и тут же повторила все, испытывая настоящее наслаждение.

Губы слегка покалывало, она взяла с вешалки маленькое полотенце, вытерла лицо и открыла краны над ванной. Кожа на голове, да и все тело зудели от грязи, Рыжая смотрела, как наполняется ванна – медленно, к ее досаде.

Когда она вылезла из ванны и открыла слив, туда стала стекать остывшая серая вода. Чисто вымытая Рыжая надела Танины, слишком короткие для нее, джинсы и просторную футболку.

Вернувшись в комнату, она увидела смущенного Фабиана, нацепившего на себя лисью шкуру, и Таню, сидевшую на кровати с тарелкой еды, принесенной из кухни. Фабиан безропотно снял накидку и положил на кровать.

– Она работает только на мне, – объяснила Рыжая.

– Расскажи все, что случилось с тобой в царстве фейри. – Таня пододвинула тарелку к Рыжей.

Та накинулась на хлеб и проглотила кусок, почти не прожевав. Непросто было сообразить, с чего начать. Поначалу рассказ получился довольно сумбурным. Таня и Фабиан слушали молча, и чем дальше, тем больше расширялись их глаза. Когда Рыжая закончила, Таня вытащила из-под кровати стопку потрепанных тетрадей.

– Это дневники Элизабет Элвесден? – спросила Рыжая.

Фабиан кивнул:

– Нужно действовать осторожно и быстро. Если Флоренс узнает, что дневники у нас, все сорвется.

24

Следующие два часа в комнате слышался лишь шелест бумаги.

– Помечайте закладками любые страницы, где есть хоть что-то интересное, – сказала Таня. – Места, события – вообще все, что может оказаться важным. Будем читать два часа, а затем обсудим, кто что нашел.

– Нужно просто обыскать дом, – проворчал Фабиан. – Мы же вроде бы знаем, что надо найти.

– Неплохо бы точно знать, что ищешь, даже если знаешь где. Да и то – как иголку в стоге сена, – сказала Таня. – Но все равно для начала надо выяснить, где можно искать. Дневники – лучшая отправная точка. Разберемся с ними и подумаем про других владельцев браслета.

Дневников было шесть, по два на каждого. Последняя тетрадь распалась на несколько частей, которые кто-то скрепил шнуром.

Через два часа чтения они, как и было условлено, остановились.

– Кто первый? – спросила Рыжая.

– Я! – тут же отозвался Фабиан. – Моя тетрадь начинается, когда Элизабет было шестнадцать, и заканчивается в восемнадцать лет. Ее девичья фамилия Сойер, Элизабет Сойер. Родители умерли, и ее взяла в услужение пожилая женщина по имени мисс Кромвель. По описанию Элизабет, это была скверная старая дева, которая обращалась с ней практически как с рабыней и платила очень мало. Придиралась по любому поводу. Но она не знала, что Элизабет умеет читать и писать, и Элизабет хранила это в секрете – откладывала деньги, чтобы покупать бумагу и чернила, и прятала дневник под матрасом. И записи делала только тогда, когда мисс Кромвель ложилась спать. Элизабет пишет о фейри – о том, что всегда их видела, и о том, как ее мать, умирая, в лихорадочном бреду говорила, что подозревает, будто новорожденную Элизабет подменили кем-то из «маленького народца».

Однажды на рыночной площади Элизабет увидел лорд Элвесден. Она там продавала яйца от кур мисс Кромвель. Все в городе знали, что лорд богат, но Элизабет была осторожна. Он, однако, не отступал, дарил украшения и наряды. До поры Элизабет не шла ему навстречу. Но вскоре поняла: брак с Элвесденом – лучший шанс вырваться от мисс Кромвель. А потому, когда он в очередной раз попросил ее руки, ответила «да». Браслет – его свадебный подарок, он заказал его у ювелира

в Тики-Энде…

– У какого ювелира? – перебила Рыжая.

– «Стиклер и Фитч», – сказал Фабиан. – Тут есть карточка с адресом. И, как мы уже догадались, Элизабет попросила именно эти подвески. Она прочитала о Тринадцати Сокровищах в книге, хотя и не рассказала Элвесдену про связь с фейри. Оказывается, они упоминаются еще в легендах о короле Артуре – и Элвесдена вполне удовлетворило это объяснение. Дневник заканчивается переездом сюда, в поместье, которое Элвесден только что построил.

– Итак, у нас есть название ювелирной лавки, где изготовили браслет, – подытожила Рыжая. – Возможно, стоит туда заглянуть. И еще дом, где она жила у этой Кромвель, – в дневнике есть адрес?

Фабиан кивнул:

– Да, в самом начале.

– Хорошо. Что дальше?

– Следующая часть у меня, – сказала Таня. – У Элизабет впервые в жизни появились деньги, и свыкнуться с этим ей было трудно. К тому же довольно скоро ей стало казаться, что она в ловушке: постоянно приходилось соответствовать тому, чего от нее ждут. Среди прочего, что она терпеть не могла, было позирование для портрета, который висит сейчас в их комнате, – его создание заняло месяцы, а Элизабет было невыносимо часами сидеть неподвижно.

– Так вот почему она выглядит там несчастной, – подал голос Фабиан.

– Она уже год была замужем, но чувствовала себя одиноко, скучала и проводила много времени вне стен дома, часто неподалеку от леса. И у нее завязалась дружба с местной знахаркой Агнес Фогг.

От этого имени у Рыжей по коже побежали мурашки.

– Которая позже стала Заокраинной Ведьмой… – содрогнувшись, договорила она и, когда Таня закрыла свою тетрадь, продолжила рассказ по следующей части дневника. – Агнес Фогг подарила ей маленького черного котенка. Элизабет обожала его настолько, что сняла с браслета одну подвеску, чтобы украсить кошачий ошейник. А вскоре поползли слухи насчет колдовства.

Вдруг скрипнула дверь, и все обернулись.

Не успев накинуть лисью шкуру, Рыжая скатилась на пол и юркнула под кровать.

Таня приоткрыла дверь, выглянула в коридор и, увидев виновника, вздохнула с облегчением.

– Всего лишь Вулкан, – сказала она, глядя на удирающего вприпрыжку толстого кота. – Но все равно нам лучше поторопиться и закончить с дневниками. Если бабушка заметит, что они пропали…

– Если не дочитаем до завтра, я в любом случае верну их на место, – успокоил Фабиан. – Чтобы она ничего не заподозрила. Но мы уже можем приступить к поискам – для начала информации достаточно.

Рыжая вылезла из-под кровати.

– Разумнее начинать с самого близкого. Дом. А потом лавка в Тики-Энде, – сказал Фабиан.

– Дом можно обыскать и позже, – возразила Таня. – Первым делом надо проверить магазины, они закроются чуть больше чем через два часа. Какой адрес на карточке, которую ты нашел, Фабиан?

Фабиан заглянул в свои записи.

– Косточкова улица, тринадцать.

– Найти легко, – сказала Таня. – Скорее всего, лавки там больше нет, но здание-то наверняка сохранилось. На него стоит посмотреть.

– Я тоже иду, – заявила Рыжая.

– А вдруг тебя узнают? – спросил Фабиан. – Лучше бы тебе остаться здесь.

Рыжая упрямо покачала головой.

– Я иду! Никто меня не узнает – слишком много времени прошло. И вообще, сомневаюсь, что меня еще ищут в этих местах. К тому же считали, что я или одна, или с маленьким ребенком. А если буду с вами, никто ко мне присматриваться не станет.

Она оказалась права.

Таня и Фабиан вытащили Рыжую в лисьем обличье из дома и пошли к остановке. Вдоль дороги за ними, то ныряя в высокую траву, то выныривая с обочины, бежала лисичка. Когда подъехал автобус, ее уже сменила девочка, и в автобус сели трое подростков.

В Тики-Энде стоял тихий денек. Мощенные булыжником улицы были почти пусты, лишь изредка у магазинов попадались последние покупатели. Сухие листья под ветром устремлялись друг за дружкой по земле. Таня, Фабиан и Рыжая быстро пересекли городскую площадь и свернули в узкие переулки.

Косточкова улица казалась немного оживленнее: из кафе при маленьких гостиницах слышалась музыка и разговоры. Миновав паб «Винтовая лестница», откуда доносился восхитительный запах домашней еды, они двинулись дальше.

Внезапно Рыжая остановилась как вкопанная.

– Вот он!

– Магазин? – спросил Фабиан.

– Нет. – Таня поняла, что Рыжая смотрит на заброшенное здание с заколоченными окнами. – Приют, где похитили ее брата.

Она потянула Рыжую за рукав:

– Ладно. Не надо тут стоять и пялиться, а то привлечем внимание.

И они продолжили путь.

– Вряд ли магазины тут отмечены номерами… – пробормотала Рыжая.

Хотя народу и здесь было мало, она держала голову опущенной, надвинув на лицо старую кепку Фабиана.

– Отмечены, – сказала Таня. – «Ящик Пандоры» – номер двадцать пять, а «Бухгалтеры Клиффорда» вон там – двадцать один. Тринадцатый будет с этой стороны, дальше впереди.

Остаток пути они пробежали, на ходу считая дома. И, добежав до номера тринадцать, в растерянности воззрились на закрашенные окна и висящую на двери табличку «Закрыто». Прибитое сверху объявление о сдаче в аренду подтверждало – магазина здесь больше нет.

– Просто не верится! – Фабиан подергал дверь и, загородив лицо от света ладонями, попытался вглядеться в стеклянное оконце.

Таня и Рыжая потеснили его и тоже всмотрелись. Внутри было пусто, если не считать кучки нераспечатанной почты, скопившейся у двери. Фабиан отошел от крыльца.

– Это уже давно не ювелирный магазин. – Он показал на вывеску. – Пекарня «Чертова дюжина». Теперь я вспомнил. Ужасные пироги – неудивительно, что они закрылись.

– Вот и все. – Таня встала рядом с Фабианом. – Тупик.

– А может, и нет. – Рыжая обогнула их и прошла чуть вперед.

Сбоку от магазина была деревянная калитка, которая легко открылась, когда Рыжая подняла щеколду.

– Давайте сюда, быстро.

– Что вы делаете? – воспротивился Фабиан, но Таня проскользнула в калитку вслед за Рыжей. – Нельзя же! Это незаконное проникновение!

– Так она и будет из-за этого беспокоиться, когда ее разыскивают за похищение детей! – насмешливо отозвалась Таня.

Крыть было нечем. Быстро оглядевшись по сторонам, Фабиан проскочил следом и закрыл за ними калитку.

– Все чисто, – сказал он. – Не думаю, что нас кто-нибудь засек.

Сквозь стекло в задней двери пекарни виднелась маленькая

кухня.

– Там изнутри ключ в замке! – Фабиан порылся в кармане и вытащил сложенный лист бумаги. – Держу пари, я его достану за пять минут. У меня с собой обычно кусок проволоки, которой можем протолкнуть ключ и…

– А можем и проще. – Рыжая подобрала с земли кусок битого кирпича, размахнулась и швырнула его в окно.

Стекло разлетелось вдребезги. Фабиан с нескрываемым восхищением наблюдал за Рыжей. Осмотрев двор, она выудила из мусорного бака несколько газет и обернула руку, чтобы вынуть оставшиеся в раме осколки. Затем просунула руку внутрь и отперла дверь.

– Надо обыскать здесь каждый дюйм, – сказала она. – И действовать быстро. Я займусь кухней, а вы ищите в передней части помещения. Фабиан, ты проверяешь пол, а Таня все ящики и столы.

Они принялись за работу, но времени это почти не заняло: ящики у прилавка были пусты, и на полу хоть шаром покати. Всего через несколько минут, негромко вскрикнув, Фабиан нагнулся и что-то подхватил.

– Вот!

– Покажи! – потребовала Рыжая.

– Эх… – Фабиан разочарованно поправил очки. – Ерунда, просто серебряная пуговица.

Они продолжили искать, но, даже обойдя все дважды, так ничего и не нашли.

– Не торчи у входной двери, – предупредила Рыжая Фабиана, который перебирал почту на полу.

Поднимая по одному конверты, он аккуратно прощупывал, нет ли в них чего-нибудь выпуклого, и осматривал пол под ними.

– Ничего тут нет, – обескураженно заключила Рыжая.

– А подвалы в таких магазинах обычно бывают? – спросила Таня.

– В некоторых есть, – сказал Фабиан. – Но здесь не видно ни люка, ни двери, которая могла бы туда вести. – Он уставился в пол, пихая носком ботинка какой-то глянцевый листок.

– Пошли. – Рыжая направилась к задней двери. – Пора возвращаться, все равно скоро стемнеет.

– Погоди. – Фабиан наклонился и поднял листок. – Это реклама. Распродажа в местном ювелирном.

– И что? – нетерпеливо сказала Рыжая. – Что нам с того, если браслет сделали не там? Та лавка была здесь, помнишь?

– А взгляните на название. – Фабиан поднял рекламку.

– «Стиклер и сыновья», – прочла Таня.

Фабиан вытащил из кармана свой блокнот.

– Тот магазин назывался «Стиклер и Фитч». Но что, если эти двое решили разделиться и Стиклер открыл собственное – семейное дело?

– Возможно. – Рыжая взяла у него листовку. – Но даже если это одна и та же фирма, это не одно и то же место. Они переехали.

– В общем-то, совсем недалеко отсюда, – сказал Фабиан. – Смотрите: Глухой переулок – он же рядом, за углом!

– Проверить стоит, – согласилась Рыжая. – Но чего ради было менять место, если обосновались почти на соседней улице?

– Мало ли какие причины. Понадобилось помещение побольше. Или поменьше – вдруг аренду было тяжело платить. – Фабиан посмотрел на часы. – Нам лучше поторопиться, скоро закроется.

Они вышли из магазина, проскользнули в калитку и снова оказались на улице.

– Сюда! – Фабиан повел их мимо «Ящика Пандоры» на соседнюю улицу, а затем, ускорив шаг, свернул направо в проход между домами. – Тут короткий путь, – бросил он через плечо.

Уже почти перейдя на бег, они очутились в следующем переулке – коротеньком и неказистом, с обветшавшими магазинчиками и домишками.

– Вот, – выдохнул Фабиан. – Глухой переулок. «Стиклер и сыновья» – номер тридцать один.

– Тридцать один, – повторила Таня. – Те же цифры. Тринадцать, только наоборот. Кто-нибудь еще думает, что это просто совпадение?

Магазинчик оказался крошечным. Похоже, Фабиан не ошибся: переезд состоялся из-за размера помещения. Все тут было запущенным, окна украшены птичьим пометом, вход засыпан листьями, которые никто не позаботился вымести.

– Прямо трущоба какая-то, – фыркнул Фабиан.

– Вот тебе и семейный бизнес. – Таня кивнула на вывеску: несколько букв то ли кто-то нарочно отодрал, то ли они сами отвалились. Осталось только «ТИКЛЕР И НОВЬЯ»

– Давайте зайдем, – сказала Рыжая, но стоило ей потянуться к дверной ручке, как из магазина вышел плешивый мужчина со связкой ключей.

– Извините, я закрываюсь. – Он слегка нахмурился, увидев посетителей.

– Но ведь пяти еще нет. – Фабиан показал сначала на табличку с часами работы, выставленную в окне, а затем

на свои часы.

– По-моему, есть, – проворчал мужчина. – Я за весь день ничего не продал. Приходите в другой раз.

– О, пожалуйста! – вступила Таня. – Не могли бы вы уделить нам всего несколько минут? Завтра у моей бабушки день рождения. Мне нужен для нее подарок.

– И мы знаем, что хотим, – добавила Рыжая.

Хозяин колебался.

– Пожалуйста… – повторила Таня.

– Ладно, так и быть, – пробормотал он. – Но имейте в виду: только несколько минут.

Хозяин снова включил свет и придержал дверь, чтобы они зашли.

– Что именно вы ищете? – спросил он, пока они осматривали стеклянные витрины и прилавки.

Рыжая вытащила браслет из кармана.

– Серебряные подвески. Для вот этого браслета. Бабушка каждый год добавляет по одной.

– Но ведь на нем ничего нет, – удивился владелец лавки, разглядывая браслет.

– Его украли. – Таня придумывала на ходу. – Браслет нашелся, а подвески так и пропали. Мы пытаемся найти такие же.

Хозяин почесал лысину.

– У нас в продаже негусто серебряных подвесок. Золотые – да. А серебряных всего несколько штук, и почти все не новые. На самом деле очень жаль, ведь раньше мы на них специализировались.

– Можно посмотреть, что у вас есть? – вежливо спросил Фабиан.

Кивнув, хозяин нырнул под прилавок. Со стуком открыл и закрыл ящик и поставил перед ними обитый бархатом лоток, на котором лежали шесть или семь серебряных подвесок.

Посередине к бархату было приколото серебряное сердечко. Подвеска по сравнению с остальными выглядела тусклее и казалась гораздо более старой. На ней были выгравированы миниатюрные крылья.

– Что-нибудь облюбовали? – Владелец лавки явно хотел поскорее закончить.

Рыжая переглянулась с Таней и Фабианом. Глаза у всех были широко распахнуты. Она указала на подвеску дрожащим пальцем.

– Вот это! Сердце. Сколько оно стоит?

Наклонившись к подвескам, хозяин потрогал их.

– Не помню. Странно, но, кажется, у этой нет цены.

Рыжая услышала, как стоящий рядом Фабиан сглотнул.

– Сейчас проверю учетные книги. – Хозяин удалился куда-то в недра магазина.

– Мы идиоты! – прошипел Фабиан, как только они остались одни. – У нас же нет денег, чтобы купить эту дурацкую штуковину! Или у кого-то из вас есть?

Рыжая и Таня помотали головами.

– Тогда решено, – сказала Рыжая. – Придется просто украсть.

– Подожди, – остановил Фабиан. – Смотрите! – На стене висело написанное от руки объявление: «Скупаем для продажи».

В одну секунду Фабиан снял свои часы и положил на прилавок – ровно в тот момент, когда вернулся владелец магазина.

– Ума не приложу, откуда эта подвеска взялась, – сказал он. – Никаких записей о ее поступлении. Похоже, вам повезло, ребята.

– Вы согласитесь на обмен? – Фабиан выдвинул свои часы вперед.

Хозяин прищурился и с подозрением уставился на них. Какой-то ужасный миг казалось, что он откажется, но он произнес:

– Думаю, мы все понимаем, что часы стоят больше, чем подвеска. Может, лучше вернетесь с наличными?

– У нас нет денег, – сказал Фабиан. – А это очень важно.

Хозяин пожал плечами:

– Хорошо. Говорите, это подарок? Я принесу коробочку. – Он взял часы Фабиана и унес их с собой в подсобку.

– Вы уверены, что это из тех самых подвесок? – прошептал Фабиан. – То есть она похожа, но…

– Это она, – сказала Таня. – Я убеждена.

– Тогда давайте попросим надеть ее на браслет, – предложила Рыжая. – Незачем брать коробочку.

Держа в руке браслет, она потянулась, чтобы взять серебряное сердечко. И в тот момент, когда ее пальцы коснулись подвески, произошло нечто удивительное: раздался тихий металлический звон, и подвеска исчезла из своего бархатного гнезда. От неожиданности Рыжая выронила браслет.

– Куда она делась?

– Вот. – Таня с изумлением показала на браслет. – Сама прикрепилась к цепочке.

– Должно быть, ее притянуло… вроде как магнитом. – Широко раскрытые за очками голубые глаза Фабиана стали еще больше.

– Тогда сомнений нет, – тихо произнесла Рыжая. – Это она. Мы нашли первую подвеску!

– Давайте пойдем отсюда уже, – сказал Фабиан.

Они прокричали «спасибо» хозяину, который все еще копался в подсобке, и вышли на улицу.

– А как же коробочка? – спросил он, вернувшись к прилавку, и сквозь грязные окна увидел удаляющуюся троицу. Покачал головой, мгновение постоял, затем надел пальто и второй раз за вечер стал закрывать магазин.

Начинался дождь. Воодушевленные находкой, Таня, Рыжая и Фабиан побежали к автобусной остановке.

– Прямо не верится, что мы разобрались с этим! – радостно воскликнул Фабиан, когда они уселись на сиденья в конце автобуса. – У нас правда получилось!

– Да, получилось… – сказала Рыжая, вдруг почувствовав, как радостное волнение угасает. Ее пронзила мысль, что это только начало – только первая подвеска.

Где-то – неизвестно где – ждали еще двенадцать.

25

Вернувшись в поместье, Рыжая, Фабиан и Таня до поздней ночи изучали дневники и обдумывали прочитанное в Таниной комнате.

– Похоже, мы на правильном пути, – сказал Фабиан. – Раз первая подвеска нашлась там, где браслет был изготовлен, то ключ к разгадке – наверняка владельцы браслета.

Вскоре их ждали новые открытия.

– Сразу после свадьбы карету, в которой ехали Элвесдены, ограбили, – сообщила Таня. – Похитили браслет Элизабет и еще несколько ценных вещей. Лорд Элвесден объявил награду, и результат не заставил себя ждать: браслет, а с ним и большую часть украденного обнаружили в трактире за несколько деревень отсюда. Все было запрятано в дымоходе. Хозяина трактира изобличили – грабителем оказался он. – Таня постучала по открытой странице телефонной книги. – Там до сих пор существует паб, называется «Дорожный разбойник».

– Хорошо, – сказал Фабиан. – Что еще?

Настала очередь Рыжей.

– Когда поползли слухи о колдовстве, горожане прогнали Агнес Фогг. Они обвиняли и Элизабет: якобы черный кот, подаренный Агнес, – ее фамильяр, то есть животное, живущее с ведьмой и помогающее ей. Вскоре кот исчез, и Элизабет поняла, что с ним сделали что-то плохое.

Рыжая подняла глаза от тетради и продолжила:

– Элизабет поняла, что муж читает ее дневники. Вот почему она начала их прятать. Затем одна из служанок услышала, что лорд хочет отправить Элизабет в сумасшедший дом, и рассказала ей по секрету. И тогда Элизабет попыталась убежать.

Ей было известно о подземных туннелях, проложенных под домом. Накануне дня, когда ее должны были забрать, она вела себя так, будто ни о чем не догадывается. А ночью проникла в туннель, тот, который тянется к церкви. Прошла две мили, добралась уже до фальшивого могильного камня… но Элвесден каким-то образом все обнаружил… и там ее поджидал.

– А дальше мы знаем, – мрачно заключил Фабиан. – Она умерла в сумасшедшем доме.

Таня сложила все тетради в стопку.

– Думаю, на сегодня достаточно. С дневниками закончили, следующий шаг теперь – выяснить, что случилось с браслетом после смерти Элизабет.

Было уже за полночь, когда они решили, что пора ложиться.

Таня спустилась в кухню, чтобы принести стакан воды, и только тут сообразила, что забыла вечером покормить Оберона. Однако из угла доносился довольный хруст: пес уплетал свой сухой корм – кто-то, видимо, позаботился о нем. Почесав ему макушку (в ответ он повилял хвостом), Таня устало вышла в коридор, едва не засыпая на ходу.

Рыжая проснулась от звука закрывающейся двери. Еще несколько минут полежала под кроватью Тани, укутанная в лисий мех и одеяла, но, так и не заснув снова, встала и посмотрела из-за шторы в окно. Было рано, по земле стелился тонкий туман. Ее внимание привлекло какое-то движение. По саду кто-то торопливо шел, удаляясь от дома. Вроде бы полная немолодая женщина, но отчетливо разглядеть не получалось.

Рыжая вернулась к кровати и потрясла Таню за плечо, чтобы разбудить.

– Рыжая? – прошептала Таня.

– Я прямо сейчас видела в саду, как кто-то убегал из дома.

Таня встала и сонно подошла к окну:

– Это Нелл. Наша экономка. Похоже, направляется в лес!

Сон слетел с нее. Таня впопыхах схватила с пола одежду, в которой была вчера. Вылезла из пижамы, натянула мятые джинсы и джемпер, предварительно вывернув его наизнанку. Надевая кроссовки, вспомнила о компасе. Вытащила его из тайника и положила в карман.

– Пойду за ней. Ты со мной?

Рыжая кивнула и спросила:

– А Фабиан?

– Нет времени. И, чтобы его будить, надо пройти мимо бабушкиной комнаты.

Они прокрались вниз по лестнице на кухню.

Оберон оторвал взгляд от своей миски и чуть слышно рыгнул.

– Странно, почти доверху… – Таня заглянула в миску. – Может, Нелл засыпала корм.

– Его нужно посадить на диету, – заметила Рыжая. – Клянусь, с тех пор как я тут, он потолстел! – Проигнорировав обиженный взгляд Тани, она открыла заднюю дверь:

– Давай скорее!

Они вышли под холодный осенний дождик, оставив дом и остальных его обитателей погруженными в сон.

– Вон она! – указала Таня, оглядевшись за садовой калиткой: вдалеке мелькала маленькая плотная фигура Нелл. Она приближалась к ручью. – Живей, а не то мы ее упустим!

Они припустились и добежали до берега ручья через пару

минут после того, как Нелл скрылась в лесу.

– Еще можем ее догнать. – Рыжая смотрела вперед. – Мы ведь быстрее.

– Просто не верю, что ее снова понесло в лес, – сказала Таня. – Из всего дурацкого, что можно было от нее ждать, сделала самое дурацкое!

Рыжая открыла рот, чтобы ответить, но тут где-то впереди раздался пронзительный голос:

– Карвер! Генерал Карвер? Где ты?

– Она ищет свою птицу! – вскипела Таня.

Идя на крики Нелл, они последовали в лес.

– Осторожнее, смотри, куда ступаешь, – прошептала Рыжая. – Лес еще усеян ведьминым кругами.

Таня кивнула.

– Думаю, мы в безопасности, у нас одежда наизнанку, но боюсь за Нелл. Если не будет осторожна, ее опять могут увести фейри. – Таня сделала паузу. – Вот она! Прямо у фургона Безумной Мораг!

– Позови-ка ее. Я спрячусь, нельзя, чтобы она меня видела, вдруг расскажет Флоренс… – Рыжая попыталась укрыться за деревом, но споткнулась и, вскрикнув, растянулась на самом виду.

Нелл обернулась и ахнула от неожиданности.

– Почему вы идете за мной? – виновато спросила она и изучающе вгляделась в Рыжую. – И кто ты такая?

Вместо ответа Рыжая посмотрела на Нелл: ей почудилось что-то знакомое.

– Я пошла убедиться, что опять не стряслась беда, – прямо сказала Таня. – Как в прошлый раз. Не могу поверить, что ты снова отправилась сюда и подвергаешь себя опасности. Когда ты уже примешь это, Нелл? Фейри реальны!

Нелл неловко переступила с ноги на ногу и тихо отозвалась:

– Я знаю. То есть я верю в то, что видела. – Она показала на свою одежду.

Рыжая с Таней только сейчас заметили, что все на ней надето наизнанку.

– Флоренс дала мне несколько советов, видишь? Но все равно я не могу здесь оставаться. Как найду свою птичку – сразу уйду. Флоренс может сколько угодно повышать чертову зарплату!

– Вот так, да? – зло бросила Таня. – Просто уйдешь? Заварила всю эту кашу, а теперь сбегаешь? Уорик пропал из-за тебя и твоего дурацкого попугая!

– Подожди минутку, – прервала ее Рыжая, подойдя ближе к Нелл. – Я вас знаю. Вы работали в детском доме в Тики-Энде!

Таня удивленно смотрела на них:

– Вы знаете друг друга?

Нелл покосилась на Рыжую:

– Не припоминаю… – Внезапно ее лицо побледнело, и она, потупившись, прошептала: – Нет, я помню тебя. Волосы у тебя были длиннее. Длинные и рыжие. Твой брат тоже пропал… как другие дети. Ты говорила, что это… что это… фейри. Никто тебе не верил. А потом ты сбежала.

К удивлению Рыжей и Тани, пухлые плечи Нелл затряслись, она зашлась в рыдании.

– Значит, все было правдой! – бормотала она сквозь слезы. – Все это было правдой, а никто не верил… И теперь я понимаю… о, теперь я понимаю, что наделала!

– Понимаете что? – резко спросила Рыжая.

– Это моя… моя в-вина!

Сузившиеся зрачки Рыжей превратились в крошечные точки.

– Что значит «моя вина»?

Нелл опустилась на землю, заламывая руки.

– Я дежурила в ту ночь, когда исчез твой брат. Должна была присматривать, чтобы все было в порядке. А потом пропал мальчуган, ты была в истерике… Помню только, ты кричала: «Он же был защищен, я же накрыла его красным кухонным полотенцем!»

– Да, все так, – подтвердила Рыжая. – И когда его украли, полотенце куда-то делось. В кроватке его не было.

– Никто внимания-то особого не обратил, – всхлипывала Нелл. – Мы все думали, это у тебя просто шок от случившегося… но… но когда Флоренс объясняла мне, как защититься от фейри, то сказала, что красный цвет от них предохраняет. Тут-то я про тебя и вспомнила!

– Продолжайте, – велела Рыжая. – И перестаньте хныкать.

Нелл провела пухлой рукой по лицу, размазав грязь, и прошептала:

– Это… была… я. Незадолго до полуночи я заглянула к тебе и Джеймсу. Вы спали. Он выглядел таким безмятежным… маленький золотоволосый ангелочек.

Глаза Рыжей заволоклись слезами.

– Потом я увидела кухонное полотенце. И удивилась: с чего, черт возьми, оно там оказалось, в его кроватке? Да еще и грязное. Поэтому… поэтому я его забрала. Положила к белью, что в стирку.

Рыжая закрыла глаза. Слеза покатилась по ее щеке.

– Прости меня, – произнесла Нелл. – Я не знала. И теперь я никогда себе этого не прощу. – Прижав руки к лицу, она снова

заплакала.

– Значит, нас двое, – сказала Рыжая. – Потому что я тоже никогда вам этого не прощу!

Нелл подняла глаза, лицо ее опухло от слез. Страдальчески охнув, она неуклюже поднялась на ноги.

– Прости… – повторила она.

– Извинение не вернет моего брата, понимаете?! – заорала Рыжая, ее лицо порозовело от ярости, а руки сжались в кулаки. – Вы во всем виноваты! Виноваты, что его украли! Вы, старая тетка, которая лезет не в свое дело!

Нелл съежилась от ее слов, неудержимо всхлипывая.

– Рыжая, – тихо сказала Таня. – Хватит.

Рыжая отвернулась. В горле стоял комок из-за слез, которые не пролились. Она знала: Нелл не виновата, она не представляла, что делает.

На поляне было тихо, слышалось только приглушенное всхлипывание Нелл. Внезапный оглушительный визг заставил всех троих обернуться.

– Что это? – спросила Рыжая.

– Хулиганство, вот что это! – произнес знакомый голос.

– Генерал! – воскликнула Таня. – Кричит из фургона Мораг – должно быть, она его нашла!

Все еще сопя, Нелл вскинула голову, проковыляла к двери фургона и постучала. Ответа не последовало. Внутри снова пронзительно заверещал Генерал.

– Там еще что-то. – Нелл прижалась ухом к двери. – Вроде… бормотание.

Она снова постучала, затем подергала ручку.

Никто не ожидал, что дверь откроется, но это произошло.

– Здравствуйте? – Взлетев по лесенке, Таня заглянула внутрь затемненного фургона.

– Теперь я тоже слышу, – сказала Рыжая. – Кто-то стонет от боли!

– Я иду туда. – Таня зашла в фургон.

В проникшем снаружи свете стало видно клетку, стоящую на столе. Попугай взбирался на жердочку, так сильно нахохлившись, что казался вдвое больше обычного. Перед клеткой неподвижно, как статуя, сидела дымчато-серая кошка Мораг и хищно на него смотрела. Когда все вошли, желтые глаза сверкнули.

– Как грубо, – укорил Генерал Карвер.

– О, смотрите… – Нелл шмыгнула носом, немного успокоившись при виде питомца. – Генерал надел свои… доспехи!

Она отпихнула кошку, та зашипела и бросилась в открытую

дверь.

– Таня! – позвала Рыжая. – Сюда, быстро!

Задняя часть фургона за буфетом, в котором виднелись десятки банок и бутылочек с жидкостями и порошками, была отгорожена темной бархатной занавесью. Таня подошла к стоявшей там Рыжей. Стоны доносились из-за занавеси.

Быстрым движением Рыжая откинула ее.

На придвинутой к стенке узкой кровати, скрючившись под покрывалом, лежала Мораг. Было ясно: происходит что-то ужасное. Глаза старой цыганки бешено вращались, волосы прилипли к лицу от пота. Хотя от нее прямо веяло жаром, она дрожала, бессвязно бормоча.

– Что с ней творится? – вскрикнула Таня. – Она в бреду?

– И, похоже, уже какое-то время, – сказала Рыжая. – Принеси воды, быстро!

Таня бросилась на кухню.

– Что там? – спросила Нелл дрожащим голосом. Она обнимала руками клетку, будто хотела защитить Генерала.

– Не знаю, – отмахнулась Таня, хватая с сушки стакан. Наполнила его холодной водой и подбежала к кровати.

Рыжая взяла у нее стакан, поднесла к сухим губам старухи и скомандовала:

– Пейте.

Мораг сделала небольшой глоток, ее взгляд на долю секунды замедлился, остановился на Тане, а после снова заметался. Цыганка выбросила руку вперед и выбила стакан, который протягивала Рыжая.

Таня опустилась на колени, взяла старую женщину за руку и взглянула на Рыжую:

– Что она говорит?

– Не знаю. Пыталась понять, но не могу разобрать слов – говорит слишком быстро и невнятно, – покачала головой Рыжая.

Таня наклонилась ближе. Дыхание Мораг от обезвоживания было неприятным, резким.

– Не прекратятся… не прекратятся, не могу заставить их прекратиться, – прошептала она, слова мешались друг с другом. – Не исчезнут… не прекратятся…

– Что не прекратится? Скажите мне, Мораг…

К ним подошла Нелл.

– Могу я что-то сделать? – спросила она, со страхом глядя на старую цыганку.

– Да, – отрезала Рыжая. – Держитесь подальше, пока снова беды не устроили.

Нелл отпрянула.

– Дело дрянь, – произнесла Рыжая. – Нужен врач…

– Погоди, – остановила ее Таня. – Она пытается нам что-то сказать.

– Не могу заставить их прекратиться… слишком много, все это вижу… не исчезнет… видения не прекратятся… преследуют меня… везде…

– «Видения не прекратятся», – повторила за цыганкой Таня. – У нее видения! Что же с ней творится… не понимаю!

– Нужно, чтобы она пришла в себя. Давай ее поднимем. – Рыжая откинула покрывало. – Так и легла полностью одетой.

Мораг была плотно закутана в шаль. В слабом свете Таня разглядела пришитые к шали бусины, которые поблескивали как крошечные звездочки… за исключением одной – более тусклой, покрупнее, чем другие. И это была вовсе не бусина, а очень знакомый предмет.

– Ужасные вещи… заставь их остановиться… люди умирают, здания рушатся… видения не прекратятся…

– Рыжая, – прошептала Таня, указывая на шаль Мораг. – Смотри!

Рыжая проследила за ее взглядом: на шерстяной шали, обмотанной вокруг плеч старухи, вместо круглой серебристой бусины была пришита маленькая серебряная чаша.

– Чаша предсказаний! Та, от браслета. – Таня попыталась оторвать подвеску, но она была прочно закреплена. – Вот что у нее вызывает эти жуткие видения – необходимо их остановить!

Таня сильно потянула шаль, пытаясь снять с Мораг, но когтистые руки старухи удерживали ее железной хваткой.

– Не отпускает, придется отрезать. Дай свой нож!

Рыжая вытащила нож из-за пояса, но вдруг заколебалась.

– Скорей, – поторопила Таня. – Чего ты ждешь?

– Может, она сумеет рассказать, где остальные подвески.

– Ты ведь не серьезно? Мы должны ей помочь!

– Поможем. Но только подумай: прямо сейчас есть шанс все узнать. Если у нее видения, ей может открыться, где нам искать дальше.

– Нет, – возразила Таня. – Посмотри на нее – нужно это прервать!

– А мне нужно найти моего брата! – Рыжая засунула нож обратно за пояс, вынула из кармана браслет и поднесла к лицу Мораг.

– Скажите, где найти исчезнувшие подвески, – настойчиво произнесла она. – Где нам искать?

Глаза Мораг заметались, вспыхнули и закатились. Все ее тело напряглось.

– Связано, – прошептала она. – Все связано…

– Связано с чем? – упорно добивалась Рыжая.

– С прошлым…

– Чьим прошлым? Владельцев браслета?

– Связано с… самим браслетом… то, что в тени… события оставляют след. Прошлое… это ключ…

– Так вот оно что, – выдохнула Рыжая. – Подвески в важных для истории браслета местах! Мы почти додумались – но все-таки не до конца!

– Хватит! – закричала Таня. – Останови, или это сделаю я!

Рыжая вытащила нож из-за пояса и перерезала шерстяную нить, закреплявшую подвеску. Подержала маленькую серебряную Чашу на ладони и медленно поднесла к браслету. Лишь только они соприкоснулись, металл легонько звякнул о металл. Подвеска снова была на браслете.

Глаза Мораг закрылись, и она откинулась назад на постель, наконец-то спокойная.

– Мораг? – шепотом окликнула Таня, убирая влажную седую прядь с лица цыганки.

Мораг медленно открыла глаза и прохрипела:

– Воды… пожалуйста…

Таня снова кинулась на кухню, чтобы наполнить стакан. Когда она вернулась с водой, Рыжая помогала Мораг сесть. И через несколько минут та чувствовала себя уже настолько хорошо, что с их помощью дошла до кухни.

– С вами точно все в порядке? – спросила Таня.

– Будет в порядке, – ответила Мораг. – Как только избавлюсь от этой невыносимой головной боли.

Она посмотрела на Нелл, сидящую в кресле с клеткой Генерала на коленях:

– Вижу, вы воссоединились?

Нелл кротко кивнула.

– Я нашла его в кустах боярышника. Должно быть, он пережил настоящие приключения. – Устало опустившись в кресло у окна, Мораг протянула Тане маленький ключик.

– От чего он?

– От моего буфета. – Мораг показала на стоящие за стеклом горшочки, банки и бутылочки с разными травами и субстанциями. – Ты можешь смешать мне лекарство – я скажу, что делать. И, думаю, пора вам рассказать мне, что происходит, не так ли?

26

Генерал Карвер бодро клацал клювом и без умолку болтал весь обратный путь как ни в чем не бывало. Он ничуть не пострадал от своей маленькой проделки. Из всех возвращавшихся в поместье попугай был самым общительным. После того как они покинули фургон Безумной Мораг, Нелл не произнесла ни слова, а попытки Рыжей заговорить Таня пресекала резким ответом.

– Да что с тобой такое? – наконец спросила Рыжая, когда они прошли через садовую калитку. – Ты едва ли слово сказала за всю дорогу.

Таня сняла через голову висевший на цепочке компас и сунула в карман. Они продирались сквозь сухой бурьян. Взгляд ее темных глаз был жестко устремлен вперед.

– Думаю, вопрос должен быть другой: что с *тобой* такое? – проговорила она. – Ты видела, как плохо Мораг, и все равно добивалась ответов. Как ты могла?

– Я делала то же, что делаю всегда, – отрезала Рыжая. – То, что должна.

Таня остановилась и посмотрела на нее.

– Я понимаю, ты потеряла брата, Рыжая, но речь уже не только о нем. Мораг могла сойти с ума, если бы еще немного пробыла в этом состоянии. Нельзя подвергать людей опасности только ради того, что нужно тебе или поможет поискам Джеймса. Разве ты не видела, что с ней творилось от подвески?

– Конечно, видела, – огрызнулась Рыжая. – И как доберемся до дома, я все объясню. – Она повернулась к Нелл: – Мне надо, чтобы вы кое-что сделали для меня. Чтобы никому не говорили обо мне и о том, что происходит. Не рассказывайте ни о чем Таниной бабушке. Забудьте все, что видели и слышали в фургоне Безумной Мораг.

Нелл выглядела растерянной.

– Даже не знаю, – дрожащим голосом произнесла она. – На мне же ответственность… Что, если с кем-то из вас что-нибудь случится?

– Это только на время, – уточнила Таня. – Если все пойдет хуже, мы расскажем бабушке, обещаю.

– И вы у меня в долгу. – Глаза Рыжей сузились. – Если хотите хотя бы попытаться загладить вину, тогда молчите!

Нелл с несчастным видом кивнула, и все вошли в дом.

– Мы увидели подвеску случайно, – сказала Рыжая. – Она

была пришита к шали цыганки… Мораг сама понятия не имела об этом.

– Как только мы ее отрезали, видения прекратились, – добавила Таня. – Страшно подумать, что случилось бы, если бы мы там не оказались и ее не нашли.

Они собрались в Таниной комнате и рассказывали заспанному Фабиану о том, что происходило этим утром.

– Мы объяснили Мораг про задание, которое дали Рыжей. И она подтвердила наши догадки, – продолжала Таня. – Она поняла, что Чаша предсказаний попала к ней неслучайно. Во-первых, у нее бывают видения, но она способна их контролировать. Таких упорных, чтобы не прекращались, как в этот раз, никогда прежде не было. Во-вторых, она потомок Агнес Фогг, той знахарки, с которой дружила Элизабет Элвесден…

– Той женщины, которая стала Заокраинной Ведьмой, – вставила Рыжая.

– …И это связующее звено между Мораг и подвесками.

– Значит, местонахождение подвесок сопряжено не только с владельцами браслета? – спросил Фабиан. – Ведь Агнес Фогг никогда им не владела… она просто знала Элизабет.

– Расскажи ему остальное. – Таня холодно взглянула на Рыжую. – Расскажи, как ты не дала сразу убрать подвеску.

Рыжая посмотрела на нее в ответ, готовая защищаться.

– Когда мы поняли, что у Мораг видения, я спросила, где могут быть остальные подвески. Как я и предполагала, она не назвала конкретные места. Но сказала другое: события прошлого могут оставлять след на вещах. Подвески найдутся там, где в истории браслета происходило что-то важное.

– Так вот в чем связь, – кивнул Фабиан. Его густые волосы после сна смешно топорщились. – Хотя не понимаю, почему подвеска вызывала у Мораг видения.

– И я не понимала… сначала, – сказала Рыжая. – Но потом до меня дошло. Помните, мы обсуждали, что фейри не назвали, сколько времени дается на поиски… кажется, я знаю почему. Подвеска, которая оказалась у Мораг, имела над ней власть – и не случайную… Прорицания – сила Чаши. Вот только эта сила была искажена: Мораг захлестнул вал видений, с которым она не могла справиться. Не забери мы подвеску, она бы сошла с ума.

– Подвеска проклята, – заключил Фабиан.

– Именно, – продолжила Рыжая. – Но Чаша предсказаний – всего лишь одно из Тринадцати Сокровищ… И ее новая сила не так страшна, как может быть страшна искаженная сила остальных.

– А Сердце? – усомнилась Таня. – Ничего не произошло, когда

мы его нашли, – просто лежало вместе с обычными побрякушками.

– Лежало на бархатном лотке в магазине. Поджидало, что кто-нибудь купит – и наденет. – Рыжая посмотрела на Таню. – Вот почему я вынуждала Мораг ответить: не только из-за Джеймса, но и потому, что остальные подвески, если мы не доберемся до них первыми, могут принести беды. Нам нужно отыскать их как можно скорее. Думаю, Чаша – только начало. Предвестие того, насколько опасны могут быть следующие.

– Браслет должен был принадлежать многим, – мрачно произнесла Таня.

– Я думал о том же, – сказал Фабиан. – Прошлой ночью не мог уснуть, прокрался опять в кабинет Флоренс и порылся в старых бумагах. По ним можно проследить, кому браслет переходил в семье. И еще обнаружил, что он был на Элизабет, когда ее похоронили.

– Тогда каким образом его передавали дальше? – изумилась Рыжая.

– Он снова появился в семье через сто лет. Видимо, кто-то его откопал.

– Кто-то раскапывал могилу?.. – с сомнением проговорила Таня. – Просто чтобы достать браслет? Кто мог совершить такую ужасную вещь?

– Тот, кто хотел денег, – ответил Фабиан. – Несколько лет назад Флоренс открывала дом для платных посещений, но она была не первой. Раньше в трудные времена в поместье уже пускали публику. В первую очередь всех, конечно, привлекала комната Элвесденов. И, разумеется, чем больше подлинных предметов и памятных вещей, тем больше желающих на них поглазеть. Браслет Элизабет был выставлен в шкафу-витрине вместе с другими ее вещами.

– То есть все это время он никому по-настоящему не принадлежал? – спросила Таня.

Фабиан кивнул.

– Да. По-настоящему браслетом владели только трое: Элизабет, Флоренс и ты.

– Кажется, это упрощает дело. Значит, браслет почти никогда не выносили из поместья. – Рыжая взглянула на Таню. – Ты ведь не увозила его к себе домой, нет?

Таня покачала головой:

– Я надевала его только здесь.

– Может, искать от этого и легче, но все равно опасно, – сказал Фабиан. – Лучше нам по возможности всегда держаться вместе.

– Разумнее всего сначала обшарить мою комнату, – предложила Таня. – Когда я его не носила, то хранила только тут.

Она опустилась на колени и, отодвинув ковер, приподняла расшатанную половицу. Достала из углубления обувную коробку, сняла крышку и принялась вынимать оттуда все, одно за другим.

– Никаких подвесок… – мрачно вздохнул Фабиан. – Ничего не попишешь. Можно, конечно, прочесать всю комнату, но наверняка это пустая трата времени. Браслет слишком недолго был твоим, чтобы с ним произошло что-то значительное.

– Погоди! – воскликнула Таня. – Значительное успело произойти. Обитатель стоков погиб из-за браслета. Он же просто одержимым сделался, когда я дала ему одну подвеску!

– Котел, – сказала Рыжая.

Таня встала и пошла в свою ванную комнату.

– Уорик вытащил его оттуда и собирался починить браслет. – Она наклонилась над раковиной и заглянула в сливное отверстие. – Ничего не вижу, но там темно. Как считаете, есть шанс?..

– Есть только один способ выяснить. Подождите минутку! – Фабиан выбежал из комнаты и вернулся через несколько минут, вооруженный инструментами и пустым ведром.

– Ты точно знаешь, как это делается? – с сомнением спросила Рыжая.

– Конечно. Я же видел, как делает Уорик.

Он подставил ведро и начал откручивать сифон под раковиной. Когда часть трубы была снята, в ведро потекла серая вода и слегка запахло тухлым яйцом.

– Странно. – Фабиан поднес кусок трубы к глазу. – Какой-то засор, что ли, закупорилась чем-то… – Он постучал по трубе.

– Что там? – спросила Таня. – Мыло, волосы?

– Я правда не понимаю. Но выглядит не больно-то приятно.

Фабиан энергично встряхнул трубу и тут же испуганно вскрикнул: оттуда с хлюпаньем вывалилась волна блестящей серо-зеленой слизи. Ударившись о дно ведра, плеснула – брызги попали на футболку и очки Фабиана. В воздухе разлилась отвратительная вонь – запах тухлых яиц усилился в сотню раз.

– Фу! – Рыжая попятилась. – Что это за гадость?

– Не знаю. – Фабиан снял очки, чтобы их протереть. В отличие от Рыжей, он нагнулся ближе и зачарованно рассматривал слизь. – Напоминает лягушачью икру, только икринки больше. И воняют сильнее. Но, кажется, пустые.

Он наклонил ведро, чтобы показать Тане.

– Просто избавься от этой пакости! Выброси в унитаз.

– Разве ты не хочешь узнать, что это такое?

– Нет!

Фабиан снова надел очки, поболтал ведро и вдруг судорожно вздохнул:

– Вы не поверите!

Прозвучало это так, что Рыжая все-таки подошла к ведру и, стараясь не дышать, заглянула внутрь.

Как и сказал Фабиан, в ведре было нечто похожее на лягушачью икру. Только икринки размером с виноградину, а в центре каждой, в прозрачном желе, – серо-зеленый головастик.

– Ты же вроде говорил, что они пустые?

Фабиан нахмурился и ткнул пальцем в икринку с краю:

– Так и есть… кроме одной. Вот почему я вас позвал.

В икринке, на которую показывал Фабиан, не было головастика. Вместо него в желеобразной массе лежал маленький знакомый предмет – серебряная подвеска. Котел.

– Как, черт возьми, он туда попал? – воскликнула Рыжая.

– Какая разница, – сказала Таня. – Главное – мы его нашли. Вопрос в другом: как его вытащить, не обляпавшись этой слизью с головастиками?

– Головастиками? – удивился Фабиан.

Головастики в ведре начали извиваться.

– Они шевелятся, – сказала Таня. – И то, что ты их не видишь, означает только одно – это обитатели стоков!

– Но он мертв уже несколько месяцев! – возразил Фабиан. – Откуда вдруг в твоей раковине могла появиться икра?

– Котел, – напомнила Таня. – Котел возвращает мертвых к жизни, забыл? Здесь был дом обитателя стоков, и теперь подвеска его вернула – вместе с множеством других!

Из своей липкой икринки вылупился головастик и забарахтался в ведре.

– Быстрее, воды! – крикнула Таня. – Они начинают вырываться наружу.

Фабиан поставил ведро в ванну и налил воды.

– Нужно перенести их в пруд. Вода из-под крана им не подходит.

– Лучше в ручей, – поправила Таня. – Представляешь, если они все вылупятся? Они же тут всё разорят! Расползутся по дому!

Пока она говорила, все новые и новые головастики высвобождались и извивались в воде.

В ужасе наблюдавшая за происходящим Рыжая вскрикнула:

– О, нет…

– Что?

– Один из тех, первых… у него ноги!

– Это невозможно. Должно пройти несколько недель, –

фыркнул Фабиан.

– У них ноги! Они быстро меняются – наверное, магия подвески. Нужно немедленно унести их отсюда и вытащить подвеску, иначе мы никогда ее больше не увидим! – Собравшись с духом, Рыжая погрузила руку в слизь и попыталась ухватить Котел, но взять что-то и удержать было чрезвычайно трудно. Увертливая икринка выскользнула из ее пальцев и плюхнулась назад в ведро, отчего вылупилось еще больше новых головастиков. А среди первых некоторые были уже с четырьмя ногами. Они подплывали и пытались заползти на руку Рыжей – ее затрясло.

– Дай я попробую. – Таня опустила руку в ведро.

– Скорее! – сказала Рыжая. – Они видоизменяются на глазах!

– Не могу достать – и нам надо убрать их из дома, пока все не вылупились!

– Я отнесу, – сказал Фабиан.

– Нет, ты не сможешь, ты же их не видишь.

Существа в ведре росли и начали отбрасывать хвосты. Внезапно одно из них выпрыгнуло из ведра. У него уже были огромные, навыкате глаза и зеленовато-коричневая кожа, как у амфибии. В мгновение ока оно скользнуло в сливное отверстие и исчезло.

– Нужно накрыть ведро! – ахнула Таня, в отчаянии оглядывая комнату.

Ее взгляд остановился на книге, но полностью ведро она бы не закрыла. Тогда Таня выхватила кофту из шкафа, накинула поверх ведра, обвязала его рукавами и, стараясь держать ведро ровно, выбежала из комнаты.

Быстро спустившись по лестнице, она устремилась в кухню, чтобы выйти через заднюю дверь, но приостановилась, услышав чавканье Оберона. Таня опустила ведро на пол и подошла к псу: его миска была снова полна.

– Кто тебя кормит… без конца? – раздраженно пробормотала она.

Оберон завилял хвостом и икнул.

– Думаю, с тебя хватит. – Таня поставила миску на столешницу. – Идем гулять.

Снова взяв ведро, она открыла заднюю дверь. В ведре слышался плеск и тихое, неразборчивое бормотание. Внезапно кофта разорвалась посередине – какой-то из обитателей стоков прокусил ее – сквозь дыру просунулась покрытая слизью цепкая рука. Не успела Таня ничего сделать, как из дырки появилась голова, а за ней и туловище, беглец выпрыгнул из ведра и ловко приземлился прямо в сток за задней дверью. За ним резво

попытались проскочить другие.

Таня ахнула, но тут на глаза ей попалась крышка от большой кастрюли. Схватив ее, она метнулась через порог и помчалась по саду, за калитку, к сверкающей воде рядом с лесом. Одной рукой она держала перед собой ведро, другой – плотно прижимала к нему крышку поверх кофты. В ведре происходило неистовое бултыханье, кофта насквозь пропиталась склизкой влагой. Руки у Тани ломило от тяжести. Оберон бежал рядом, почти вплотную к ведру, – он отчетливо чуял, что внутри что-то есть.

Добравшись до ручья, Таня совершенно запыхалась, ноги так ослабели, что, казалось, превратились в желеобразную массу наподобие той, что была в ведре. Таня отбросила крышку на траву и принялась развязывать мокрые рукава кофты. В ведре барахталась куча обитателей стоков, которые карабкались друг на друга и прыгали, пытаясь вырваться на свободу.

Глухой топоток Таня услышала только остановившись – с браслетом в пасти к ней приближалась лиса. Оберон зарычал, и лиса замерла. Однако, уловив знакомый запах, пес успокоился и завилял хвостом.

Крепко зажав браслет зубами, Рыжая опустила его в ведро. С легким хлопком лопнула икринка, и, когда Рыжая вынула браслет, к нему уже был прикреплен Котел. Таня быстро припрятала браслет от обитателей стоков, которые шумно рвались к блестящему предмету.

Оберон с интересом сунул нос в ведро, тут же отступил на шаг и чихнул. Ухватившись за края, Таня наклонила ведро к ручью. Поток уже полностью выросших существ с радостным визгом выплеснулся в воду, ушел вглубь и на глазах Тани и Рыжей был унесен течением.

– Несколько сбежало, – произнесла Таня. – По крайней мере двое точно попали в стоки.

– Даже не сомневаюсь: скоро окажутся в доме, – сказала Рыжая. – Но с парочкой еще как-то можно управиться. А с целым ведром – исключено.

Они вернулись в поместье. Таня убедилась, что на горизонте все чисто – Рыжая могла зайти без риска. Оберон в кухне тут же подбежал к своей миске.

– Кто его постоянно кормит? – вскипела Таня. – Как ни посмотрю на него – каждый раз ест. И вот опять, а я ведь совсем недавно убрала миску!

– Может быть, Нелл, – тихо сказала Рыжая. Из-под кухонного стола виднелись только ее передние лапы.

– Уж точно не я. – Возмущение не оставляло Таню. – Но не

может же миска сама наполняться?

– Или может… – У Рыжей мелькнула страшная мысль. – Вытряхни корм!

– Что?

– Вытряхни, просто опрокинь миску.

Таня перевернула миску. Коричневые шарики градом посыпались на пол. Таня поставила пустую миску рядом, и – прямо на их глазах – она снова наполнилась кормом. До самых краев.

– Блюдо, – сказала Рыжая. – Тот, кому досталась его сила, никогда не останется голодным. Думаю, мы нашли еще одну подвеску.

– Ты считаешь, она у Оберона?

– Есть только один способ выяснить. Где пес?

Таня выглянула в сад. Пес улизнул после того, как она отняла у него миску.

– Оберон? – крикнула она. – Нигде не видно… Оберон!

Сбоку от двери показался длинный коричневый нос. Мгновение спустя появилось и все остальное – Оберон пробирался бочком, с виноватым видом. За ухом у него застрял кусок картофельной кожуры. Поджав хвост, он прошмыгнул мимо хозяйки и подбежал к своей миске.

– Где же подвеска? – обеспокоенно спросила Таня. – Думаешь, он ее проглотил? И как тогда ее достать?

– Нет, не проглотил. – Рыжая, все еще наполовину в лисьем обличье, вытянула из-под накидки руки и одной стала поглаживать большую голову Оберона и почесывать его за ушами, чтобы он успокоился.

– До чего же дико выглядит! – Таня засмотрелась на руки, торчащие будто бы из шеи лисы.

Второй рукой Рыжая расстегнула на добермане ошейник и передала Тане:

– Вот и подвеска.

Посередине ошейника был прикреплен маленький серебряный диск. Блюдо.

– Один в один его жетон с именем, – сказала Таня. – Только гравировки нет. Я бы никогда не заметила…

– Никто бы не заметил. В том-то и дело. Если бы ты не обратила внимания, что Оберон много ест, он бы просто ел и ел, пока… ну…

– Пока не умер, – яростно прошептала Таня. – Как ты догадалась, Рыжая?

– Дневники. У Элизабет Элвесден был кот, помнишь? И она прицепила ему к ошейнику подвеску. Такое ощущение, что

история браслета повторяется, только в искривленном виде.

Рыжая вынула браслет из кармана и поднесла к ошейнику Оберона. И вновь подвеска сама прикрепилась к браслету.

– Трех несчастий все-таки удалось избежать, – сказала Таня. – Мораг чуть не сошла с ума из-за Чаши, Котел породил, наверное, сотни обитателей стоков вместо одного погибшего, а теперь Оберон чуть не объелся до смерти. Тринадцать Сокровищ стали Тринадцатью Проклятиями.

27

На следующее утро Рыжая с трудом открыла глаза. Совершенно вымотанная поисками, она спала крепче обычного. И сейчас обрывки снов, где дети-подменыши охраняли серебряные подвески, никак не отпускали ее. Она немного полежала, закутанная в лисий мех. В доме было тихо, Рыжей показалось, что еще слишком рано и никто не проснулся, но тут хлопнула, закрываясь, входная дверь и минуту спустя заревел мотор старого вольво Флоренс. Рыжая выползла из-под Таниной кровати и ткнулась носом ей в руку.

– Не приставай, Оберон, – буркнула Таня.

– Это не Оберон, это я, – сказала Рыжая.

– Никак не привыкну к говорящей лисе, – садясь и протирая глаза, пробормотала Таня.

– Твоя бабушка уехала. Как думаешь, долго ее не будет?

Таня встала с кровати и оделась.

– Наверное, поехала в Тики-Энд за продуктами. Давай спустимся вниз и прихватим тебе что-нибудь на завтрак, пока ее нет. Не снимай накидку, вдруг неожиданно вернется.

На кухне перед плитой, на самом удобном и теплом месте, лежал Вулкан и вяло вылизывался. Учуяв Рыжую, кот прижал уши к голове и зашипел. Оберон с опаской наблюдал, благоразумно сохраняя дистанцию. Генерал также посматривал на Вулкана и – что было на него совершенно непохоже – сидел молча. Рыжая подошла ближе и тихонько зарычала. С сокрушенным воплем Вулкан вылетел из кухни, и его всклокоченный рыжий хвост исчез из виду.

– Шалтай-болтай! – Генерал сразу повеселел. – Шалтай-болтай сидел на стене!

– Что ж, какие у нас планы на сегодня? – спросила Рыжая.

– Комната Элвесденов. Мы с Фабианом отведем тебя туда, но, если бабушка вернется, тебе придется искать одной.

– Хорошая идея. – Фабиан зашел в кухню и направился прямо к шкафчику. Достал коробку хлопьев, встряхнул и попробовал насыпать себе прямо в рот. – Проблема одна: нужен ключ, которым можно открыть двери в любую комнату. Я тут недавно проверял, спальня Элвесденов заперта. Такой ключ только у отца… и у Флоренс, но вопрос, когда она вернется и смогу ли я его стащить.

– Так как же нам туда попасть? – спросила Таня.

Фабиан и Рыжая стояли озадаченные. Вдруг в кладовой послышались шаркающие шаги, и оттуда появилась Нелл. Судя

по лицу, она слышала все, о чем говорилось в кухне.

– Решили остаться, значит? Не сбежали еще? – рявкнула Рыжая.

Нелл глядела в пол, на свои шлепанцы.

– Нет, – промямлила она. – Ты права. Из-за меня тут все началось… будет честно, если я постараюсь хоть что-то исправить, помочь…

– От вас скорее дождешься вреда, чем помощи, – отрезала Рыжая.

Нелл закусила губу и взяла из-под раковины веник и совок.

– Возможно, в кладовке вы найдете то, что вам нужно, – тихо произнесла она и вышла в коридор.

– О чем это она? – нахмурилась Таня.

Фабиан поставил коробку с хлопьями на стол, вытер руки о пижаму и заглянул в кладовую. Таня с Рыжей последовали его примеру. Ряды консервных банок, бутылок – больше ничего в глаза не бросалось. А потом Рыжая увидела: на мешке с картошкой что-то лежит. Старый ключ.

– Даже не верится, – поразился Фабиан. – Нелл оставила нам свой ключ от всех дверей!

Рыжая молча смотрела, как Таня взяла ключ. Ей стало стыдно за свою грубость. Она быстро выглянула в коридор в надежде найти экономку, но та уже ушла.

* * *

Чтобы попасть в спальню Элвесденов, компания поднялась на третий этаж, где в нише висел пыльный гобелен. Перед ним, словно бульдог настороже, стояло приземистое кресло. Гобелен занавешивал дубовую дверь, за которой открывался проход на старую лестницу для прислуги. Попасть туда, кроме как из комнат, можно было только таким образом. Воспользовавшись полученным ключом, они шагнули в темноту, где их окутал затхлый воздух. При свете карманного фонарика Фабиана троица двинулась вперед, отсчитывая двери, пока не нашли ту, что вела в комнату Элвесденов.

Определенно, это была самая великолепная комната поместья. Пока Фабиан сбрасывал пыльные простыни с мебели из резного дерева, Рыжая разглядывала кровать с балдахином, пышные парчовые покрывала, ковер из меха перед камином и портрет Элвесденов над каминной полкой. Она сняла лисью шкуру и, довольная, что снова вполне чувствует себя человеком, встала перед изображенной на картине парой.

– Значит, вы Элизабет, – сказала она молодой женщине.

Элизабет с картины смотрела на нее. Тонкие руки были сложены на коленях. На запястье поблескивал браслет – художник передал его очень достоверно.

– Давайте обсудим, что у нас уже есть, – предложила Таня, опускаясь на ковер.

Рыжая и Фабиан сели рядом, и Фабиан достал свой блокнот с выписками.

– Итак, мы нашли Сердце, Чашу, Котел и Блюдо, – начал он. – Все они были связаны с прошлым браслета, и все, кроме Сердца, обладали какой-то ужасной силой. Давайте подумаем про другие подвески – может, сумеем разгадать остальную часть головоломки. Еще предстоит отыскать Маску наваждения, Кубок вечной жизни, Книгу знаний, Меч победы, Кинжал, с которого капает исцеляющая кровь, Канделябр – неугасимый свет, Ключ, отворяющий любую дверь, Посох и Кольцо невидимости.

– Если подвески при встрече с объектом проявляют свою силу не во благо, а наоборот, то мы сталкиваемся по крайней мере с одной проблемой, – обеспокоенно проговорила Таня. – Сила Кольца в невидимости, и как мы его найдем, если подвеска невидима? Как?

– Должен быть способ, – с сомнением в голосе произнес Фабиан.

– Фабиан прав, – согласилась Рыжая. – Помните, Гредин сказал, что ставятся только выполнимые задачи. «Невидимость» может просто означать, что подвеска… не на виду. В конце концов, ни одна из найденных спрятана не была – мы сразу увидели их, когда оказались в правильном месте.

– И с наваждением то же самое, – добавила Таня. – Подвеска может быть замаскирована под что-то еще, а мы не знаем, под что именно.

– Это безнадежно. – Фабиан выронил блокнот. – Мы ведь не справимся, да? Мы никогда не вернем моего отца! – Он негодующе уставился на Рыжую.

– Не смотри на меня так, – сердито сказала она. – Я не просила твоего отца мне помогать, он сам все решил. И, если ты вдруг забыл, разве не он притащил с собой браслет?

– Заткнитесь оба! – осадила их Таня. – Нет смысла препираться. Мы ничего не добьемся, если будем говорить о подвесках. Нам нужно сосредоточиться на истории браслета – это то, что приведет нас к ответам. Как с первой подвеской в магазине, не забыли?

Тихо кипя от злости, Фабиан все-таки снова взял блокнот.

– Хорошо, – сказал он. – Мы знаем, где был сделан браслет, –

так мы нашли первую подвеску. Знаем, что браслет был подарен Элизабет, когда она еще жила с мисс Кромвель, поэтому нужно проверить, существует ли до сих пор тот дом. И мы знаем, что браслет был выставлен в этой комнате после смерти Элизабет…

Он замолчал: снаружи донеслось шуршание – по гравию к дому подъезжал автомобиль.

– Флоренс вернулась. – Фабиан быстро захлопнул блокнот. – Договорим позже.

– Ну так с чего мне начать? – спросила Рыжая.

– С этой комнаты, – ответила Таня. – Браслет, безусловно, с ней связан.

– А потом?

– Просто оставайся здесь, пока мы за тобой не вернемся, – сказал Фабиан. – Возможно, придется подождать – Флоренс сейчас вся на нервах и, похоже, не хочет выпускать нас из виду.

Таня и Фабиан бесшумно вышли через дверь для прислуги, и Рыжая осталась одна. Она чувствовала себя незваным гостем в этой комнате – комнате со своей историей и тайнами. Элизабет Элвесден печально смотрела на нее с портрета. Рыжая безуспешно пыталась не обращать на нее внимания, но в какой-то момент ей в голову пришла мысль: если браслет увековечен на картине, так, может быть, подвеска спрятана как раз за ней?

Она подтащила стул к камину и взобралась на него, стараясь не думать о том, что он наверняка стоит целое состояние. Затем осторожно сняла портрет со стены. В одиночку это было трудно: картина в раме оказалась невероятно тяжелой. С горем пополам взгромоздив ее поперек кровати, Рыжая поняла, что самостоятельно повесить ее обратно не удастся – понадобится помощь Тани или Фабиана. Она перевернула картину и осмотрела обратную сторону. Пусто, никакой подвески. И даже спрятать ее негде. Холст натянут и плотно закреплен в деревянной раме.

Рыжая проверила стену, где висела картина, – нет ли какого-нибудь тайника, но ничего не обнаружила. Догадка не подтвердилась.

Следующие пару часов она прочесывала комнату: обшаривала ковры, камин, постельное белье… Пусто. Таня с Фабианом всё не шли. Ее снова начал грызть страх. Что, если предыдущие находки были просто везением, счастливой случайностью? И пусть они даже найдут двенадцать подвесок, но не найдут одну последнюю? Задача не будет выполнена.

Она накинула лисью шкуру и вышла на темную лестницу для прислуги. Нет смысла торчать здесь, пока не вернулись Таня и Фабиан. В других комнатах тоже могут быть зацепки.

В лисьем обличье чутье и слух обострились: запах плесени усилился для нее в десять раз, а уши улавливали едва слышную возню и шорохи под деревянными ступеньками. Затем сверху что-то глухо стукнуло. Цокая когтями, она поднялась по лестнице и просунула нос в чуть приотворенную дверь.

Взгляду открылся огромный чердак. Первое, что поняла Рыжая: искать тут можно неделями. За долгие годы на чердаке скопилось множество старых вещей: сундуки, зеркала, игрушки, книги, мебель – что-то сломанное, что-то просто перестало быть нужным. Все покрыто пылью, с потолка толстыми закрученными полотнами свисала паутина, похожая на разбитые люстры.

Второе, что поняла Рыжая: она здесь не одна. В дальнем конце чердака брезжило слабое мерцание – это могло быть только отблеском свечи. Рыжая сделала несколько шагов вперед, ее лисьи уши дернулись. Теперь был слышен голос, не шепот, но все-таки очень тихий. Шерсть у нее встала дыбом – говорил ребенок.

Она подобралась ближе. Слова разобрать еще не получалось, только интонацию. Забавную, певучую – так дети разговаривают со своими игрушками. Что ребенок делает на чердаке?

Рыжая пошла на голос, обходя сломанные стулья, коробки с настольными играми и пазлами. И вдруг отскочила назад: над ней маячила призрачная женская фигура. Дама в георгианском наряде простирала руки из кружевных складок. На мгновение Рыжая ужаснулась. Хотя она быстро сообразила, что это только манекен, на котором держали платье, чтобы сохранить его форму, было поздно – она опрокинула банку со стеклянными шариками, и те с грохотом покатились по деревянному полу. Голос сразу же замолк. Рыжая спряталась за манекеном.

– Кто там? – испуганно спросил ребенок.

Поколебавшись, Рыжая вылезла из своего укрытия, обогнула высокий буфет и увидела обладательницу голоса. Перед красивым, мастерски изготовленным кукольным домиком, прижимая куклу к груди, сидела девочка лет семи с широко раскрытыми глазами. При виде Рыжей страх на ее лице сменился удивлением.

– Лиса! – прошептала она. – Как ты сюда попала? Папа не любит лис.

Рыжая застыла на месте, раздумывая, отвечать или нет. Если заговорить, неизвестно, как отреагирует девочка. И все же необходимо выяснить, кто это… и что она вообще делает в доме. Таня никогда не упоминала ни о каких родственниках с детьми, никто младше ее не приезжал в поместье. И Флоренс не из тех, кто держит маленьких девочек на чердаке.

– Я не причиню тебе вреда, – тихонько сказала девочка.

Она сидела неподвижно, будто боялась, что малейшее движение спугнет Рыжую. Одета довольно старомодно: голубое платье с передником и белые чулки. Каштановые волосы завиты и перевязаны лентами. У Рыжей возникло какое-то слабое невнятное подозрение. Что-то здесь было не так. Она решила рискнуть. И спросила:

– Как тебя зовут?

Глаза девочки снова расширились, хотя Рыжая ожидала, что она удивится сильнее. Девочка тихо рассмеялась:

– Ты умеешь разговаривать! Ты волшебная лиса?

Рыжая подошла еще поближе:

– Что-то в этом роде. На мне заклятье, на самом деле я тоже девочка… как ты.

– Заклятье? А что случилось?

– Ведьма сшила накидку из лисьей шкуры, – ответила Рыжая. – Заколдованную. Она и превратила меня в лису.

Девочка подергала свой локон и сказала:

– Я знаю кое-кого, кто может превращаться в птицу.

– Правда? – спросила Рыжая. – Кого?

– Мне нельзя об этом говорить, – ответила девочка. – Она рассердится.

Рыжая замолчала. У нее мелькнула странная мысль.

– Ты говоришь, птица? – спросила она наконец.

Девочка кивнула.

– Большая черная птица?

Еще один кивок.

– Птица по имени… Рэйвен?

– Ты ее знаешь? – удивилась девочка.

– Да. – Кровь застыла в жилах у Рыжей: ее подозрения подтвердились. – Так ты, должно быть, Флоренс.

Она еще раз окинула взглядом старомодный наряд девочки, пытаясь собраться с мыслями. Фабиан недавно видел, как Флоренс вернулась домой… как же могло это видение, этот фантом очутиться на чердаке?

– Ты давно здесь сидишь? – спросила Рыжая.

Маленькая Флоренс пожала плечами:

– Давно… Кажется, целую вечность. – Она заглянула в игрушечный домик и аккуратно посадила куклу на стул за туалетным столиком. И там, на столике, внимание Рыжей кое-что привлекло. Миниатюрный серебряный кубок. Не просто кубок: в основании виднелось крошечное отверстие, за которое его следовало прикреплять. Подвеска с браслета. Кубок вечной жизни.

– Что твоя куколка делает с этим смешным старым кубком? – Рыжая старалась спросить небрежно, но сердце ее бешено колотилось.

– Прячет его, – объяснила Флоренс. – Это бесценное сокровище из пещеры контрабандистов. Но контрабандисты знают, что она его украла, и теперь охотятся за ней.

– А где остальные сокровища?

– В саду, – доверительным шепотом сообщила Флоренс. – Зарыты там, где знак «Х» появляется в два. – Она внезапно отвлеклась от своих фантазий и снова повернулась к Рыжей. – Можно я тебя поглажу? Я никогда не трогала лису.

Рыжая придвинулась ближе и, не сводя глаз с подвески, позволила Флоренс погладить себя по голове.

«Какое странное чувство, – подумала она, когда Флоренс почесала ее за ушами, – когда ребенок с тобой возится».

– Ты не такая мягкая, как наша собака, – приговаривала Флоренс. – Какая-то взъерошенная и колючая.

Она хихикнула, и Рыжая, воспользовавшись моментом, просунула морду в кукольный домик и зажала подвеску в пасти. Затем выскользнула из-под рук девочки и побежала по чердаку к выходу.

– Что ты делаешь? – тревожно крикнула вдогонку Флоренс. – Нельзя забирать подвеску… Меня будут бранить, если я ее потеряю! Подожди, вернись!

Рыжая остановилась только у подножия лестницы. От подвески во рту распространился металлический привкус. Расстегнула в темноте накидку и бросила ее на пол. Вернувшись в человеческий облик, вытащила из кармана браслет и поднесла подвеску к цепочке. Кубок тут же прикрепился, и доносившийся с чердака голос маленькой девочки смолк.

Рыжая снова осторожно прокралась вверх по лестнице и прошла по чердаку. На этот раз свеча не горела, а на закрытом кукольном домике лежал густой слой серой пыли. Рядом валялся огарок свечи, затянутый паутиной. Ни следа маленькой Флоренс и ее детских игр с куклами. Просто старый пыльный чердак, загроможденный вещами, некогда любимыми, а теперь забытыми.

Рыжая вернулась в комнату Элвесденов.

Вскоре с лестницы донесся скрип. Кто-то подходил к комнате. Времени накинуть лисью шкуру не было. Схватив ее, Рыжая нырнула под кровать и из-под свисающего покрывала уставилась на дверь. В поле зрения появились кроссовки. Таня. Со вздохом облегчения Рыжая выползла из своего укрытия.

– Успехи есть? – спросила Таня.

Рыжая подняла браслет:

– Я нашла Кубок.

– Где он был?

– На чердаке… с видением, фантомом… с твоей бабушкой в детстве.

Таня смотрела на нее в замешательстве.

– Маленькая Флоренс сняла подвеску с браслета и представляла, будто это украденное сокровище. Играла с ней в кукольном домике.

– Ты хочешь сказать, что на чердаке ее призрак? Фантом – это ведь призрак, да? Как такое может быть, если она сейчас внизу?

– Подумай, – сказала Рыжая. – Сила Кубка – вечная жизнь. Искаженная сила подвески открыла окошко в детство Флоренс и позволила ей появиться. Как только я прикрепила подвеску к браслету, фантом исчез.

– А если бы ты ее не нашла, она могла остаться там навсегда. – Таня закусила губу. – Похоже, с каждой найденной подвеской опасность сгущается. Будто они набирают мощь. – Она замолчала и оглядела комнату. – Не верится, что здесь ничего не отыскалось. Я правда думала, что с этой комнатой что-то связано.

– Я тоже. Но твоя бабушка, то есть та девочка, кое-что сказала: остальные «сокровища» зарыты в саду – она так играла. Может быть, это еще одно тайное место. В накидке я смогла бы незаметно обыскать сад.

Таня кивнула, но все еще рассеянно обводила глазами комнату.

– Значит, ты проверила картину. – Ее взгляд остановился на портрете, который стоял на каминной полке, прислоненный к стене.

– Глухо, – помотала головой Рыжая. – Мне казалось, подвеска может быть спрятана за ним.

Таня колебалась.

– А что, если… О, неважно. Глупая мысль… Пойдем отсюда.

– Погоди, – остановила ее Рыжая. – Не бывает глупых мыслей. Что ты хотела сказать?

– Одно из Сокровищ – Кольцо… которое делает владельца невидимым, – медленно произнесла Таня. – Может, мы его видим… но не понимаем, что это оно. Дашь браслет?

Рыжая протянула ей украшение. Таня подошла к камину и встала перед портретом, не сводя глаз с нарисованного браслета. Подняв к холсту настоящий браслет, она коснулась им кольца-подвески на картине.

Раздался характерный звук. Когда Таня опустила браслет, на цепочке висела шестая подвеска.

– Ты оказалась права. Кольцо было невидимым… и в то же время постоянно на виду, – тихо сказала Рыжая и положила браслет в карман. – Давай, помоги мне повесить эту штуковину на место, и пора двигать отсюда.

28

После того как были найдены две подвески, вторую половину дня Рыжая провела в саду за домом, пытаясь догадаться, где маленькая девочка могла спрятать воображаемое сокровище. В своей лисьей шкуре она рыскала по заросшему саду, не беспокоясь, что ее могут заметить. Зато сама пару раз видела, как гоблин Брансвик, напевая песенку, входит и выходит из своего маленького жилища под кустом остролиста.

Однако, несмотря на ее старания, ничего похожего на знак «Х» не попадалось. Рыжая прочесала сад вдоль и поперек, обследовала даже стволы деревьев – вдруг есть где-то засечка, осмотрела большие камни и даже землю. Безрезультатно. Если Флоренс в детстве и оставила какую-то метку, то прошло больше полувека и она явно не сохранилась. Рыжая чувствовала себя довольно глупо из-за того, что рассчитывала ее отыскать.

День был пасмурный, лишь иногда сквозь густые облака пробивались солнечные лучи. Время от времени у кухонного окна Рыжая видела Флоренс, которая смотрела в сторону леса, будто в поисках ответа. Казалось, тревога за Уорика старит ее с каждым днем.

Таня и Фабиан договорились с Рыжей встретиться, когда они поведут Оберона выгуливать к ручью. Там, где их никто не увидит и не услышит, можно было обсудить дальнейшие действия.

Рыжая подождала их под кустом рядом с садовой калиткой, и вся компания быстро направилась прочь от дома. Добравшись до ручья, они сели и стали кидать Оберону палочки, которые он исправно приносил назад. Наконец пес выбился из сил и прилег рядом с ними, тяжело дыша и высунув длинный розовый язык с налипшей травой. Рыжая с удовольствием сбросила лисью шкуру, Оберон слегка тявкнул и с интересом принялся ее обнюхивать.

Фабиан достал из-под куртки листки со своими записями и разложил на траве, прижав камнями. Очки его были чем-то заляпаны, а волосы еще больше растрепаны, чем обычно. Переживания за отца выбивали его из колеи.

– С каждой подвеской мы получаем всё новые нити, ведущие к остальным, – сказал он. – У нас есть наводки из дневников на места, где могут быть спрятаны подвески, но необходимо логически обдумать, насколько это реально.

– И насколько возможно туда добраться, – заметила Рыжая. – Настоящая проблема – лечебница, в которой умерла Элизабет… если она вообще еще существует. Как, черт возьми, проникнуть

в такое заведение?

– Нам не нужно, о том и речь, – ответил Фабиан. – На первый взгляд, это очевидное место, но я не думаю, что браслет был там хоть какое-то время. Как правило, в таких больницах не дозволяется иметь с собой личные вещи. Скорее всего, он оставался здесь, в поместье.

– Тогда, вероятно, можем вычеркнуть лечебницу из списка, – сказала Таня. – Если у нас варианты закончатся, вернемся к этому.

– Другое дело, что утраченные дневники, похоже, относятся ко времени пребывания там Элизабет, – добавил Фабиан. – Флоренс однажды рассказала, что Элизабет тайком передала дневники горничной, которой доверяла, но лорд Элвесден перехватил их и уничтожил. Однако если принять предположение, что браслет никогда не находился в лечебнице, то о пропавших дневниках беспокоиться не нужно.

– Что еще? – спросила Рыжая.

– Я выяснил насчет первого дома Элизабет Элвесден, – сообщил Фабиан. – Того, где она жила с мисс Кромвель, когда лорд Элвесден подарил ей браслет. Коттедж все еще существует. Он в деревне примерно в двадцати милях от Тики-Энда. Можно доехать на автобусе, но дорога туда и обратно займет целый день. И, конечно, нужен план, как попасть внутрь.

– Что-нибудь придумаем, – сказала Таня.

Фабиан кивнул.

– Думаю, одна из подвесок может быть в подземных туннелях – Элизабет по ним пыталась сбежать из поместья. В последней тетради, которая у нас есть, говорится, что браслет сломался и упал, когда она была там, внизу, в темноте.

– Это опасно, – напомнила Рыжая. – Или даже невозможно… я же была там, знаю. Некоторые туннели обвалились.

– Дальше – хуже, – продолжил Фабиан. – Вспомните, что было потом, после побега.

– Ну, она же вскоре умерла, так? – спросила Рыжая.

Фабиан кивнул.

– И браслет похоронили вместе с ней – последнее в его истории значительное событие, связанное с Элизабет.

Рыжая почувствовала, как у нее скручивает живот.

– Думаешь, подвеска у Элизабет в могиле, да? Нам придется ее раскопать?

– Вряд ли она будет возражать, – сказал Фабиан, хотя ему самому было явно неуютно от этой перспективы. – Она мертва уже двести лет. И если это поможет вернуть отца, я готов сделать все, что потребуется.

– Я сделаю это, – мрачно произнесла Рыжая. – Вы не должны быть замешаны. Просто скажи, где находится могила.

Фабиан посмотрел в сторону церкви.

– Сейчас идти нельзя, еще светло. Тебя увидят.

– Кто бы мог подумать, – ядовито сказала Рыжая. – Я пойду ночью.

Фабиан оставил укол без внимания.

– Могила Элизабет одна из самых пышных. Большущая каменная плита в центре кладбища, и рядом точно такая же – лорда Элвесдена. Не промахнешься.

– Ты что-то путаешь, – возразила Таня. – Летом мы с бабушкой ходили на ее могилу, там никакой плиты. Простое надгробие, и вовсе не в центре кладбища, а с краю, вон в той стороне.

– О чем ты? – фыркнул Фабиан. – Я точно знаю, где это.

– Очевидно, не знаешь. – Таня начала раздражаться. – Говорю же, я там была. Видела ее имя. Мы оставили цветы.

– Тогда пошли. – Фабиан вскочил. – Давай разберемся.

По дороге к церкви Рыжая рассказала о своих поисках в саду.

– Никакого «Х» нет. – Я все облазила, но ничего не нашла. Не представляю, как выяснить, где Флоренс хранила свои воображаемые сокровища.

– Разве что ее саму спросить, – предположил Фабиан. – Но так, чтобы она не поняла, чем мы занимаемся.

У церкви Фабиан провел их между могил к двум заросшим плющом каменным плитам в центре кладбища – точно таким, как описывал. Опустившись на колени, раздвинул плющ и показал два имени рядом: Эдвард и Элизабет Элвесден.

– Видите? – самодовольно заявил он. – Я прав!

Таня в недоумении рассматривала выбитые на камне имена.

– Это не та. Не может быть. Я же помню. Пойдемте покажу. – Она решительно направилась к краю кладбища, несмотря на протесты Фабиана.

Но Рыжая застыла, уставившись на могилу. Она узнала плиту – совершенно точно. Оглядевшись и посмотрев на церковь, она быстро обошла место кругом и вернулась туда, откуда начала. Сомнений не было. Рыжая подняла глаза, увидела, что Таня машет ей, и побежала навстречу.

– Бессмыслица какая-то, – кипятился Фабиан. – Должно быть, две покойницы с одинаковым именем!

На камне была выбита надпись: «Элизабет Элвесден».

– Вот эту могилу показывала мне бабушка. Не ту!

– Тогда чья же та? – недоумевал Фабиан. – Как у кого-то могут быть две могилы? Зачем две?

– Затем, что только одна настоящая. – Рыжая указала в сторону первой. – Не та.

– Откуда ты знаешь? – потребовал объяснений Фабиан.

– Помнишь, что я рассказывала тебе летом? – Рыжая посмотрела на Таню. – Как я пробралась в дом, когда скрывалась?

– Через могилу, – ответила Таня. – Ты говорила, что проникла в туннели через фальшивое захоронение.

– Правильно. И угадайте чье?

Все трое обернулись.

– Так посередине и есть та самая поддельная могила? – спросил Фабиан.

Рыжая кивнула.

– Имя на могиле я не запомнила, только расположение и как она выглядит. Весьма роскошно, не так, как эта.

– Эта гораздо проще, – сказала Таня.

– И вроде новее, – добавил Фабиан.

Несколько мгновений он молчал, ковыряя землю носком ботинка. Затем посмотрел на могилу, снова на кладбище, снова на могилу и в конце концов сказал:

– Заметили, что она немного на отшибе? Так далеко от церкви всего несколько могил. И вот, смотрите. – Фабиан указал на остаток раскрошившегося каменного фундамента, который тянулся вровень с землей и разделял участок. – Видите?

– Что это? – спросила Таня.

– Похоже, здесь была стена, – сказала Рыжая. – Но тогда получается, что несколько захоронений находились за пределами церковного кладбища.

– Странно, – удивилась Таня. – Не могло же на кладбище не хватить места, ведь Эдвард Элвесден умер позже Элизабет, и в любом случае земля под их могилы была отведена за годы до их смерти. Некоторые и сейчас так делают, верно?

– Понятно, почему ее похоронили за оградой кладбища, – задумчиво произнес Фабиан. – И почему надгробие новое. Так раньше поступали с теми, кого считали грешниками. Их хоронили в безымянных могилах на неосвященной земле. Думали, что Элизабет Элвесден занималась колдовством, к тому же она покончила с собой. Вот почему! Это означает, что только относительно недавно кому-то пришло в голову отметить место ее упокоения и установить надгробие. Могила на церковном кладбище – просто чтобы сохранить лицо. В то время никто бы и не узнал, что на самом деле она похоронена здесь.

– Значит, ее просто бросили в землю безымянной? – возмутилась Таня.

– Но в какой могиле находится браслет? – спросила Рыжая. –

Нам сильно повезет, если не попадемся, разоряя одну могилу, а уж две…

– Надо подумать, – сказал Фабиан. – Давайте вернемся.

Рыжая неохотно надела лисью накидку, и все отправились в поместье. Проверив, что никого нет, зашли и поднялись в комнату Фабиана.

На этот раз здесь было в разумных пределах чисто, хотя хлама вокруг еще хватало. Освобождая место для Рыжей с Таней, Фабиан смахнул все лежавшее на кровати, и на пол вместе с одеждой что только не полетело. Фабиан садиться не стал, а принялся расхаживать по комнате.

– Что ты делаешь? – через несколько минут поинтересовалась Таня. – Кроме того, что топчешь ковер?

– Тихо, – шикнул Фабиан. – Я думаю.

Он продолжил шагать взад-вперед, потом подошел к окну и остановился, глядя туда.

– Не могу придумать, как наверняка узнать, в какой могиле искать подвеску. Но, наверное, начать надо с фальшивой, потому что туда можно попасть из туннелей, а их все равно надо обследовать. Убьем двух зайцев сразу.

– Это мысль, – согласилась Рыжая. – Войти в туннели из дома, а оттуда добраться к могиле. Когда пряталась, я проложила там веревку, чтобы не сбиться с пути. Она должна остаться.

– К тому же, если идти на кладбище по туннелям, нас никто не увидит, – добавила Таня.

– Предлагаю сделать это сегодня вечером, – сказал Фабиан. – Нельзя терять времени.

За окном снова выглянуло солнце, бросив золотой луч на лицо Фабиана.

– Ладно. – В голосе Рыжей слышалось нетерпение. – Но до вечера еще есть время, нужно продолжать поиски. Чем пока займемся?

Внезапно на губах Фабиана появилась улыбка, которая становилась все шире. Его взгляд был прикован к чему -то в саду.

– Кажется, у меня есть ответ на этот вопрос.

Он поманил их взглянуть в окно. Рыжая, как и была в своем лисьем обличье, задними лапами встала на кровати, а передними оперлась на подоконник.

– Куда надо смотреть? – спросила она.

– Вон, перед альпийской горкой, – показал Фабиан. – Видите?

Обе увидели это одновременно. Тень. Тень, которую отбрасывало что-то под лучами заходящего над домом солнца. Не совсем отчетливый и чуть деформированный, но все же вполне различимый знак «Х». Две или три секунды они таращились

на него, но тут солнце скрылось за облаком и унесло тень с собой.

Не отрывая глаз от места, где был знак, Фабиан схватил будильник и сунул его Тане под нос.

– Где знак «Х» появляется в два… Который сейчас час?

– Половина третьего, – ответила Таня.

– Значит, нужное место немного не там, – заключил Фабиан. – Таня, выйди на улицу, а я буду тебя направлять. Когда окажешься там, где надо, как-нибудь отметишь эту точку, положишь камешек или еще что-то, и мы спустимся. Если сейчас отсюда уйдем, можем забыть, где это видели.

– Но что отбрасывает такую тень? – спросила Таня.

– Ты увидишь это, когда выйдешь на улицу, – сказал Фабиан.

Намек был ясен, и Таня, взяв Оберона, отправилась в сад. Через несколько минут они уже были у альпийской горки, в паре шагов от места, где появлялся знак «Х». Подняв что-то с земли, Таня посмотрела на окно. Оттуда высунулся Фабиан, который все это время не отрывал глаз от нужной точки, и жестами стал руководить Таней, показывая, что следует отойти немного назад и влево, пока наконец поднятым большим пальцем не просигналил: все в порядке. Остановившись в нужном месте, Таня положила на землю то, что подобрала раньше. Затем Фабиан и Рыжая тихонько спустились и вышли из дома. Рыжая кралась, готовая в любой момент спрятаться или убежать, если появится Флоренс, но этого не случилось, хотя, проходя мимо гостиной, они слышали, как та пеняет Генералу, обозвавшему ее выскочкой.

Таня терпеливо ждала их в саду. Она кивнула на плоский камешек, которым отметила место, и посмотрела на крышу дома:

– Это флюгер. Вот что отбрасывает тень.

Рыжая подняла глаза и увидела на фоне неба резко очерченный темный силуэт. Пересекающиеся стрелки, указывающие стороны света, образовывали знак «Х», который упоминала маленькая Флоренс. На верхушке флюгера, как ведьма на метле, сидела русалка – такая же, как на заброшенном фонтане перед домом.

– Давайте копать, – предложила Рыжая.

– Разве ты не слышала, что я сказал? – возмутился Фабиан. – Это не совсем то место, потому что время не то!

– Как же тогда точно определить где?

– Нужно ждать и надеяться, что солнце снова выглянет, – сказал Фабиан. – Если сможем проследить путь, по которому идет солнце, то, отталкиваясь от этого, определим, где оно было раньше.

– Ты только запутываешь меня, – вздохнула Таня. – В любом случае солнце-то вряд ли снова выглянет – взгляни на облака.

Фабиан, прищурившись, посмотрел на небо.

– Вроде есть просвет, и облако, кажется, движется в том направлении. Подождем, может и получиться… Иначе придется проделать все в другой день, когда будет солнечно.

Рыжей это совсем не понравилось, как и Тане.

– Я здесь всего еще несколько дней, – напомнила она Фабиану. – Каникулы почти закончились, но я не могу уехать, пока все не разрешится!

Рыжая ничего не сказала, но подумала, что особого выбора у Тани нет. К счастью, через десять минут клочковатое облако рассеялось и выглянуло солнце. Ненадолго, всего на несколько секунд, но, судя по радостному возгласу Фабиана, этого хватило, чтобы определить, как оно двигалось. Фабиан отметил другим камешком еще одно место – на небольшом расстоянии от первого, – затем вернулся назад, почесывая затылок.

– Видите, лучи двигаются не просто по прямой. Линия слегка изгибается. В общем, не помешало бы отметить еще точку, чтобы лучше очертить кривую. Но не думаю, что нам снова повезет.

Он был прав. Просвет исчез, все плотнее и темнее наползали тучи, и вскоре пошел дождь.

– Тогда просто представь эту кривую, – потребовала Рыжая.

Глаза Фабиана перебегали с одной точки на другую, затем он подобрал третий камешек и положил немного в стороне от первого.

– По моей оценке, – он дернул плечом, – это не должно быть слишком далеко… думаю, нужное место где-то в пределах метра отсюда. Одно хорошо: Флоренс закапывала свои сокровища, когда была совсем маленькой, поэтому наверняка зарыла не очень глубоко.

– Вы двое, идите в дом, – сказала Рыжая. – А я тут поработаю. Если Флоренс увидит, как лиса копается в саду, она в худшем случае меня прогонит. Застукает кого-то из вас – возникнут вопросы.

Таня с Фабианом ушли. Дождь усилился, крупные капли стекали с жесткой шерсти Рыжей. Она скребла лапами землю, вырывая траву. От дождя верхний слой почвы стал мягче, но чем глубже, тем она становилась тверже – спеклась за летнюю жару. Вскоре Рыжая вырыла несколько ям, но даже через пятнадцать минут ничего не нашла. Затем ее обостренный лисий нюх уловил характерный запах ржавой жести. Она принялась копать еще быстрее, грязь налипла на когтях. Чем глубже, тем сильнее становился запах, и наконец ее когти заскребли по металлу. И вот уже ей удалось счистить землю с маленькой жестяной коробки. Сквозь слой ржавчины виднелась надпись «Ириски с патокой

от Бизли».

Нашлась. Шкатулка с сокровищами Флоренс. Вытаскивая жестянку из ямы, Рыжая так разволновалась, что слишком поздно заметила приближающиеся шаги. От громких хлопков она едва не выпрыгнула из лисьей шкуры.

– Кыш! – раздался рассерженный голос.

Рыжая обернулась и замерла, испуганно распластавшись на земле. К ней направлялась Флоренс. Отгоняя лису, она снова хлопнула в ладоши, и ее тонкий рот скривился от раздражения.

– Пошла прочь! Ройся где хочешь, только не в моем саду! Скорей, убирайся отсюда!

Рыжая наконец поднялась, побежала через сад, а затем вокруг дома. За углом остановилась и выглянула, убедившись, что Флоренс не следит – ей трудно было ожидать, что лиса останется поблизости. Отсюда Рыжая видела, как Флоренс смотрит на разрытую землю, носком туфли спихивает комки грязи обратно в ямки, а потом, прекратив это занятие, медленно наклоняется.

– О нет! – прошептала Рыжая сама себе, когда поняла, что происходит. – О нет, нет, нет…

Поправить ничего уже было нельзя. Тихо вскрикнув от удивления, Флоренс подобрала давно утраченную коробку и понесла в дом. Лицо ее было таким ликующим и потрясенным, будто в ржавой жестянке лежало настоящее, бесценное сокровище, а не детская чепуха, не имеющая иной ценности, кроме сентиментальной.

Рыжая почувствовала, что за спиной кто-то стоит, и быстро повернулась, готовая снова бежать, – но это была Таня.

– Что случилось? Мы наблюдали у Фабиана из окна и видели, как вышла бабушка. Тебе удалось что-нибудь найти?

– Коробку. Но я не успела посмотреть, что внутри. Флоренс прогнала меня и унесла ее с собой!

– Нужно вернуть коробку. – Таня откинула волосы с лица. – Бабушке может грозить опасность, если она найдет подвеску. И тогда все плохо кончится.

– Что делать мне? – Рыжая чувствовала беспомощность и злилась на себя, что не сумела утащить коробку.

– Ты сейчас ничего не сможешь. Оставь все нам с Фабианом. Пошли к главному входу, войдем там.

Они обогнули дом, пробираясь через кусты ежевики и шиповника, а затем по хрустящему гравию двинулись к парадной двери. В коридоре разделились, и Рыжая прокралась наверх, в Танину комнату, где забралась под кровать – мокрая, замерзшая и несчастная. Теперь оставалось только ждать.

Войдя на кухню, Таня увидела Фабиана и бабушку.

– Совершенно невероятно, – говорила Флоренс. – Я вышла, чтобы прогнать лису, но мне в голову прийти не могло, что она что-то выкопала. Как странно! И подумать только: это моя старая жестянка с сокровищами. Да ведь я напрочь о ней забыла! Даже не помню, что там! Еще бы эту дурацкую штуковину как-то открыть…

– Давайте я попробую, – предложил Фабиан, что есть сил стараясь выглядеть простодушным и услужливым.

Флоренс протянула ему коробку вместе с ножом, которым соскребала налипшую грязь. Фабиан попытался открыть крышку.

– Застряла намертво. Кажется, проржавела. – Он провел ножом под краем крышки, вытащив присохшую грязь. После этого крышка поддалась, немного сдвинулась, и он снял ее эффектным движением. Флоренс налетела на коробку с жадностью сороки.

Пока она копалась в содержимом, Таня наклонилась и заглянула внутрь. Там лежали маленькие коллекционные карточки, крошечная кукла, несколько стеклянных бусин, сломанная брошь и пара ирисок в выцветших золотых фантиках. Под всем этим добром почти незаметно, тускло поблескивало что-то серебряное…

Таня переглянулась с Фабианом и легонько кивнула, подтверждая, что заметила это. Что-то длинное и тонкое… Таня стала мысленно перебирать еще не найденные подвески. Либо Посох, либо Меч.

– Брошь моей матери. – Флоренс достала из коробки сломанное украшение. – Мне очень нравилось, когда мама ее надевала. Но однажды брошь упала на пол, краешек откололся, и ее отдали мне. – Она улыбнулась уголком рта. – Забавно: что только не кажется сокровищем в детстве. А однажды я даже закопала старый браслет с подвесками – тот, что сейчас у тебя, Таня. Конечно, получила выговор, когда мама поняла, что я натворила. – Флоренс вынула одну ириску. – Мои любимые. Таких больше не делают.

У Тани уже чесались руки схватить подвеску, но внимание бабушки было полностью сосредоточено на коробке. Пытаясь придумать, как ее отвлечь, Таня бросила отчаянный взгляд на Фабиана и внезапно спросила:

– Вы слышали? Кажется, Генерал… Все ли с ним нормально?

– Я ничего не слышала, – сказала бабушка. – Впрочем, не сомневаюсь, что с ним все хорошо. Он у себя в клетке в другой комнате.

– А это что такое? – Фабиан сделал вид, что чем-то

заинтересовался, неуклюже потянулся к коробке и сбил ее со стола. Кроме броши, которую Флоренс держала в руке, почти все с грохотом раскатилось по кухонному полу. Но Фабиан промахнулся с расчетом, и кое-что упало Флоренс на колени.

– Ох, Фабиан, поосторожней! – воскликнула Флоренс, но, когда она произносила эти слова, произошло нечто странное.

Ее голос изменился с укоризненного на тоскливый. Она поднесла руку ко лбу, даже не подумав поднять ничего из упавшего. Просто уставилась в пустую жестяную коробку, пока Фабиан ползал на четвереньках, собирая все с пола.

– Возможно, некоторые вещи должны остаться в прошлом. – Ее голос стал каким-то слабым. – Не стоит зацикливаться на этом.

– С тобой все в порядке, бабушка? – обеспокоенно спросила Таня.

Фабиан, сидевший на полу за стулом Флоренс, поймал Танин взгляд.

– Я не нахожу! – одними губами прошептал он.

– Да, – сказала Флоренс. – Со мной все в порядке. Просто внезапно почувствовала себя усталой. Усталой и ужасно старой. Это исчезновение Уорика… Не знаю, как со всем этим справиться.

Таня взволновалась: никогда прежде бабушка не выражалась подобным образом. Флоренс всегда была бодрой и энергичной. Но сейчас ее плечи как-то сразу поникли, от лица отхлынула краска, и оно сделалось серым и изможденным.

Фабиан, который все еще стоял позади Флоренс, отчаянно сигнализировал Тане. Только тут стало ясно, что произошло: он пытался показать, что подвеска лежит в складках бабушкиной юбки.

– Пожалуй, пойду прилягу. Плохо себя чувствую. – Безучастно глядя перед собой, Флоренс встала из-за стола.

То, что лежало у нее на коленях, с шумом попадало на пол, но она даже не повернула голову и вышла из кухни.

– Вот! – Фабиан быстро схватил с пола крошечный серебряный предмет.

Это был Меч.

– Осторожно! – испуганно воскликнула Таня. – Ты видел, что он сделал с бабушкой?

– Да. Прямо стала сама не своя, как будто махнула рукой на все. А в чем сила Меча?

– Позволяет одерживать победу и никогда не терпеть поражения, – вспомнила Таня. – Но то, что мы сейчас видели… похоже, сила подействовала ровно наоборот. Ее лицо… и то, что она говорила… Будто полностью побеждена. Меч что-то сотворил с ее мыслями.

– Но она даже ее не носила. – Фабиан положил Меч на стол и смотрел на него так, будто боялся, что он может укусить.

– Как и маленькая Флоренс, которую Рыжая видела на чердаке с Кубком, – заметила Таня. – Разве ты не видишь? Подвески не обязательно носить или держать при себе, чтобы случилось что-то ужасное. Чем больше проходит времени, тем могущественнее они становятся!

29

Таня и Фабиан положили подвеску в чашку с солью и отнесли в Танину спальню. До этого додумалась Таня, вспомнив, что соль можно использовать, чтобы отражать магию. Дождавшись их, Рыжая сняла лисью накидку и прикрепила седьмую подвеску к браслету. Когда Таня и Фабиан рассказали, что случилось с Флоренс, ее заостренное лицо побледнело.

– Наверное, стоит проверить, как она сейчас.

Таня кивнула Рыжей и ушла.

– Мы только на полпути, – произнес Фабиан. Как и Рыжая, он уставился на проклятое украшение. – Осталось еще шесть подвесок. Что, если нам перестанет везти и мы не сумеем найти все?

– Везти? – усмехнулась Рыжая, хотя сама услышала страх в своем голосе. Она понимала, что это не скрылось и от Фабиана. – Думаешь, все, что получилось, – везение? Так подумай еще раз. Если бы фейри действительно хотели, чтобы мы не отыскали подвески, они спрятали бы их где угодно – вообще где угодно. Однако выбрали места, которые – они знали – мы вычислим.

– О чем ты?

– Все это игра, – сказала Рыжая. – Не хотели бы, чтобы мы нашли, запросто бы устроили. Так что дело не в нашем везении. Нас подталкивали как раз туда, куда было намечено, – пусть и с некоторыми препятствиями. Они хотят, чтобы мы нашли подвески, – я не сомневаюсь.

– Но почему? – Фабиан был огорошен. – Им же не нужно, чтобы мы выиграли?

– Конечно. Значит, за всем этим кроется что-то еще, что-то гораздо большее. Я пока еще не могу понять, что именно.

– Как думаешь, они правда освободят моего отца? – обеспокоенно спросил Фабиан.

Рыжая опасалась этого вопроса и потому даже обрадовалась, что за дверью раздались голоса.

– Ты точно теперь хорошо себя чувствуешь? – спрашивала Таня.

– Да-да, все в порядке. Не пойму, что это такое было.

Ступеньки заскрипели – Флоренс спускалась по лестнице. В комнату вошла Таня и, закрыв за собой дверь, произнесла с облегчением:

– Бабушка в норме. Как бы подвеска ни подействовала на нее, все уже прошло.

Дождь барабанил по окнам. По темному небу клубились грязно-серые облака, похожие на ведьмино варево.

– Когда Флоренс ляжет спать, улизнем и отправимся к могиле, – сказал Фабиан. – На подготовку у нас весь вечер. Я соберу столько фонариков и свечей, сколько смогу унести.

– А как с защитой? – спросила Таня. – Если фейри посчитают, что мы подобрались слишком близко, они могут напасть.

– Рыжая думает, они хотят, чтобы мы нашли подвески, – и Фабиан пересказал Тане недавний разговор.

– Мы все равно должны быть готовы, мало ли что, – заметила Рыжая.

Вечер тянулся, пока Флоренс не позвала на ужин. Однако ни Тане, ни Фабиану не удалось ничего протащить наверх Рыжей. Лишь в десять часов они смогли принести ей небольшую тарелку с холодными остатками еды. А вскоре Фабиан, который снова и снова просматривал выписки из дневников Элизабет, определил, где может находиться еще одна подвеска.

– Церковь! – воскликнул он, треснув кулаком по кровати, отчего Таня и Рыжая подпрыгнули.

Таня пригвоздила его взглядом:

– Тихо, идиот!

– Извини. – Фабиан поправил очки на носу. – Совершенно ясно, что какая-то из подвесок должна быть там! Там же была свадьба Элвесденов!

– Стоит проверить, если сумеем попасть внутрь, – согласилась Таня.

– И если хватит времени. Мы понятия не имеем, сколько его уйдет на туннель и могилу, – добавила Рыжая, запихивая в рот целую картофелину.

Был уже двенадцатый час, когда Флоренс в последний раз за вечер поднялась по скрипучим ступеням. Было слышно, как она дает Амосу питье на ночь, а затем возвращается к себе в комнату. Выждав еще двадцать минут, пока она уснет, троица тихонько проскользнула вниз. Таня настояла, чтобы они взяли с собой обретавшегося на кухне Оберона, и все отправились в библиотеку.

На маленькой круглой деревянной панели сбоку книжной полки Рыжая нащупала углубления. Поместив туда пальцы, она повернула руку по часовой стрелке раз и другой. Механизм щелкнул. Фабиан дрожал от волнения: он впервые увидел потайной ход в библиотеке. Перегородка повернулась, открывая узкую черную щель. Оберон с интересом протиснулся мимо Рыжей, но, учуяв дохнувшую из подземелья затхлость, шарахнулся назад и спрятался за Танины ноги.

– Трус, – пробормотал Фабиан, но его голос звучал не слишком храбро.

Рыжая шагнула в проход, включив фонарик.

– Осторожно, – шепнула она уже с каменной лестницы. – Ступеньки крутые. Если кто-то споткнется, все полетим вниз.

Следующим в образовавшийся проем вошел Фабиан, держа в зубах тонкий серебристый фонарик. Чтобы не упасть, он обеими руками упирался в сырые стены.

– Давай, Оберон, – прошипела Таня, заходя следом в тесное пространство.

Рыжая оглянулась и увидела, что из-за края полки торчит длинный коричневый нос Оберона. Пес испуганно переминался с лапы на лапу.

– Ну давай уже! – сердилась Таня. – Мы тут всю ночь торчать не будем!

– Просто оставь его! – яростно прошептала Рыжая. – У нас нет времени на это!

Раздался тихий скребущий звук – перегородка поворачивалась, и Рыжая вспомнила, что механизм недолго удерживает вход открытым. В последнюю секунду Оберон протиснулся в щель и присоединился к ним. Мысль, что его оставят, явно пугала пса больше, чем мрачный туннель.

Последний щелчок – и проход наглухо закрылся. Идти теперь можно было только вниз. Они стали осторожно спускаться – в пляшущем свете фонариков нетрудно было оступиться. Сырость и едкий запах плесени заполняли легкие.

– Смотрите внимательно, вдруг где-то здесь подвеска. – Рыжая водила фонариком то туда, то сюда, чтобы ничего не пропустить.

– По-моему, я никогда не избавлюсь от этого привкуса во рту, – с отвращением сказал Фабиан, глядя на мокрые зеленые стены. Его голос эхом отразился от них.

Спустившись, они оказались в небольшой пещере, откуда расходились четыре туннеля. Рыжая посветила на землю и довольно быстро нашла крупный камень, обвязанный веревкой, которая вела в один из туннелей.

– Идите за мной, – позвала она.

Все молча вошли в туннель и сразу почувствовали, что он ниже и теснее – места над головой оставалось совсем мало. Сгустившийся холодный воздух был похож на замерзающий испорченный суп. Оберон заскулил и поджал хвост.

Затем воздух стал еще холоднее, но свежее, и Рыжая поняла, что они добрались до подземной комнаты, когда-то служившей ей укрытием. Фабиан на мгновение приостановился, чтобы

взглянуть на старинную кровать, стол и стул.

Они быстро двинулись дальше. Пещера снова переходила в туннель – туда и тянулась размокшая веревка.

– Могила уже близко, – сказала Рыжая. – Если не найдем подвеску в туннеле, поищем на обратном пути.

По примеру Тани Рыжая теперь носила браслет в мешочке с солью, который клала в карман. Хотя ни одна из подвесок после прикрепления к браслету не проявила признаков магической силы, рисковать все же не хотелось. Несколько раз, когда луч фонарика выхватывал из темноты какой-то отблеск, Рыжая задерживала дыхание, но это оказывалось или каплей воды, или осколком давно разбитого стекла.

Подвеску заметил Фабиан.

– Вот она!

Подвеска не была засунута в какую-нибудь щель, не была присыпана раскрошившимся камнем. Просто лежала на земле прямо на их пути, метрах в трех, явно ожидая, когда на нее наткнутся. Они остановились и направили туда фонарики. Свет слегка отражался от гладкого серебра.

– Какая это? – выговорила Таня сквозь стучащие зубы.

Оберон прижался к ее ногам.

– Думаю… Канделябр. – Рыжая неуверенно шагнула к подвеске. В тот же миг ее фонарик замерцал. Она потрясла его и направила луч дальше. – Выход прямо впереди. Метров двадцать отсюда.

Танин фонарик моргнул и погас – света сразу стало меньше на треть, что было очень заметно в темном туннеле.

– Ты же вставил новые батарейки, Фабиан? – Таня встряхнула неработающий фонарик и несколько раз щелкнула кнопкой.

– Все совершенно новые, – тихо ответил Фабиан.

Затем полез в рюкзак, вытащил спички и свечу. Зажег и передал Тане.

Рыжая сделала еще шаг к подвеске. Свет ее фонарика на мгновение потускнел, но снова загорелся в полную силу. Ее дыхание участилось.

– Это не совпадение, – прошептала она.

– Ты про то, что делается со светом? – Таня дернулась: рука, в которой она держала свечу, дрожала, и капля горячего воска упала на кожу.

Рыжая кивнула и сказала:

– Возьми фонарик. Я хочу, чтобы ты прошла по туннелю и выбралась через могилу наверх. Как только окажешься снаружи, попробуй включить фонарик. Если заработает, будешь освещать нам дорогу, чтобы мы видели, куда идти.

– А что делать мне? – Фабиан больше не пытался скрыть страх.

– Оставайся там, где стоишь, и освещай Тане путь.

Таня с Обероном двинулись вперед, держась от подвески на расстоянии.

Когда они поравнялись с ней, огонек свечи уменьшился и через миг окончательно потух. Туннель впереди стал непроглядно темным.

– Иди дальше, – сказала Рыжая, надеясь, что фонарик Фабиана высветит путь до конца туннеля. Но вместо этого тени растянулись еще сильнее, и Таню скрыла тьма.

Через какое-то время она закричала:

– Я дошла, но не могу поднять плиту!

Рыжая выругалась себе под нос. Она совсем забыла, что камень очень тяжелый. Сдвинуть его было трудно, но возможно. Однако Рыжая была больше и крепче Тани, и снизу поднимать плиту было в два раза сложнее, чем сверху.

– Иди и помоги ей, – велела она Фабиану.

– А как же ты?

– Если ты мне понадобишься, то можешь вернуться, как сдвинете плиту. Иди.

Фабиан сломя голову бросился в темноту, но, когда он достиг проклятой подвески, его фонарик погас. Готовая к этому Рыжая стала освещать ему дорогу. Она слышала голоса Тани и Фабиана, но слов было не разобрать. Затем раздался скрежет – камень перемещался по камню. Секундой позже в туннель ворвалось свежее дуновение, и Рыжая с наслаждением вдохнула. Сверху донесся радостный возглас, а затем засиял фонарик. Таня и Фабиан выбрались наружу. Рыжая осталась в подземелье одна.

Собравшись с духом, она сделала еще шаг к подвеске. Та выглядела совершенно безобидной. Будто безделушка, которую кто-то обронил, – не более того. Но ведь не воображение Рыжей заставляло тени метаться по стенам туннеля. Тени удлинялись, сгущались. Еще шаг, и фонарик перестал работать. Стараясь сохранить самообладание, она сунула фонарик в карман и двинулась дальше. Подвеска была теперь в пяти шагах, но в чуть доходившем сюда свете фонариков Тани и Фабиана ее едва удавалось разглядеть.

– Ты ее взяла? – окликнул Фабиан.

– Еще нет, – крикнула она в ответ, и голос эхом отразился от стен.

Она шагнула еще раз. Сначала подумалось, что свет впереди померк, но тут прямо перед лицом у нее закружилась черная дымка – тени росли. Они вытягивались вдоль стен туннеля

и впереди, и позади, они приближались. Снова и снова ей казалось, что в тенях проступают очертания лиц… рук. Но пытаться различить что-то реальное было так же невозможно, как уловить образы стремительно летящих облаков. Рыжей стало по-настоящему страшно, она не понимала, что происходит. Медленно, очень медленно она опустилась на колени, оперлась на руки и, чувствуя, как земляной холод пробирает до костей, продолжила двигаться к Канделябру.

И тут все погрузилось во тьму.

Выбравшись из промозглого затхлого туннеля, Таня и Фабиан с облегчением вдыхали чистый осенний воздух. В небе висела луна, освещая надгробия вокруг. По сравнению с туннелем здесь, конечно, было поприятнее, но ненамного. Только Оберон казался вполне довольным – его тут ничего не смущало.

Нагнувшись над проходом в могиле, Таня просунулась туда как можно глубже и подняла фонарик, чтобы свет достиг Рыжей. Она тоже увидела, как сгустилась тьма, когда Рыжая приблизилась к подвеске.

– Там становится темнее, – пробормотала Таня. – От наших фонариков ей никакого толку.

– Я вернусь вниз. Вот, держи мой фонарик!

Но перед тем, как Фабиан начал протискиваться в узкое квадратное отверстие, они с Таней увидели, как Рыжая опустилась на четвереньки и поползла к крошечному серебряному предмету перед собой. Потом внезапно замерла и слепо вытянула перед собой руки.

– Я ничего не вижу! – закричала она. – Вы еще там?

– Мы здесь! – крикнул в ответ Фабиан. – Я иду к тебе!

– Нет! Оставайтесь наверху… Что-то происходит! Тут полная темнота! Фонарики включены?

– Они светят прямо на тебя! – в тревоге крикнула Таня. – Ты их не видишь?

– Я ничего не вижу! – Рыжая встала, повернувшись лицом в ту сторону туннеля, откуда они пришли.

Ее голос звучал тонко и отчаянно – ничего общего с обычно сухой и сдержанной Рыжей.

– Она в ужасе, – вскинулся Фабиан. – Мы должны ее вытащить!

– Это подвеска, – поняла Таня. – Сила Канделябра действует наоборот – забрала весь свет и окутала Рыжую тьмой.

Вокруг Рыжей закружились призрачные фигуры. Туманные, рваные. Одна из фигур протянула свои мутные руки и прижала их к глазам Рыжей – и Таня, и Фабиан увидели это. Фабиан

отшатнулся, но все же устоял на лестнице.

– Вылезай, Фабиан, – тихо сказала Таня. – Если кто-нибудь из нас окажется там, тени доберутся и до нас, и тогда мы ничего не сможем для нее сделать. Необходимо, чтобы она взяла себя в руки и слушала нас, а мы будем указывать ей путь.

Фабиану не потребовалось повторять дважды.

Рыжая поднесла руку к лицу, но не увидела ее. Не было ничего, кроме темноты, будто кто-то опрокинул чернильницу и содержимое заполнило ей глаза. Она нащупала стену туннеля и вцепилась в нее в поисках опоры, уже не думая, как добраться до подвески.

Вечная тьма… Неужели ей уготовано это проклятие? Никогда не увидеть свет, никогда больше ничего не увидеть? Что-то подкатило к горлу. Собственный всхлип, смешанный с криком, показался ей чужим.

– Рыжая! – во весь голос звала Таня. – Постарайся не поддаваться панике! Мы справимся! Как только ты возьмешь подвеску, все будет нормально. Поверь мне! Мы вытащим тебя оттуда.

– Как? – Едва не рыдая, воскликнула Рыжая. – Я не вижу ни на дюйм перед собой!

– Только не нервничай! – крикнул Фабиан. – Темнота тебя запутала – ты развернулась не в ту сторону. Повернись обратно и иди на наши голоса.

Рыжая повернулась, все еще держась одной рукой за стену, чтобы не упасть, и пошла вперед.

– Хорошо, – ободрял Фабиан. – Теперь тебе нужно выйти на середину туннеля. Сделай три маленьких шага вправо. – Он помолчал, пока Рыжая выполняла его указания. – Теперь опять встань на четвереньки и начинай медленно двигаться в том же направлении. Ты окажешься прямо перед подвеской.

Рыжая поползла вперед, песок больно впивался в колени и ладони. Голос Фабиана был ее единственным маяком во всепоглощающей тьме. Она пыталась отбросить все мысли и думать только о том, что он ей говорит.

– Теперь остановись, – скомандовал Фабиан. – Подвеска перед тобой! Медленно протягивай руку, и ты ее найдешь.

Рыжая похлопала по земле перед собой, осторожно, чтобы не смахнуть подвеску. Пальцы нащупали маленький холодный и твердый предмет. Одной рукой она схватила его, а другой стала шарить в кармане.

– Что ты делаешь?

– Достаю браслет. Если я смогу прикрепить подвеску…

– Нет! – крикнула Таня. – Вдруг ты его уронишь. Просто возьми подвеску и выбирайся оттуда.

Рыжая нехотя засунула браслет поглубже в карман, хотя все в ней стремилось к одному – сделать что угодно, лишь бы снова видеть. Вернуть подвеску на браслет – только это могло прекратить действие проклятия.

Она неуверенно встала, но не успела перешагнуть место, где лежала подвеска, как воздух снова изменился, стал тяжелым, бешеными порывами принялся закручиваться вокруг нее. И это был не просто воздух… это были тени, яростно сопротивляющиеся тому, чтобы ее отпустить…

– Рыжая, продолжай идти! – закричала Таня. – Тени повсюду вокруг тебя, не мешкай, иди дальше, к нам, ты уже близко!

Вцепившись в фонарик до боли в руке, Таня светила прямо на Рыжую. Фабиан, взяв свой, тоже освещал путь, по которому, пошатываясь и слепо раскинув руки, она брела к ним. Вокруг, обволакивая ее, сгущались тени, с каждой секундой метавшиеся все быстрее.

– Перед тобой ступеньки! – предупредил Фабиан.

Рыжая споткнулась и упала на холодный камень. Вся тяжесть падения пришлась на запястье. От боли она даже вскрикнула, но все-таки не выпустила подвеску, зажатую в кулаке. Едва сдерживая слезы, Рыжая взбиралась по ступенькам, лица уже касался свежий воздух, шедший снаружи. И вот ее подхватили, вытащили из дыры, перевернули на спину, и она легла на мокрую траву – самая черная ночь в ее жизни не рассеивалась.

Таня разжала ее кулак, стараясь не прикасаться к подвеске. Она посмотрела в глаза Рыжей – темные, пустые, невидящие. Зрелище ужасало, и Таня взмолилась про себя, чтобы проклятие было разрушено, как только подвеска окажется на браслете.

Фабиан вытащил из кармана Рыжей мешочек, осторожно достал из соли браслет и провел им над Канделябром. В тот момент, когда подвеска с тихим щелчком повисла на месте, Рыжая ахнула, и глаза ее прояснились.

Одновременно из прохода в туннель, как лава из вулкана, вырвался огромный шипящий смерч и со свистом пронесся мимо них. Танины волосы взметнулись вверх. Смерч клубился в небе, а затем стал развеиваться и опускаться, оседая в темных щелях и уголках церковного кладбища. Тени вновь стали просто тенями.

Рыжая лежала на спине, то ли смеясь, то ли плача, Оберон радостно облизывал ей лицо, а Таня и Фабиан с облегчением смотрели на них. Темно-синее небо было затянуто облаками, и в прогалах пробивался свет только самых ярких звезд.

В общем-то, обычная картина, но Рыжей она казалась

прекрасной. Минуту она позволила себе понаслаждаться ею. Затем встала, выбросила из головы мысли о поражении и уязвимости и повернулась к Тане с Фабианом:

– Готовы искать следующую подвеску?

30

Фальшивое надгробие, скрывающее проход в туннель, окаймлял каменный цоколь, на котором, на небольшом расстоянии от земли, и лежала плита. Плита состояла из трех частей, под средней из которых и находился лаз. Будь плита цельной, никто не смог бы ее поднять. Под остальными частями была лишь земля. В надежде найти еще подвеску Таня, Рыжая и Фабиан с замиранием сердца ковырялись в зазоре между цоколем и плитой, тщательно просеивая грязь, палые листья, мертвых насекомых и мышей.

– Напомните, какие подвески осталось отыскать? – Фабиан вставил ветку в щель. – Может, получится как-то подготовиться… ну, понимаете… чего ожидать.

– Ты о том, с какими еще проклятиями мы столкнемся? – уточнила Рыжая.

Фабиан кивнул.

– Посох, придающий силу, Кинжал, с которого капает кровь, способная залечить любую рану, Маска наваждения, Ключ, который открывает любую дверь, даже в другие миры, и Книга знаний.

Таня пропустила между пальцам горсть земли.

– Не думаю, что что-то найдется на кладбище.

– Ну, одно ясно, – хмуро заметила Рыжая. – Тут ничего нет.

Отряхнув колени от грязи, она выпрямилась, глядя на дальний конец кладбища.

– Подвинем плиту на место? – спросила Таня.

Рыжая покачала головой:

– Надо оставить лаз открытым на случай, если придется быстро убегать.

Она направилась от центра кладбища к настоящей могиле, показав Тане и Фабиану, которые неохотно плелись следом, на две тяжелые лопаты, прислоненные к сторожке.

– Почему бы тебе не посмотреть, удастся ли попасть в церковь? – сказала Рыжая Тане, когда Фабиан принес лопаты.

Ее предложение не вызвало у Тани восторга, но все же это было лучше, чем смотреть, как раскапывают могилу Элизабет Элвесден. Она исчезла за углом церкви. Рыжая и Фабиан стояли, уставившись в землю.

– Давай я уберу траву, – наконец произнес Фабиан. – Можно снимать ее отдельными пластами, чтобы потом вернуть на место.

– Как с дерном поступают? Хорошо.

Фабиан принялся за дело, кусок за куском отделяя

небольшие квадратные пласты травяного покрова. Земля была влажная, и работалось легко. Когда он расчистил достаточно, Рыжая тоже взялась за лопату, и они начали копать.

– Даже не верится, что мы этим занимаемся, – пробурчал Фабиан. – Знаешь, мы ведь можем сесть в тюрьму.

– Сначала пусть поймают. – Рыжая отбросила в сторону лопату земли.

Вскоре они углубились на три фута. И чем глубже копали, тем меньше говорили – нервозность брала свое. Вскоре вернулась Таня.

– Кажется, я нашла способ проникнуть внутрь. – Она старательно отводила взгляд от могилы. – Там за углом в одном из узких окон нет стекла. Только сетка, но ее легко сорвать. Думаю, у нас все получится. На подоконнике бутылки со скипидаром и всякое в таком роде – наверное, это кладовка. Взрослому в такое окно не пролезть, а я, скорее всего, смогу.

– С церковью попробуем в последнюю очередь, – сказала Рыжая.

Таня отошла и села немного поодаль, рядом с другой неосвященной могилой.

– Не знаю, как вы выдерживаете, – вздохнула она. – Когда откроете гроб, я не решусь заглянуть.

– Да там почти ничего не осталось, – пустился в объяснения Фабиан. – Только прах и кости. Процесс разложения происходил гораздо быстрее, когда…

– Спасибо, – перебила Таня. – Не надо мне сейчас уроков естествознания.

Фабиан захлопнул рот и продолжил копать. Когда он глубоко вонзил лопату в землю, неподалеку раздалось что-то вроде громкого урчания. Рыжая прервала работу.

– Это в чьем-то животе?

Фабиан выразительно посмотрел на Оберона, который сидел на краю могилы и заглядывал внутрь.

– Не в моем. Наверное, в животе того обжоры.

– Он не обжора! – сердито начала Таня. – У него просто хороший аппетит…

Звук раздался снова, на этот раз громче и чуть иной – как будто что-то тряслось и дребезжало.

– Что это такое? – удивился Фабиан.

Теперь они услышали другой звук – скрип, похожий на стон, рядом с местом, где сидела Таня. С криком она вскочила на ноги:

– Это доносится… снизу!

Земля по всему кладбищу дрожала, шевелилась, смещалась со скрипом. Сквозь нее пробивались корни, сонмы извивающихся

подземных обитателей – черви, жуки, многоножки, слизни выползали наружу. Рыжая стряхнула червяка с ноги и попятилась. Что-то склизкое попало ей под руку, когда она попыталась ухватиться за край могилы, и, подскочив, она отшвырнула это в сторону.

– Что происходит? – прошептал Фабиан. – Как будто что-то изгоняет все из-под земли!

В ту же секунду они узнали ответ – Таня пронзительно завопила, и ее вопль разнесся по кладбищу. Что-то длинное и бледное вырвалось из земли и обвилось вокруг Таниной лодыжки, не давай ей сойти с места. Рыжая схватила фонарик и резко направила на Таню, еще не понимая, с чем она борется. Но, разглядев, Рыжая выронила фонарик.

– Скажите мне, что это не рука? – закричал Фабиан. – Или, точнее, не рука скелета?

Но это была именно она. С криком отпихнув удерживающие ее жуткие кости, Таня освободилась и бросилась бежать. Из другой могилы тоже вырвалась рука и стала хватать воздух перед ней. Таня увернулась, но сразу столкнулась еще с одной.

Рыжая открыла рот, чтобы крикнуть ей, но тут земля под ними задрожала.

– Бежим! Немедленно! – Вылезая из могилы, Фабиан потянулся за Рыжей, но та не двинулась с места.

– Мы рядом с подвеской! Это единственное объяснение – она точно в могиле! Нельзя сейчас уйти!

– Ты спятила! – заорал Фабиан. – Нельзя оставаться! Посмотри, что происходит, – посмотри вокруг!

– Вот именно – мы близко!

Оберон взвизгнул, когда костлявые пальцы пробились из земли и задели его хвост. Испуганно скуля, пес кинулся к Тане.

Под ногами Рыжей что-то заскреблось, раздались скрежет и постукивание кости по старой трухлявой древесине. Она услышала, как доска поддалась и раскололась – изнутри на нее что-то нажимало… что-то, что должно было быть мертвым. Затем из земли – впервые за два столетия – в ночной воздух поднялась рука. Тонкая, цвета пергамента. На запястье, словно раненая птица, трепетали кружевные обрывки некогда великолепного погребального наряда, теперь больше похожего на паутину. Рука неистово металась в поисках опоры, которая помогла бы ее обладательнице выбраться из могилы. Рыжая стояла достаточно далеко, охваченная наполовину страхом, наполовину решимостью. Снова треск, дерево раскалывалось все больше. Из глубины вырвалась вторая рука – зажатая в кулак, и между костями сверкало что-то крошечное и серебряное.

– Ключ, – прошептала Рыжая, и волосы у нее на затылке встали дыбом, как у кошки. – Теперь все понятно.

– Что понятно?! – закричал Фабиан, уворачиваясь от костлявых рук, которые вырывались наружу уже по всему кладбищу. Но из более новых захоронений только слышались стоны и глухие удары: дерево гробов все еще было крепким, и пробиться сквозь него не удавалось. И вдруг Рыжая подумала о своих погибших родителях, покоящихся в земле.

– Ключ может открывать иные миры, – тихо произнесла она. С пришедшим осознанием ее страх развеялся. – Подвеска открыла мир мертвых, привела нас к ним, а возможно, даже их к нам. Мы не должны их бояться.

Таня запрыгнула на большую, высоко расположенную квадратную плиту и смотрела оттуда на кладбище, словно с каменного острова, окруженного акулами.

– Как можно не бояться, когда нас хватают… мертвецы? – Фабиан взвизгнул, едва не попавшись в очередной раз.

– Именно поэтому. Они мертвы, – просто произнесла Рыжая. – Ничего больше. Оглянитесь, посмотрите на их имена. Посмотрите, как они умерли. – Она повернулась и прочитала надпись с ближайшего надгробия, находившегося в пределах церковного кладбища. – «Томас Гудфеллоу, умер в 1907 году в возрасте тридцати шести лет. Он отдал свою жизнь, спасая другого». Это не злые духи и не вурдалаки, пришедшие за нами. Они были обычными людьми, такими же, как мы. Не нужно их бояться – ведь именно этого добиваются фейри. Расчет был, что мы испугаемся и убежим, но как бы не так!

Рыжая наклонилась и, решившись, нежно коснулась сжатой руки скелета, холодной и гладкой. От прикосновения кисть, словно цветок, раскрылась – на ней лежала подвеска. Рыжая стиснула зубы: подвеска зацепилась за тонкую косточку, и ее было не взять. Мгновение она озадаченно смотрела, но тут же вспомнила и, достав браслет, коснулась им мертвой руки Элизабет Элвесден. Щелчок – и подвеска вернулась на свое законное место.

Как только воссоединение произошло, проявления жизни покинули мертвых. Руки и ноги скелетов – и даже один череп с торчащими клочками волос – опустились обратно в могилы, стремясь снова обрести покой. Остался лишь один скелет, чья рука лежала в руке Рыжей.

– Покойся с миром, Элизабет, – тихо произнесла она.

Еще миг скелет не двигался, а затем отступил обратно в землю, подобно улитке, скрывающейся в своей раковине.

– Ты смелая, Рыжая, – пробормотала Таня, слезая с плиты, где

спасалась.

– Они были обычными людьми, – повторила Рыжая, глядя на браслет. – Вот и всё.

– Я еще думаю, что ты чокнутая, – сказал Фабиан со сдержанным восхищением. Он спихнул комок земли на прежнее место и огляделся. – Почти все разворошено. Надо хотя бы попытаться навести порядок.

– Да, – согласилась Рыжая, выбираясь из могильной ямы, где до сих пор стояла. Она положила браслет в кожаный мешочек, взяла лопату и стала кидать землю обратно. Таня и Фабиан обходили кладбище, возвращая на место большие комья земли и вывернутые пласты дерна. Когда могила Элизабет была полностью засыпана, они накрыли ее кусками дерна – закончив тем, с чего начинали.

Рыжая была совершенно вымотана, она взмокла от работы, одежда прилипала к телу. Таня и Фабиан выглядели немногим лучше. Грязь, которую Фабиан размазал над верхней губой, походила на дурацкие усы. Дрожащая от холода Таня с тоской поглядывала в сторону поместья.

– Идите оба домой, если хотите, – сказала Рыжая. В ее голосе не слышалось ни обиды, ни раздражения. – Но я остаюсь. Раз уж я здесь, попробую поискать в церкви.

Таня решительно помотала головой, спутанные ветром волосы заплясали вокруг лица.

– Мы с тобой заодно.

Прилив тепла к ним обоим охватил Рыжую, в горле появился комок, но она постаралась не показать этого и хрипло произнесла:

– Тогда пошли.

Таня повела их в сторону церкви, мимо каменного колодца с помятым ведром. Они подошли к стене с узеньким окошком, о котором она рассказывала. Окошко находилось примерно на высоте вытянутой руки Рыжей.

– Думаешь, сможешь протиснуться? – с сомнением спросила она Таню.

– Наверняка, – кивнула Таня. – Попробуем.

– Сначала нужно избавиться от сетки, – сказал Фабиан.

– Угу. – Рыжая подняла лопату и черенком попыталась сорвать сетку. Дело шло туго, но, когда удалось продырявить в нескольких местах, сетка поддалась. Стоявшие на подоконнике бутылки и банки попадали на пол и разбились.

– И за это тоже нас могли бы посадить в тюрьму, – смиренно вздохнул Фабиан.

Таня сняла куртку, отдала Фабиану и повернулась к Рыжей:

– Подсади меня.

Рыжая придвинулась ближе к стене и сцепила пальцы. Таня ступила на эту опору, подтянулась, ухватившись за карниз, и взобралась на узкий наклонный выступ, с трудом сохраняя равновесие. Упершись руками в стенки по бокам оконного проема, она все-таки сумела встать уверенно. Теперь Рыжая уже ясно видела, что тоненькая фигурка Тани легко пролезет в окно.

– Дайте фонарик. – Взяв фонарик из протянутой руки Фабиана, Таня посветила внутрь. – Это кладовка. Куча бутылей и швабра с ведром. Дверь закрыта, но, может, не заперта. Я залезаю.

– Погоди. – Рыжая придержала ее за лодыжку. – Убедись, есть ли на что встать, чтобы забраться обратно, если в дверь не пройти.

Таня просунулась глубже и подняла фонарик.

– Там ничего нет… О, подождите – стул. Вроде достаточно высокий, должно получиться.

– Хорошо. – Рыжая отпустила ее ногу. – Только осторожно. Заметишь что-нибудь странное – что угодно – сразу назад.

Таня изогнулась, просунула в окно ноги и затем проскользнула вся. Рыжая с Фабианом услышали, как она спрыгнула на пол. Им было видно в окне, как перемещается свет Таниного фонарика, затем заскрипела дверь. После этого свет фонарика исчез, наступила тишина. Оберон сидел неподвижно, склонив голову набок и устремив взгляд на темный оконный проем, где скрылась хозяйка.

Рыжая и Фабиан ждали, беспокойство нарастало с каждым мгновением.

– Вдруг она что-то нашла? – спросил Фабиан. – Вдруг нашла подвеску… и теперь на ней какое-то ужасное проклятие? Как мы попадем туда, чтобы ей помочь?

– Она не дотронется, если увидит, – ответила Рыжая, хотя сама в душе тревожилась не меньше.

Таня нетерпелива, но притрагиваться к подвеске, а то и подходить слишком близко, опасно – в этом они убедились на горьком опыте. Хуже всего то, что она сейчас одна и возможности ей помочь нет.

Рыжая пару раз окликнула ее, но ответа не последовало. Фабиан нервно грыз ногти, Рыжая принялась расхаживать взад-вперед.

– Ну все, – сказала она наконец. – Я иду к ней.

– Ты не пролезешь, – фыркнул Фабиан. – Окно слишком узкое, даже я не смогу.

– Я должна попробовать. Подсади меня.

Фабиан сцепил пальцы так, как делала она, подсаживая Таню. Приподнять Рыжую у него еще кое-как получилось, но сил, чтобы ее удержать, не хватило. Она не смогла уцепиться за карниз и сползла обратно по стене, ободрав ладони и стукнувшись коленями. Вся грязь с ее ботинок оказалась на руках Фабиана.

– Что вы делаете? – раздался озадаченный голос.

– Искать тебя собрались! – огрызнулся Фабиан, когда, обернувшись, они увидели удивленно наблюдающую за ними Таню.

– Там есть боковая дверь. – Она поманила их. – С таким старинным засовом – его заклинило сначала.

С другой стороны, в узкой каменной арке, была приоткрыта деревянная, обитая железными полосами дверь. Очень маленькая дверь – свидетельство того, что церковь построена чрезвычайно давно. Только Тане не понадобилось пригнуться, чтобы войти.

Внутри было не теплее, чем снаружи. Тревога не отпускала Рыжую: если их застукают в церкви, крупных неприятностей не избежать. Одно чуть утешало – вокруг ничего и никого, до любого жилья добрых полмили. Но все равно мысль, что ее могут поймать сейчас, когда она так близка к тому, чтобы вернуть Джеймса, накаляла нервы до предела.

– Я нашла лампы, – сказала Таня. – Может, включить?

– Нет, – ответила Рыжая. – Только фонарики, и держите их низко.

Это была обычная церковь – простые деревянные скамьи и такой же простой алтарь с кафедрой и низким длинным столом. Ничего ценного, даже подсвечники на столе медные. По-настоящему красивым было только высоко расположенное огромное витражное окно, видное из любой точки церкви. Раз или два лучи фонариков попадали на него, высвечивая яркое разноцветье витража. У стены под ним стояли строительные леса – в здании велись какие-то работы.

– Тут вообще безопасно находиться? – спросила Таня. – Что они делают с этой стеной?

– Похоже, укрепляют. – Фабиан кивнул на ящики с кирпичами. – Каменная кладка крошится, состарилась, похоже, стена постепенно разрушается.

– Даже не понимаю, с чего нам начать… – произнесла Таня, отворачиваясь от лесов.

– Если подвеска здесь, мы ее найдем, – сказала Рыжая. – Я уверена.

Они светили фонариками под скамьи, осматривали и даже ощупывали пол, ползая на четвереньках, пока не заболели коленки и не онемели озябшие руки. Становилось все холоднее.

Ночь шла на убыль.

– Наверное, надо бросить это дело, – вздохнул Фабиан. – Здесь ничего нет.

Они еще раз подошли к дальней стене с лесами, где велись работы, напоследок оглядели ее при свете фонариков и направились к двери. Внезапно Оберон метнулся назад, запрыгнул на настил и устремился мимо двух оставленных рабочими липких кружек к недоеденной пачке печенья. Жадный пес успел слопать одну или две штуки, прежде чем Таня добралась до него и обеими руками спихнула вниз. Для этого она положила фонарик на настил и уже хотела подобрать, как Рыжая заметила, *что* он высвечивает.

– Постой! – воскликнула она, не отрывая глаз от стены.

Таня проследила за ее взглядом, а Фабиан вернулся от двери.

При свете фонарика в выщербленной каменной кладке посверкивало что-то маленькое, серебряное.

– Посох, – пригляделась внимательнее Рыжая. Голос ее был тверд, хотя внутри все дрожало. – Посох силы.

Она взобралась на настил:

– Зажат между камнями.

– Сможешь его вытащить? – спросила Таня.

– В этом-то все и дело. – Рыжая легонько прикоснулась к подвеске. Виднелся только краешек длиной с ноготь большого пальца. Остальное было плотно загнано под камень. Лоб у нее покрылся испариной. – Не представляю, чем это может кончиться. Стена явно ненадежная, иначе бы не ремонтировали. Если вытащить камень, чтобы добраться до подвески, все может рухнуть.

– Посох силы в слабой стене, – мрачно заключил Фабиан.

Он тоже залез на леса и потянулся, чтобы потрогать подвеску.

– Осторожней! – рявкнула Рыжая. – Сначала надо подумать.

Она достала свой нож и провела кончиком лезвия по краям камня. Даже от легкого нажатия шов в кладке начал крошиться, и мелкая пыль осыпалась на доски.

– Непрочный, – определил Фабиан. – Можно выскрести и в два счета вынуть камень.

– С подвеской-то несложно, – размышляла Рыжая. – Прикоснемся браслетом, и она сразу к нему прикрепится. Проблема в том, что времени почти нет. Как успеть унести ноги, если стена рухнет? Может убить.

– Не убьет, если действовать быстро, – сказала Таня и рассеянно дала Оберону еще одно печенье, хотя не собиралась этого делать. – Леса на какое-то время удержат стену – хватит, чтобы прицепить подвеску и убежать.

– Рискованно, – заметила Рыжая.

– Но другого варианта нет, – возразила Таня. – Послушай, я быстро бегаю. Давай я сделаю. Если на пути к двери ничего не будет, понадобится всего несколько секунд.

Все трое посмотрели вниз, оценивая расстояние от лесов до выхода. План Тани выглядел реальным.

– Только живо! – Рыжая передала мешочек с браслетом Тане.

Они с Фабианом слезли и пошли к двери, убирая все, что могло помешать на дороге, – оставленные рабочими инструменты и несколько досок.

Таня стояла на нижнем уровне лесов. Бросив взгляд на дверь, она достала браслет и приложила его к выступающему краешку подвески. Когда Посох прикрепился, она осторожно отвела руку, чтобы подвеска целиком освободилась из щели. Камень сдвинулся, и посыпалась мелкая порошкообразная пыль.

– Готово! – крикнула Таня, крепко сжимая браслет в руке и спрыгивая с настила.

Когда ее ноги коснулись пола, раздался тяжелый глухой удар – камень отделился от стены и упал на помост. Еще до того, как упал второй, Таня была уже на полпути к выходу.

Фабиан широко распахнул дверь, чтобы Таня могла выбежать. Но едва она оказалась в безопасности на улице, как Оберон, не в состоянии забыть о несъеденном печенье, проскочил в дверь и ринулся к лесам. Несколько каменных блоков вывалились из стены, ударились о доски и с грохотом слетели на пол.

– Оберон, НЕТ! – закричала Таня и, прежде чем Рыжая или Фабиан успели ее остановить, кинулась обратно в церковь.

– Таня, уходи оттуда! – завопил Фабиан. – Ты погибнешь!

Схватив злополучное печенье, Таня изо всех сил швырнула пачку в сторону выхода, пригибаясь, когда сверху снова посыпались обломки камней. Печенье приземлилось за дверью, и выскочивший следом в тот же миг Оберон не мешкая принялся его поглощать.

Но Тане не удалось выбежать столь же стремительно. Она была всего на полпути к двери, когда часть стены обвалилась, съехала по лесам и рухнула на пол перед ней. Наверху образовалась дыра, вокруг которой все продолжало сдвигаться и обваливаться. Через несколько секунд стена рухнула. Витраж разбился вдребезги. Почти добравшись до двери, Таня вскрикнула: сверху донесся ужасный, зловещий скрип. Рыжая и Фабиан беспомощно молили Таню бежать, но она застыла, подняв голову.

– Бегите! – выдохнула она. – Прочь от двери! Крыша…

Если она и договорила, Рыжая с Фабианом ее не услышали –

все заглушил грохот, похожий на раскат грома. Часть церковной крыши обрушилась, перекрыв им доступ к двери и замуровав Таню.

– ТАНЯ! – закричал Фабиан, бросаясь вперед.

Рыжая перехватила его.

– Окно! – прошипела она.

Они помчались вокруг церкви, мимо полуразрушенной стены, к окну, через которое Таня пролезла сначала. Сложив ладони рупором, Фабиан орал: «Таня! Таня!» К нему присоединилась Рыжая, а Оберон, до которого внезапно дошло, что хозяйка пропала, принялся отчаянно лаять.

Никакого ответа.

Рыжая с трудом приподняла Фабиана, чтобы он заглянул в окно. Оберон безостановочно лаял. Рыжая не пыталась заставить пса замолчать – его лай мог бы немного ободрить Таню… если она еще способна слышать. Повозившись с фонариком, Фабиан посветил в окно.

– Сколько же пыли, – прохрипел он, закашлявшись. – Таня!

– Я больше не могу тебя держать, – прокряхтела Рыжая. – И мы не знаем, крепкая ли эта стена…

– Я ее вижу! – вдруг воскликнул Фабиан. – У двери в кладовку, на полу! – В его голосе прозвучало подавленное рыдание. – Она… она не двигается. Таня, очнись… пожалуйста!

Силы Рыжей иссякли, и она опустила Фабиана. Он звал и звал Таню, пока Рыжая растирала затекшие руки. Ответа по-прежнему не было. Изнутри снова донесся грохот. Церковь разрушалась все больше.

– Времени нет, – сказал Фабиан. – Даже за помощью не сбегать – все может рухнуть в любой момент.

– Наверное, она просто без сознания. Будь у нас хоть немного воды, чтобы плеснуть на лицо… это могло бы привести ее в чувство.

– Вода… – повторил Фабиан. – Колодец!

И он кинулся бежать в направлении кладбища. Тянулись минуты, лай Оберона превратился в скулеж, из церкви снова послышались глухие удары – стены заскрежетали и колыхнулись. Наконец появился Фабиан с ведром воды из колодца.

Собрав последние силы, Рыжая еще раз подсадила Фабиана к окну. Сейчас это было еще труднее – в руках он держал полное ведро. Выливающаяся вода ледяными струйками стекала по лицу и шее Рыжей. Примерившись как можно точнее, Фабиан плеснул воду в окно, выронил ведро и закричал:

– Она шевельнулась! Таня! Таня! Вставай!

– Фабиан? У меня болит голова… – прозвучал хриплый голос.

– Нет, не ложись, ты должна встать, сейчас же!

Послышалось шарканье – и сразу приступ кашля.

– Голова кружится… – Голос Тани был слабым.

– Конечно, кружится, – в панике не сдержался Фабиан. – У тебя огромная рана на лбу и… Ой!

Рыжая укусила его за ногу:

– Идиот! Не говори ей про раны!

– Ну, на самом деле все не так уж плохо, – забормотал Фабиан. – Просто царапина. А теперь влезь на стул и возьми меня за руку.

Стул проскрипел по полу, что-то стукнуло. Рыжая охнула от тяжести, когда Фабиан двинулся и переместил вес.

– Спокойно, – сказал он Тане. – Попробуй еще раз. Просто делай все медленно.

– Медленно, но побыстрее… – процедила Рыжая сквозь стиснутые зубы. Волосы лезли ей в глаза, и, что гораздо хуже, Фабиан почти сидел у нее на голове. С крыши послышался тревожный треск. – Поторопитесь!

– Получилось, – проговорил Фабиан. – Теперь держись за меня. Хорошо!

В окне показались голова и плечи Тани, ее руки обвились вокруг шеи Фабиана. Она выглядела ужасно. Лоб действительно был страшно рассечен, лицо в крови.

– Меня мутит, – простонала она. – И так больно…

– Пусть тебя стошнит, если нужно. – Фабиан старался, чтобы его голос звучал бодро. – Но только если очень-очень нужно.

Рыжая больше не могла держать их.

– Я отпускаю, не дай ей расшибиться!

Фабиан выскользнул из ее рук, и Таня упала на него сверху. Когда она переваливалась через окно, шершавый камень, порвав ей кофту, разодрал кожу так, что Таня снова вскрикнула.

Рыжая с Фабианом, как могли, приподняли ее, оттащили от стены и поволокли прочь от церкви и дальше через кладбище. Оберон бежал рядом.

Они остановились только для того, чтобы закрыть вход в туннель – никто из них не хотел возвращаться этим путем. Пока Рыжая и Фабиан устанавливали плиту на место, Таня, пошатываясь, побрела за ограду кладбища, где ее стошнило на траву. Хотя передний фасад церкви был цел, с другой ее стороны раздался чудовищный грохот – это окончательно рухнула стена.

Грязные, растерзанные, потрясенные, они вышли с кладбища и направились в поместье. Забрезжил рассвет, небо по краям окрасилось розовым. Ночь кончилась.

31

Рыжая обрабатывала раны Тани в ванной. Фабиан топтался в дверях, отказываясь идти спать. Через окно просачивался бледный солнечный свет. Если бы не их грязные, окровавленные и осунувшиеся лица, могло показаться, что происходившее ночью не более чем дурной сон.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Рыжая.

– Лучше. – Таня подняла руку и потрогала повязку, которую Рыжая сделала, разорвав чистое белое полотенце Флоренс.

– И выглядишь лучше, – сказала Рыжая. – Хотя порез глубокий. Надо бы показать врачу.

– Но это значит, что придется все рассказать бабушке.

Рыжая помедлила.

– Понимаю. И… думаю, пришло время ей узнать. Обо всем. Потому что это становится слишком опасным.

– Но она запретит нам искать подвески, – запротестовал Фабиан. – А надо найти еще три.

– Вам она может запретить, – спокойно ответила Рыжая. – Но не мне, потому что я ухожу.

Таня подняла глаза, а Фабиан открыл рот, чтобы что-то сказать, но Рыжая продолжила:

– Я не думаю, что последние три подвески здесь. Они наверняка в местах, которые мы обсуждали: в старом доме Элизабет и в пабе «Дорожный разбойник». Я побываю там сегодня.

– То есть две, – сказала Таня. – А как же третья?

– Думаю, я знаю, – хмуро произнесла Рыжая. – Но пусть вас это не волнует.

– Рыжая? – тихо спросила Таня. – Когда ты вернешь Джеймса, что ты будешь делать? Куда пойдешь? Ты так долго была в бегах… Как все будет, когда тебе придется заботиться о Джеймсе? Ты не сможешь продолжать такую жизнь. Что, если вас снова отправят в детский дом?

– Не отправят, – отрезала Рыжая. – Ни меня, ни Джеймса. Я найду, как нам исчезнуть. Может быть, прибьемся к каким-нибудь странствующим артистам, найду работу… будем все время в пути. Не знаю, что-нибудь придумаю… Но в детский дом я не вернусь никогда.

Оставив без внимания обеспокоенные взгляды Тани и Фабиана, Рыжая пошла в спальню, вытащила свой рюкзак из-под Таниной кровати и начала методично проверять его содержимое.

Фабиан последовал за ней:

– Уходишь прямо сейчас?

Она кивнула, перекинула лисью шкуру поверх рюкзака и еще раз проверила браслет.

– Сяду на первый автобус.

– Тогда тебе надо уточнить, как добираться, – тихо сказал Фабиан и вышел из комнаты, оставив Таню и Рыжую вдвоем.

– Значит, прощаемся, – сказала Таня.

Рыжая неловко потерла нос.

– На какое-то время. – Она попыталась улыбнуться. – Возможно, не навсегда. Кто знает? Когда мы станем старше и обо мне забудут, может, тогда будет безопасно нам снова встретиться.

Вернулся Фабиан и протянул Рыжей исписанный клочок бумаги и свернутую десятифунтовую банкноту из своей копилки.

– Вот. Тебе нужны деньги на автобус. Коттедж находится дальше, поэтому лучше сначала отправиться туда, а в «Дорожный разбойник» наведаться на обратном пути.

Прищурившись, Рыжая пыталась расшифровать каракули Фабиана.

– Я знаю эту деревню, – медленно произнесла она. – Кнук… Там живет моя тетя… где именно, не вспомнить, я была там давно. То есть раньше она там жила, сейчас – не знаю.

– Тетя? – удивилась Таня. – Разве у тебя есть родственники? Летом ты говорила, что тебе некуда идти.

– Это правда. Она единственная. Младшая сестра мамы, Примроуз. То есть Роуз – она настаивает, чтобы ее так называли. Она самая странная в семье. Я с ней не особо много общалась, хотя она мне нравилась. Родители почему-то не хотели, чтобы я ее навещала. Когда они погибли, я надеялась, что она возьмет нас с Джеймсом к себе. Но к тому моменту, как из детского дома с ней связались, было уже поздно.

– А не стоит ли попробовать? – сказала Таня. – Если бы ты зашла к ней… возможно, она смогла бы помочь.

– Возможно. – Уверенности в голосе Рыжей не было.

Она кинула последние вещи в рюкзак и наполнила в ванной фляжку. Пока из-под крана наливалась вода, глянула в зеркало над раковиной. Красные от недосыпа глаза, худое, осунувшееся лицо. Вихры по-мальчишески торчат в разные стороны. Наконец она застегнула рюкзак и закинула на плечо. Пора было уходить.

Таня и Фабиан смотрели с крыльца, как Рыжая вышла за ворота поместья на грунтовую дорогу. Вскоре ее уже не было видно.

– Думаешь о том же, о чем и я? – тихо спросила Таня Фабиана.

– Если ты о том, что мы не бросим искать подвески, то да, – с чувством произнес Фабиан. – Я не могу сидеть просто так, когда моего отца держат в плену, – мы должны действовать.

– Тогда надо идти, пока бабушка и Нелл не проснулись. – Таня дотронулась до головы. – Как только они это увидят, игра окончена.

– Возможно, она уже окончена, – сказал Фабиан. – При Рыжей я не стал говорить, но, когда заходил к себе, чтобы уточнить дорогу до коттеджа Элизабет, обнаружил, что мои записи лежат не так, как раньше. Кто-то в них порылся.

– Пойдем прямо сейчас, чтобы нас никто не остановил, – предложила Таня.

Фабиан кивнул.

– Если поедем сразу в «Дорожный разбойник», то должны найти подвеску к тому времени, как появится Рыжая. Дождемся ее и узнаем, получилось ли у нее в коттедже.

– И все ли с ней хорошо, – закончила Таня. – А потом пусть все-таки объяснит, где, по ее мнению, последняя подвеска. Чтобы мы могли искать вместе.

Первый автобус до Кнука отправлялся сразу после восьми. Времени в запасе хватало, и Рыжая пошла до Тики-Энда пешком, чтобы заодно сэкономить денег. Посидела пять минут в автобусе, пока тот стоял на остановке, а когда тронулся – задремала, весь следующий час то просыпаясь, то снова погружаясь в сон. Когда наконец автобус дополз до Кнука, она пробормотала водителю «спасибо», вышла и зашагала вперед, надеясь, что идет правильно.

В деревне мало что могло бы привлечь приезжих. Кое-что выглядело даже постарше, чем в Тики-Энде, однако здешние обветшавшие строения по большей части были коттеджами, а магазинов и гостиниц, благодаря которым преуспевал Тики-Энд, явно недоставало. Остановившись у питьевого фонтанчика, Рыжая сверилась со схемой деревни на стенде и прикинула, в какую сторону двигаться дальше.

По ошибке она свернула не туда, долго возвращалась, но в конце концов оказалась в Сорочьем переулке, который искала. У нужного ей дома не было номера, только название. Фабиан предупредил, что за столько лет оно могло поменяться, но, по крайней мере, на старых картах только этот коттедж стоял обособленно. Остальные по переулку или были сдвоенными, или жались друг к другу, располагаясь в ряд.

– Коттедж «Жимолость», – бормотала она себе под нос. – Где же ты?

Рыжая еще не прошла половины переулка, как все вокруг стало казаться знакомым. У одного дома ее внимание привлек маленький пруд с уродливыми садовыми гномами, у другого – облезлые качели. Она вспомнила, что в последний раз, когда их видела, они были ярко-синими, свежевыкрашенными, теперь же краска облупилась. Рыжая знала эту улицу. Уже бывала здесь раньше. В окне позади качелей шевельнулась фигура, дернулась занавеска. Опустив голову, Рыжая пошла дальше. Воспоминания всколыхнулись в ее голове: ей пять или шесть лет, она едет по этой самой дороге в родительской машине и болтает ногами на заднем сиденье.

– Час, и мы уезжаем, – говорит отец. – А если попросит, чтобы Роуэн осталась ночевать, объясни, что у нас планы.

– Но ты же знаешь, она все равно продолжит просить. – Мама бросает на Роуэн досадливый взгляд. – Она всегда так делает.

– Тогда и мы продолжим говорить «нет», – отвечает отец. – Ей пора понять.

– Почему я не могу остаться у тети Примроуз? – рассеянно спрашивает Роуэн. Она только что увидела двух детей на садовых качелях. Так здорово, ей ужасно захотелось покачаться, но машина проезжает мимо, и детские мысли переключаются на что-то следующее.

– Роуз, дорогая, – поправляет мать. – Ей не нравится, когда ее называют Примроуз, помнишь?

– О да, – говорит Роуэн. – Мне нравится тетя Роуз. У нее рыжие волосы, как у меня.

– Конечно, ты можешь остаться у тети Роуз, – отвечает мама. – Только не сегодня. Как-нибудь в другой раз.

– Ты всегда так говоришь, – канючит Роуэн. – Мне нравится ее дом. Нравятся все ее животные. Почему мы не можем тоже кого-нибудь завести?

Отец что-то бормочет, но ей не слышно.

На этом воспоминание закончилось, и Рыжая остановилась на небольшом расстоянии от единственного коттеджа, стоявшего в стороне от остальных. Коттедж был точно таким, каким запомнился ей много лет назад. Деревянная калитка, выкрашенная в бордовый цвет, и в конце каменной дорожки такая же бордовая дверь. Белые стены, которые в тени кустов и деревьев, окружавших дом, казались почти голубыми. Табличка на двери, разрисованная знакомыми красными ягодами – в саду они росли повсюду, – с названием: «Рябиновый коттедж». Это был дом тети Роуз.

Рыжую пронзил страх. Сколько она себя помнила, ее тетя жила здесь, и, оказывается, это был дом Элизабет Элвесден.

За невероятным совпадением не могло не крыться нечто большее. Браслет привел ее именно сейчас и именно сюда не просто так.

Все занавески были раздвинуты, но Рыжая не осмелилась постучать в дверь. Ей нужно было как-то проникнуть незамеченной, а ведь даже неясно, дома ли тетя. Она рискнула и, проскользнув в калитку, обошла дом. С той стороны сад отгораживала вторая калитка, побольше, из кованого железа. На ней висела еще одна табличка: «Осторожно! Злые собаки, коза и гуси!»

Роуэн громко выругалась. Не из-за собак, а скорее из-за гусей, которых держала тетя. В детстве она очень боялась этих зловредных птиц, которые при каждом удобном случае щипали ее до синяков. Вглядевшись в заросший сад, в дальнем конце она увидела двоих – большого белого, которого звали Борис, и другого серого – кажется, Тибальта, который азартно гонял по траве маленькую коричневую утку.

Ближе к дому, рядом с сараем, что-то жевала старая серая коза с одним рогом. К счастью, она была на привязи.

Собак не было видно, и, подняв щеколду, она поняла, что их нет ни в саду, ни в доме – иначе бы уже залаяли. Судя по всему, Роуз повела их гулять, что давало прекрасную возможность попасть в дом. Рыжая прокралась в сад, тихонько закрыв за собой калитку. Она не волновалась, что ее заметят, – сад был закрыт от взглядов соседей. Нырнув под бельевую веревку, направилась к задней двери. Та, конечно, была заперта, но Рыжая не растерялась. Прошла по саду, заглянула под коврик, под горшки с растениями – повсюду, где тетя могла прятать запасной ключ, однако так и не нашла.

Позади раздалось шипение, Рыжая обернулась: к ней вразвалочку приближался толстый белый гусь.

– Вали отсюда, Борис! – буркнула Рыжая и попыталась увернуться, но птицу это не смутило. Быстро ущипнув ее за ногу, гусь отступил и загоготал, будто смеялся.

– Думаешь, смешно, ага? – Пока Рыжая яростно растирала голень, у нее возникла чудесная идея. – Давай-ка посмотрим, покажется ли тебе *это* забавным!

Она сняла с плеча рюкзак и вынула лисью накидку. Затем, надежно спрятав рюкзак под ближайшим кустом, надела ее и застегнула, позволив наваждению вступить в силу. Результат не заставил себя ждать и был очень приятным. Припомнив все нападения гуся, Рыжая не удержалась и даже немного потявкала.

При виде лисы Борис снова загоготал, на сей раз от страха, и поспешно ретировался в другой конец сада. Тибальт, который закончил преследовать утку и уже готовился тоже атаковать

Рыжую, молниеносно передумал. Только коза невозмутимо жевала что-то белое, подозрительно похожее на панталоны. Довольная собой, Рыжая уселась посередине лужайки, но тут вспомнила, зачем сюда пришла. Нужно было попасть в дом.

В этот момент она услышала, как открывается боковая калитка, и ее осенило. Лисье обличье – идеальное решение, Роуз никогда ничего не заподозрит. Рыжей требовалось лишь сыграть на жалости своей тети.

Из-за угла дома показались тяжело дышащие, набегавшиеся на прогулке собаки и, увидев лису, залились лаем.

Поначалу застывшая от страха, Рыжая быстро сообразила, что собаки на поводках и тетя удерживает их, как бы сильно они ни рвались. Роуз появилась в поле зрения через мгновение после собак, бледное заостренное лицо было нахмурено – она пыталась понять, из-за чего переполох.

– Да что с вами такое… – начала Роуз и осеклась, заметив съежившуюся на лужайке лису. – Тихо, мальчики! – приказала она, привязывая поводки к водосточной трубе.

Рыжая отвернулась и захромала, как она надеялась, убедительно.

– О, бедняжка! – услышала она огорченный голос Роуз и приближающийся звук шагов.

Рыжая еще несколько раз переступила лапами и упала на траву, закрыв глаза. Роуз опустилась рядом на колени, от нее пахло духами – лавандой, а еще немножко псиной. Рыжая почувствовала, что ее укутывают во что-то мягкое и пушистое – тетя сняла с бельевой веревки полотенце.

Рыжая тихонько заскулила.

– Тише, сейчас-сейчас, я не сделаю тебе ничего плохого, – успокаивающе журчала Роуз, ловко поднимая ее.

Одной рукой она мягко держала лису, а другой шарила в кармане. Затем послышался звон ключей и звук отпираемой двери. Они были в доме.

Роуз куда-то бросила ключи. Приоткрыв глаза, Рыжая увидела, что они лежат на кухонной столешнице, а рядом умывается пухлый кот. Ее окутало давно знакомым запахом: тут вечно пахло собаками и рыбой от кошачьего корма. В доме в первую очередь заботились об обитающих здесь животных, и странным образом этот запах был успокаивающим. На Рыжую снова нахлынули воспоминания: как однажды жарким летом она впервые попробовала тут коктейль из газировки с мороженым (ясное дело, с кошачьей шерстью); как в саду за домом, еще совсем крохой, плескалась в тазу для мытья посуды (вместе с веселым щенком); как Роуз читала ей в гостиной (разумеется,

истории про животных). Ни одного неприятного чувства. И в который раз она задумалась, почему же родители так недолюбливали Роуз.

Роуз отнесла ее в гостиную и положила на ковер перед дровяной печью. Развернув полотенце, осторожно провела руками по лисьей шубке Рыжей, слегка надавливая, – проверяла, нет ли где ран и повреждений. Когда она наклонилась ближе, длинные рыжие волосы защекотали лисий нос.

– Вроде никаких травм, – пробормотала Роуз. – Как странно… если только не отравление. Боже мой, может, и правда.

Она снова завернула Рыжую в полотенце, вышла из комнаты и, вернувшись с ключами, обеспокоенно сказала:

– Я ненадолго. Схожу за ветеринаром. Он поможет, ты поправишься, уверена!

Несколько секунд – и Рыжая услышала, как открылась и закрылась входная дверь. Она осталась в доме одна.

В мгновение ока она вскочила, сбрасывая с себя лисью шкуру. План сработал лучше, чем предполагалось. Теперь надо было искать подвеску – лишь бы тетя не вернулась в неподходящий момент.

Хотя дом стоял на большом участке земли, он был одноэтажным, и Рыжая прекрасно помнила, где и как тут все расположено. Кроме обоев и кое-какой мебели, мало что изменилось. Кухня, гостиная, спальня плюс крошечная ванная, пристроенная позже. Во времена Элизабет ее не было, только уборная во дворе, так что Рыжая решила не осматривать ванную, а сосредоточиться на остальной части дома.

Кухня похожа на кухню в поместье Элвесден, просто меньше. Потолок и дверные проемы низкие, вдоль всего потолка темные балки. Рыжая порылась в шкафах и выдвижных ящиках – повсюду бесчисленные банки с кормом и пособия по уходу за домашними животными, наклейки с благотворительных акций и счета от ветеринаров. На стенах фотографии в рамках: множество питомцев и еще несколько детских фото самой Рыжей, сделанных до рождения Джеймса. После этого они с тетей почти совсем не виделись. Все фотографии почему-то развешаны криво, под разными углами.

Кот лениво посмотрел на нее со столешницы, затем потянулся, встал и повернулся спиной. Лежал он, оказывается, на ворохе нераспечатанных писем. Внезапно Рыжая вспомнила, как тетя не любила вскрывать письма – ей вообще не нравились любые контакты с миром вне ее маленького мирка в окружении животных. У нее даже не было телефона. «Неудивительно, что в детском доме столько бились, чтобы с ней связаться», –

с раздражением подумала Рыжая.

Она вышла из кухни, пройдя под железной подковой, прибитой над дверным проемом. Такие были тут над всеми дверями, и в памяти Рыжей всплыли слова Роуз, что это на удачу.

В тетиной спальне стояла кровать, заваленная подушками, на которых дремали две кошки. Над кроватью косо висела еще одна фотография. На узкой каминной полке теснились безделушки, и Рыжая их внимательно рассмотрела. Посередине, между ними, располагалась еще одна ее фотография, примерно лет в шесть. Рамку в подарок для Роуз склеила она сама – из палочек от леденцов. Когда она приподняла ее, с тыльной стороны вывалилась еще одна карточка, слетела вниз и упала в пустой камин.

Собственно, камин был не совсем пуст, хотя и вычищен. В углу, куда не удалось дотянуться щеткой, осталась небольшая кучка пепла. И в ней лежала крошечная почерневшая маска. Не раздумывая, Рыжая вытащила ее из пепла и потерла пальцами. Под сошедшей сажей проступило серебро. Маска наваждения. Рыжая полезла в карман, дрожащими руками достала браслет и, присоединив подвеску, засунула его обратно в мешочек, затянутый тесемкой. Она нашла то, что искала. И все прошло легко – несравнимо с прежними подвесками, – но от этой *легкости* Рыжей стало еще *тяжелее*. Она подняла фотографию из камина и потянулась за рамкой, откуда та выпала. И только сейчас потрясенно рассмотрела снимок.

Совсем молодую Роуз сфотографировали на больничной койке. Усталую и изнуренную, с буйным облаком рыжих волос. На руках у нее был крошечный малыш. Однако выглядела Роуз не счастливой, а встревоженной и потерянной.

Рыжая медленно задвинула снимок назад, за свое фото, не зная, что думать. Она поняла, что наткнулась на какую-то тайну из прошлого тети, но не представляла, что же могло произойти. Мать никогда не говорила ничего о ребенке Роуз, однако фотография не оставляла сомнений: ребенок был. И Роуз всегда любила детей. С малышом что-то случилось?

Рыжая повернулась, чтобы уйти, но заколебалась. Грызущая неизвестность не отпустит, если хотя бы не попытаться разобраться, что же произошло в жизни Роуз. К тому же в голове потихоньку стучала ужасная мысль. Рыжая подошла к встроенному шкафу рядом с камином. Открыла и, не обращая внимания на то, что от висящей на вешалке одежды отдает псиной, посмотрела на верхнюю полку, где среди полного беспорядка виднелась коробка и кучка потрепанных книг. Достала коробку, сняла крышку и обнаружила небольшую стопку

детской одежды. Сердце бешено колотилось. В этом было что-то жуткое. Детская одежда, и никакого ребенка…

Закрыв крышку, снова поставила коробку на полку, но задела при этом книги. Две верхние соскользнули, она поймала их и остолбенела, увидев названия. Первая – «Защита от маленького народца». Вторая – «Обереги: способы защиты от магии».

– Не может быть, – прошептала Рыжая, недоверчиво листая книги. – Этого просто не может…

Она остановилась на странице с загнутым уголком.

Фейри можно отвадить от вашего дома, если держать в нем железные предметы, применять нужные травы и цветы (см. стр. 122) и продуманно использовать соль. Существуют и несколько менее действенные способы, как то: развешивание картин и зеркал под углом, что предотвращает желание фейри там поселиться.

– Криво развешанные фотографии, – сказала Рыжая и взяла другую книгу. «Естественная защита от всех видов фейри», – прочитала она заголовок на странице, *заложенной конвертом.*

Оборониться от нежелательного внимания маленького народца помогут доступные растения, препятствующие, как известно, фейри.

– Ясень, – прочитала вслух Рыжая. – Лавр, ежевика, гвоздика, чеснок, липа, рябина, сандаловое дерево, гамамелис… – Ее взгляд задержался на слове «рябина», затем скользнул ниже, где под заголовком «Растения, которых следует избегать» шло перечисление: колокольчик, бузина, наперстянка, боярышник, первоцвет (иначе примула или примроуз)…

– Роуэн? Это… это ты?

Рыжая резко обернулась, выронив книгу. В дверях стояла тетя Роуз и смотрела на нее как на привидение. На ней все еще было пальто, а в руках ключи.

– Не понимаю… что… что ты здесь делаешь?

– Я… – Рыжая осеклась, судорожно соображая, как дать объяснение или сбежать. Она была загнана в угол и даже лисью шкуру по глупости оставила в гостиной. Какая ирония: она нашла Маску наваждения, а свое наваждение использовать не могла.

– Я… оставила раненую лису в гостиной, – прошептала Роуз. – Ветеринар уехал на экстренный вызов… А теперь там только меховая накидка… и ты здесь. Это была ты, да? Это наваждение. Почему?

Рыжая помотала головой, чувствуя тошноту. Она ничего не понимала: ее тетя тщательно скрывала, что знает о фейри и наваждениях. Скрывала так долго, а теперь все всплыло.

– Я… кое-что искала, – с трудом выговорила она.

– Что? – взмолилась Роуз, все еще застыв в двери. –

Не понимаю. Что ты искала?

– Подвеску, – сказала Рыжая. – Просто крошечную подвеску…

Роуз посмотрела на выпачканные в саже кончики пальцев Рыжей, и по ее лицу пробежала тень.

– Ты о той маске, да? Она просто появилась однажды, из ниоткуда. Я поняла, что это должно быть как-то связано с… ними, и пыталась от нее избавиться. Сначала выбросила в мусорный ящик. Она вернулась. Потом кинула в ручей… Но она снова оказалась в доме. Я надеялась, что огонь избавит от нее навсегда… но, очевидно, нет. Зачем она тебе нужна? Где она?

– В безопасном месте, – прошептала Рыжая. Она не могла отвести взгляд от своей тети, от женщины, которую, как ей казалось, знала. – И тебе не нужно спрашивать почему. Так будет лучше.

– Тебя ищут, Роуэн, – печально сказала Роуз. – Это правда, что ты забрала тех детей? Зачем?

Рыжая ничего не ответила.

– Моя маленькая рябинка… Что с тобой случилось?

– Не догадываешься? – горько произнесла Рыжая. Она кивнула на книги о фейри. – Неужели это правда так сложно? Почему ты не сказала мне, что видишь фейри? Ты наверняка знала, что я тоже их вижу! Почему ты не рассказала мне об этом, о том, как защититься? Держала все при себе, вместе с другими твоими секретами. О, не смотри так удивленно! – Ее гнев достиг точки кипения. – Я нашла фотографию и детскую одежду. Мне известна твоя тайна. У тебя был ребенок, так? И, думаю, я уже догадалась, что с ним произошло – то же, что и с моим братом, пока мы были в детском доме! Его похитили, да? Похитили фейри!

Роуз прижала руку к горлу, как будто ее ужалило ядовитое насекомое.

– Джеймс… Ты говоришь, его похитили… они?

– Да, – со злостью ответила Рыжая. – И с тех пор я пытаюсь его вернуть. Но, может быть – только может быть, – если бы ты научила меня тому, что знаешь, или хотя бы озаботилась приехать и забрать нас раньше, сразу после гибели наших родителей, – может быть, ничего этого бы не случилось! Но ты не забрала нас!

– Так вышло… – слабым голосом сказала Роуз. – Я узнала обо всем только месяц спустя после аварии. Я была за границей, работала в приюте для животных. И вернулась к этим ужасным новостям. Хотела приехать за вами сразу, но свалилась с малярией, которая приковала меня к постели на несколько недель.

Роуз вошла и села на кровать, больше не загораживая дверь. Путь для Рыжей был свободен, но то, что она услышала, пригвоздило ее к месту.

– И я приехала за вами, за вами обоими, – продолжила Роуз, обхватив голову руками. – Только слишком поздно. Джеймс уже пропал… и ты тоже.

– Почему ты не рассказала мне о фейри? – упрямо повторила Рыжая. – Почему не сказала, что можешь их видеть?

Роуз подняла голову, ее глаза блестели от слез.

– Потому что я их не вижу.

– Считаешь, я поверю?

– Это правда. Я знаю, что они существуют, но не вижу их, по крайней мере… не так, как ты. У меня нет второго зрения.

Рыжая выдержала ее прямой взгляд.

– Тогда что все это значит? Почему ты живешь совсем одна в этом маленьком доме, окружив себя рябиной и железными подковами? Чего ты так боишься? И что случилось с твоим ребенком?

Роуз снова опустила глаза и судорожно вздохнула.

– Если действительно хочешь знать, тогда садись, и я расскажу обо всем. Пришло время тебе узнать правду.

Немного помешкав, Рыжая медленно подошла к кровати и присела на край, подальше от тети. Роуз сейчас походила на безумную: кудрявые рыжие волосы каскадом ниспадали на спину, пальцы безостановочно теребили юбку.

– Все знают, что я прошу называть меня Роуз, – начала она. – Не Примроуз, хотя это мое настоящее имя. Но никто, никто, кроме меня, не знает почему. Я поклялась унести эту тайну с собой в могилу, потому что, даже если бы кому-нибудь рассказала, мне все равно бы не поверили.

Мне всегда нравилось мое имя. До одного дня, тем летом, когда мне было семнадцать. Это был день карнавала – его проводили каждый год в середине лета. Меня выбрали королевой карнавала. В тот год его посвятили девушкам, названным в честь цветов. Разумеется, участвовали Жасмин, Лилия, две Роуз и две Вайолет[8]. Но я была единственной Примроуз[9]. Конечно, мы нарядились так, чтобы быть похожими на наши цветы. На мне было красивое желтое платье с зеленой лентой, а на голове – украшение из настоящих первоцветов.

Когда праздничное шествие двигалось недалеко от места, где мы жили, по улицам вблизи леса, я заметила юношу, который улыбался мне из толпы. У него были очень черные волосы и такие же черные глаза. Он следовал за толпой всю дорогу, пока не завершилось шествие. Потом на улице начались танцы.

Я танцевала с ним всю ночь, даже стерла ноги. Но он все равно не хотел останавливаться. И смотрел только на меня, хотя другие девушки поглядывали на него в надежде на танец. Ночь прошла как сон, у меня кружилась голова.

Я спросила, почему он выбрал меня из всех девушек. Он лишь рассмеялся и сказал, что ему нравится мое имя. *Очень* нравится, добавил он и рассказал, что первоцветы, если знать, как с ними правильно обращаться, можно использовать в магии и даже увидеть фейри.

Я подумала, что он просто дурачится или сам из странствующих цыган, которые верят в подобные вещи. И еще спохватилась, что его-то имени я не знаю. Но в ответ на мой вопрос он, рассмеявшись, сказал, что лучше мне его и не знать.

Когда я больше не могла танцевать, он взял один из первоцветов из моих волос и сказал: «На память о тебе». По глупости я спросила, что он оставит мне на память о себе. В ответ он только странно и легко улыбнулся и пошел своей дорогой.

Руки Роуз не прекращали беспокойное движение.

– После той ночи я никогда больше не видела его. И никто не видел и не знал, кто он. Но кем бы он ни был, он оставил мне кое-что на память о себе. – Подсознательно она прижала руку к животу. – Девять месяцев спустя у меня родилось дитя, крошечный малыш с огненными волосами.

– Ребенок-фейри? – прошептала Рыжая. – У тебя был ребенок-фейри?

Роуз с горечью кивнула.

– Конечно, задолго до появления ребенка я поняла, что со мной происходит, хотя что это могло изменить. Сначала я отказывалась верить, что такое возможно, но напрасно. Мое тело менялось, и с этим было ничего не поделать. Я вспоминала его странную полуулыбку, его слова о фейри. Как он был восхищен моим именем и не назвал своего. – Роуз сухо усмехнулась. – Побольше разузнав, я все поняла. Это был фейри, и он оставил меня с ребенком. Меня ужасало, что во мне растет нечто, чего я не хотела и о чем не просила. Я уже наметила планы на жизнь – собиралась стать ветеринаром. Места для ребенка там не было.

Я рассказала только своей сестре, твоей матери. Но не сказала, что отец ребенка – фейри. Да и не стоило. Она видела, как я танцевала с молодым человеком на карнавале, и сделала свои выводы.

Я была в отчаянии. Молодая, глупая, сама почти дитя. А Анна была замужем за твоим отцом уже четыре года и страстно хотела ребенка. Вот она и предложила это. Идеальное решение. Мне

надо было переехать и жить у них, никому не показываясь. Тем временем Анна притворялась бы беременной и сразу бы взяла родившегося малыша. Все прошло как по маслу. Кроме одного. Когда ребенок родился, я поняла, что совершила ошибку. Я не хотела от него отказываться. Лишь только увидев, я полюбила его… но было поздно. Я уже согласилась отдать ребенка. И знала: нарушу свое слово – разобью сердце Анны. Поэтому не нарушила… и разбила сердце себе.

– У моих родителей был еще один ребенок? До меня? – изумилась Рыжая.

Роуз покачала головой и взглянула в глаза Рыжей, зеленые глаза, так похожие…

– Нет, Роуэн, – тихо сказала она. – Другого ребенка не было. Ребенок, о котором я говорю… это ты.

Рыжая отпрянула.

– Это неправда… – прошептала она. – Скажи мне, что это не…

– Прости. – Голос Роуз сбивался на хрип. – Прости меня… Ты не должна была узнать. А если уж… то не так. Совсем не так.

– Ты меня бросила? – ошеломленно прошептала Рыжая. – Отдала меня? Как ты могла это сделать?!

– Потому что думала, что так будет лучше… – Роуз умоляюще потянулась к ней, но Рыжая отшатнулась.

– А Джеймс? – спросила она, и ее губы задрожали.

– Он их сын. Твой двоюродный брат, не родной…

– НЕТ! – выкрикнула Рыжая.

– Я добилась от них обещания, еще до твоего рождения, что сама дам тебе имя…

– Спасибо и на том! – Рыжую трясло. – Отдала меня и ждешь моей благодарности за то, что дала имя? От этого ты, что ли, сделаешься хорошей матерью? – Ее рот скривился. – Ты не моя мать! Нет! Не верю и не поверю!

Но выражение лица Роуз, лица – теперь она понимала – так похожего на ее собственное, убеждало в обратном.

– Имя Роуэн я выбрала еще до твоего рождения, – продолжила Роуз. – Оно подходило и мальчику, и девочке. Важнее всего было оберегать тебя: имя – единственный способ, который я смогла придумать для твоей защиты. Как видишь, мое имя послужило причиной всему случившемуся. Имя привело его ко мне – так ночного мотылька привлекает яркий свет. И вот теперь я Роуз. Просто обычная Роуз…

– Нет! Какая-то бессмыслица! Будь это правдой, я была бы наполовину фейри! Но этого не может быть… Я не фейри! Ведь я могу их видеть, я бы знала…

Роуз покачала головой:

– Имя создало барьер, который ограждает тебя от всего – даже от этого знания. И от тех, у кого есть второе зрение, тоже – они не видят, кто ты…

Рыжая услышала достаточно. Задыхаясь от рыданий, она кинулась к двери, выскочила во двор, схватила рюкзак из-под куста и помчалась обратно, через сад, через боковую калитку, мимо собак. Вслед ей несся отчаянный крик Роуз:

– Роуэн, вернись! Пожалуйста, вернись!

И, только выбежав за переднюю калитку, Рыжая вспомнила о лисьей шкуре. Она оставила ее, оставила свое наваждение. Разоблаченную, выставленную напоказ, бесполезную маскировку. Обман, который больше не обманет… совсем как ее настоящая мать.

Вся ее жизнь была ложью, одним большим фальшивым маскарадом. Фейри знали это и дали заключить сделку, в которой ей не выиграть. Как могут они вернуть Джеймса сейчас? Вернуть родного брата, если брата у нее никогда не было?

32

Рыжая вернулась в поместье Элвесден. Ей некуда было больше идти.

Она забыла о «Дорожном разбойнике», забыла о двух последних подвесках. Все это уже не имело значения, потому что Джеймс не был ее братом, и неважно, справится ли она с заданием, способов победить у нее нет. Поражение ждало ее еще до начала, и фейри прекрасно знали обо всем.

Рыжая не пыталась проникнуть в дом украдкой. Ни желания, ни смысла таиться не было: Таня с Фабианом наверняка уже рассказали Флоренс, что случилось с Уориком. В первый раз за все время она подошла прямо к парадному входу. Но, протянув руку, чтобы постучать, резко остановилась. Дверь была измазана чем-то мокрым и красным.

По телу пробежал холод. Она забарабанила в дверь.

Открыл Фабиан.

– Рыжая! Ты вернулась… так быстро! – удивленно воскликнул он, втащил ее внутрь, не дожидаясь ответа, и пинком захлопнул дверь.

По его напряженному голосу Рыжая догадалась: что-то случилось. Ничего не понимая, все еще оцепеневшая и ошеломленная, она пошла следом за ним.

– С Нелл совсем плохо, – захлебываясь, сообщил Фабиан. – Мы ждем врача.

В гостиной на диване лежала с закрытыми глазами Нелл, глубоко и прерывисто дыша. Таня и Флоренс стояли над ней. Флоренс держала руку Нелл поднятой и прижимала к ней полотенце, которое быстро пропитывалось пунцовой кровью.

– Рыжая! Скорей – браслет! – Слова у Тани вылетали коротко. – Нелл нашла подвеску. Кинжал. Теперь у нее не прекращается кровотечение!

Открывшаяся перед ней сцена заставила Рыжую вынырнуть из вязкого тумана собственных мыслей. Она тут же вытащила из кармана кожаный мешочек.

– Не понимаю. Как Нелл нашла Кинжал?.. Где он?

Фабиан показал на столик рядом с креслом.

– Вот. С него не прекращает… капать. – Он вздрогнул.

Под Кинжалом растекалась красная лужа. С края столика уже капало на пол, впитываясь в ковер, как разлитое вино.

Нелл открыла глаза и попыталась сесть.

– Нашла ее… для тебя, – слабо выговорила она и закашлялась. – Было непросто, но удалось. А потом почему-то

на руке открылся старый шрам… так много крови… и все хуже и хуже…

– Лучше пока не двигаться, – сказала Флоренс, укладывая Нелл обратно.

Рыжая быстро достала браслет из мешочка и покачала им над расширяющейся лужей, обмакнув в кровь. Все услышали звук, с которым подвеска прицепилась, и Рыжая сунула запачканный кровью браслет снова в мешочек.

Флоренс еще продолжала зажимать шрам Нелл, но было ясно видно, что ее щеки уже начинают розоветь.

– Фабиан, приготовь горячего сладкого чая, – попросила Флоренс. – Думаю, нам всем не помешает выпить по чашечке.

Она окинула взглядом Рыжую:

– А тебе, девочка, нужно хорошенько подкрепиться. – Покачав головой, Флоренс повернулась к Нелл и осторожно приподняла полотенце.

Под ним виднелся воспаленный багряный рубец, вся кожа вокруг была покрыта свернувшейся и засыхающей бурой кровью. Вытерев липкие остатки, Флоренс с облегчением вздохнула, осторожно отпустила руку Нелл и заботливо сказала:

– Все в порядке. Рана затянулась. Полежи еще несколько минут. У тебя был сильный шок.

Затем приложила палец к губам и жестом пригласила Таню и Рыжую выйти из комнаты, шепнув уже в коридоре:

– Ей нужно отдохнуть.

Они пошли на кухню, где Таня рассказала Рыжей, что произошло.

– Нелл нашла в комнате Фабиана записи о подвесках и сама отправилась в «Дорожный разбойник». Хотела сделать что-то, чтобы загладить свою вину перед тобой. Сняла там комнату, где грабитель прятал украденное, и сразу же обнаружила подвеску – в дымоходе, в его прежнем тайнике. Но как только прикоснулась, с Кинжала начала капать кровь… и не исцеляющая, как у сокровища фейри. Наоборот: с каждой каплей крови, падающей с Кинжала, все сильнее кровоточил ее давний зарубцевавшийся шрам.

– Так как же ей удалось вернуться сюда? – пораженно спросила Рыжая.

Таня покраснела:

– После того, как ты ушла, мы с Фабианом продолжили поиски. Мы не хотели, чтобы ты действовала в одиночку. Планировали, что найдем в пабе подвеску и дождемся там тебя. Но вместо этого наткнулись на Нелл. Тогда я вызвала бабушку, чтобы она приехала и забрала нас…

– И наконец рассказала мне, что происходит, – строго добавила Флоренс.

Фабиан поставил чайник на стол и налил всем чай. Рыжая с минуту смотрела на свою чашку, потом безучастно подняла ее и сделала глоток. Вкуса она не почувствовала.

– А что у тебя? – спросила Таня. – Ты нашла тот дом Элизабет?

Рыжая кивнула:

– Нашла и дом, и подвеску, и многое другое, кроме того.

– Например? И почему у тебя такой несчастный вид? Осталась же только одна подвеска!

– Это уже неважно, – тихо ответила Рыжая. – Все было напрасно.

– О чем ты? – удивился Фабиан.

– Все было просто игрой. Игрой, в которой я никогда не смогла бы выиграть, потому что Джеймс не мой брат. Он мой двоюродный брат. Вся моя жизнь – ложь, и фейри знали это. Они не собирались его отдавать.

– Ты говоришь что-то странное, – мягко сказала Таня. – Откуда ты знаешь, что Джеймс не твой брат?

Урывками Рыжая стала рассказывать всю историю. Таня, Фабиан и Флоренс сидели молча.

– Теперь видите? – закончила Рыжая с горьким смешком. – Я не Роуэн Фокс, и у меня нет брата. Я вообще больше не знаю, кто я.

– Ты Роуэн! – горячо воскликнула Таня. – И Джеймс все равно твой брат, хоть и двоюродный. Он рос с тобой, любил тебя – какая разница, родной он или двоюродный? Если ты считаешь его братом, значит, так и есть. И никто не может этого изменить.

– Тебе нельзя сдаться сейчас, – вступил Фабиан. – Как же мой отец? Он все еще там, и ты – его единственная надежда!

– Именно, – поддержала Таня. – Мы не можем оставить там Уорика. Ты должна попытаться – ради него и ради Джеймса. Нам просто нужно найти последнюю подвеску… Книгу знаний.

– Мне известно, где она, – тихо сказала Рыжая. – Есть только одно место, где она может быть.

– Где? – хором спросили Таня и Фабиан.

– Последнее место, где побывал браслет. Великий Двор в царстве фейри. Там, где была заключена сделка.

– Конечно же! – Фабиан треснул кулаком по столу, опрокинув свою чашку.

Рыжая посмотрела на кожаный мешочек, лежащий перед ней. В последний раз открыла его и достала браслет.

– Я это сделаю. Вернусь туда. В любом случае им уже больше

нечего у меня отнять.

И, не дав себе времени передумать, Рыжая надела браслет.

Лица Тани и Фабиана, кухня поместья Элвесден поплыли перед ней, как будто она смотрела на всех из-под воды. Все слилось в один огромный бурлящий водоворот, Рыжей казалось, что Таня ее зовет, но голос слышался откуда-то издалека. Появились другие лица, тоже размытые. Медленно они обретали четкость.

Внезапно Рыжая поняла, что стоит на коленях, глядя в мраморный пол. В ушах эхом отдавался смех, и, подняв взгляд, она увидела два знакомых трона. Двор фейри снова собрался и застыл в ожидании. На сей раз не было ни масок, ни празднества. Только она и Двор, разделенный надвое посередине, и лишь один трон занят. Второй пустовал, напоминая о других днях короной из увядших летних цветов.

Когда все окончательно стало четким, восседавший на зимнем троне встал. Рыжая встретилась взглядом с молодым мужчиной, лицо которого в ночь заключения сделки скрывала рогатая маска. Теперь на нем была корона из ягод и листьев, но оленьи рога не исчезли вместе с маской – они, как увидела сейчас Рыжая, росли из его головы. Властитель фейри улыбнулся, глядя на нее сверху вниз. Вылитый волчий или лисий оскал, улыбка хищника. Торжествующая, победоносная.

– С возвращением! – Вкрадчивый голос фейри лился мягко, словно сливки.

Рыжая поднялась, сорвала браслет с запястья и швырнула на пол.

– Вот, – яростно сказала она. – Вот подвески, ваши драгоценные Тринадцать Сокровищ! Я выполнила свою часть сделки. А теперь пришла за своим братом – и за своим другом.

Лисья улыбка стала шире и еще больше походила на оскал. Зимний король щелкнул пальцами, и гоблин-прислужник поспешно кинулся подбирать браслет. Положив украшение на пухлую бархатную подушку, он, переваливаясь, подошел к трону и так подобострастно склонился, что Рыжую замутило от отвращения.

Показной, театральный жест – и браслет уже лежал в пальцах рогатого, который стал демонстративно подсчитывать подвески.

– Всего двенадцать? – насмешливо спросил он. – Мы договаривались не так.

– Тринадцатая здесь. – Рыжая смотрела ему прямо в глаза. – У вас, где была заключена сделка. Подвеска не покидала пределы Двора.

– Умно, – сказал рогатый. – Я впечатлен.

С ошеломительной скоростью он швырнул браслет обратно ей. Инстинктивно Рыжая поймала браслет до того, как он угодил ей в лицо. Теперь на нем было тринадцать подвесок. *Книга знаний* на месте. Все собраны. Но дело было не завершено. Она знала: осталось еще одно – последнее – проклятье.

– Что произошло с моим братом? – задала она вопрос. – Куда его передали, когда похитили?

Ее переполнил гнев, когда рогатый приложил ладонь к уху.

– Я спросила: «Где мой брат?» – закричала она.

Голос Рыжей разнесся по залу, достигнув самых отдаленных темных углов. Твари, похожие на крыс и мышей, шарахнулись из своих укрытий, потревоженные ее криком.

Явно довольный, рогатый правитель расслабленно сидел на троне.

– Но ты уже знаешь ответ, – сказал он. Его глаза темнели, как два омута. – У тебя нет брата. И никогда не было.

Он рассмеялся, и Двор присоединился к нему. Гнусный и одновременно угрожающий смех сотряс воздух. Но Рыжая осталась тверда.

– Я хочу знать, что с ним стало, – повторила она. – Я заключала сделку, считая этого ребенка своим братом. И мне безразлично, что ты скажешь. Все еще в силе. Его место рядом со мной, я люблю его. А значит, он мой брат, пусть и не по крови.

Она дрожала, ожидая, что на нее обрушится ужасный гнев. Но, к удивлению, этого не произошло. Рогатый король изучал ее, наклонив голову.

– Ты действительно хочешь знать, что сталось с ребенком?

– Да, – срывающимся голосом выговорила Рыжая и в этот момент осознала, что в руках у нее все еще Книга знаний. *Книга знаний, которая отвечает на любой вопрос…*

– Привести ребенка! – взревел рогатый король.

В дальнем конце зала поднялась суматоха. Обернувшись, Рыжая увидела, как за спиральной лестницей открываются две огромные деревянные двери, оттуда выходят три стража и тащат за собой семью фейри. Их гнали вперед, к тронному возвышению, как гонят скот. Рыжая затаила дыхание. Женщина-фейри горько рыдала. Она держала на руках золотоволосого ребенка, который в ужасе прижимался к ней, уткнувшись лицом в ее шею.

Мужчина обнимал жену за плечи, пытаясь хоть как-то успокоить, но Рыжая видела, что в его глазах тоже стоят слезы. Когда семья подошла ближе и остановилась перед троном, Рыжая разглядела, что у ребенка совсем не такие уши, как у четы фейри, не заостренные. Округлые, человеческие… Женщина, преодолевая себя, поставила на пол ребенка, он повернулся, и сердце Рыжей

оборвалось.

– Джеймс? – прошептала она.

Ребенок рассматривал ее – но лишь с любопытством, не более того. Ни узнавания, ни любви не отражалось на его лице. Он был гораздо старше – лет шести, а Джеймсу сейчас должно было быть три. Рыжую захлестнула волна разочарования, гнева и негодования: неужели фейри думали, что обманут ее, выдав этого мальчишку за Джеймса?! И тут она увидела то, отчего все эти чувства обратились в пыль. Родимое пятно чайного цвета в форме рыбки на щеке ребенка… Несокрушимое доказательство того, что это Джеймс.

– Забирай его! – сказал рогатый король, широко улыбаясь. – Он твой!

– Нет! – зарыдала женщина-фейри, опускаясь на колени и притягивая ребенка к себе. Она повернулась лицом к Рыжей, ее боль была невыносимой. – Пожалуйста, не забирайте его у нас, умоляю вас!

– Мы его любим, – хрипло произнес отец-фейри. – Он наш сын… наш второй сын… первый умер! Пожалуйста. Он – наше единственное счастье…

Рыжая проглотила ком, вставший в горле. Значит, Джеймса взяли не из озорства. Он занял место ребенка, которого любили и потеряли.

– Мне жаль, – сказала она, испытывая искреннее сожаление. – Но прежде, до того как попал к вам, он был моим единственным счастьем.

Она отвела глаза от пары фейри и опустилась на колени перед Джеймсом. А потом, повернувшись к трону, вновь встретилась с торжествующим взглядом властителя.

– Ребенок старше. Сделайте его таким, каким он был.

Рогатый король развел руками, показывая, что он тут ни при чем.

– Время идет, и здесь все иначе. Я не могу отменить необратимое. Не могу вернуть время, которое прошло.

– Ты можешь сделать другое! – гневно сказала Рыжая. – Можешь создать наваждение, и он будет выглядеть младше – я не могу вернуться с ним так в свой мир!

– Как пожелаешь. – Рогатый король наклонил голову. – Когда покинете царство, все будет сделано.

Он кивнул в дальний конец зала, и там опять открылись двери. На этот раз оттуда вывели и потащили вперед одинокого заключенного в цепях. Пленник поравнялся с Рыжей, и злобным тычком его заставили встать на колени. Уорик поднял глаза, и по его взгляду Рыжая поняла, что он не ожидал увидеть ее снова.

С ворчанием страж снял цепи и отступил от стоящего на коленях Уорика.

– Вы свободны, – любезно сказал рогатый правитель.

Женщина-фейри рыдала на плече своего мужа.

Рыжая наклонилась к ребенку. Осторожно дотронулась до щеки и провела пальцами по родинке. Затем взяла его руку в свою.

– Давай, Джеймс. Пора идти домой.

Ребенок отдернул руку и, помотав головой, прижался к женщине, которую считал своей матерью. Его светлые кудри подпрыгнули, и мать-фейри заплакала еще сильнее.

– Джеймс, ну же, – взмолилась Рыжая. – Мне и так тяжело…

Она обняла ребенка и попыталась оттащить.

– НЕТ! – закричал мальчик, отпихивая ее. – Не хочу идти с тобой!

– И все-таки ты пойдешь. – Рыжая подняла сопротивляющегося ребенка на руки. Слезы застили ей глаза. – Тебе здесь не место, Джеймс!

– Я не Джеймс! – заплакал ребенок, бессильно отбиваясь от нее. – Это не мое имя! Я не хочу идти с тобой, я тебя не знаю! Я хочу к маме!

Теперь Рыжая тоже плакала, не прячась. Она поняла: слишком поздно. Джеймс забыл ее. Она для него чужая, та, что отрывает его от семьи, которую он любит. Это жестоко. Эгоистично. И она не может так поступить.

Встав на колени, Рыжая отпустила ребенка – он подбежал к матери, которая подхватила его. В замешательстве, сквозь слезы горя, она смотрела на Рыжую.

– Не могу, – сломленно сказала Рыжая. – Я не могу этого сделать.

– Почему же? – Рогатый король вскочил с трона. – Ты же этого хотела – так забирай его!

Рыжая посмотрела в его жестокое высокомерное лицо – и ей стало ясно: фейри не рассчитывал на такой поворот. Он ждал хаоса и страданий.

– Я не стану его забирать, – повторила Рыжая. И внезапно в памяти всплыли слова Роуз. Она говорила ей, что поступила так, как должно было быть лучше. Теперь Рыжая поняла. Это и есть самопожертвование. – Я не заберу его, потому что слишком сильно люблю.

Она приготовилась услышать смех и глумление Двора, но стояла тишина.

– Тогда как насчет компромисса? – лукаво предложил рогатый король.

– Компромисса?

– Да. Ты можешь остаться здесь, с нами… как одна из нас. В конце концов, ты уже знаешь, кто ты на самом деле, не так ли?

– Речь о моем настоящем отце? – спросила Рыжая. – О том, что он фейри?

Снова блеснули эти острые маленькие зубы.

– Безусловно.

Рыжая заметила недоуменный взгляд Уорика и слегка кивнула в подтверждение.

– У тебя даже будет возможность навещать ребенка, – внушал ровный голос. – Прямо здесь. И он получит все лучшее из обоих миров, а ты наконец обретешь свое подлинное место.

Его слова обожгли душу Рыжей, затронули то, что она скрывала даже от себя. «Идея остаться в царстве фейри совершенно нелепа», – собиралась ответить она еще секунду назад… пока не прозвучали эти последние слова. Это была правда. Она всегда чувствовала себя не такой, как все, а теперь нигде и никому не была своей.

– Зачем тебе возвращаться? – уговаривал рогатый король. – Только к новым печалям?

– Не слушай его, Рыжая, – встал Уорик. – Не верь ни слову из того, что говорят фейри. Они ведут свою игру!

– Но это правда. – Голос Рыжей был так же слаб, как и ее измученный дух. – К чему я вернусь? Что меня там ждет? Ничего. Только плохое. И если я наполовину фейри, тогда, может, мне стоит остаться… может, здесь я буду своей.

Уорик схватил ее и встряхнул:

– Послушай меня! Это они хотят, чтобы ты так думала! Хотят, чтобы сдалась, чтобы думала как они, чтобы стала такой, как они! Может, ты наполовину фейри, но наполовину ты человек. Твое сердце принадлежит нашему миру, а не этому… вывернутому. Есть дом, где тебе самое место, – с нами. Поместье Элвесден! Мы хотим, чтобы ты была с нами. – Внезапно Уорик отпустил ее плечи, осознав, что, возможно, сказал слишком много. – И только тебе выбирать, Рыжая. Ты должна решить, чего ты хочешь.

– Но что я скажу, если все-таки вернусь? – Слезы текли по лицу Рыжей. – Я делала такое, что не удастся просто так исправить.

– Бегством ничего не изменишь, – печально сказал Уорик. – Да, многое нелегко исправить, но это не значит, что невозможно.

– Нет! – воскликнула Рыжая. – Я не знаю как!

– Способ всегда есть, – ответил Уорик.

Рыжая посмотрела в его добрые глаза и перевела взгляд на темные, бесчувственные глаза рогатого короля. Она подумала

о Тане, о Фабиане – даже о Нелл, – о том, как они изо всех сил стремились помочь ей. Подумала о Роуз – такой одинокой, так отчаянно пытающейся искупить вину перед дочерью. Выбирать придется еще не раз. И исправлять то, что можно исправить. Но здесь этого не сделать. Сердце подсказало решение.

– Я ухожу!

– Сомневаюсь, что ты хорошо подумала. – Рогатый король уже снова расслабленно сидел на троне.

– Нет. Я действительно хочу уйти.

В первых рядах толпы появились две фигуры, которые до этого наблюдали за происходящим издалека, – Рэйвен и Гредин. Они кивнули Рыжей.

– И все же сомневаюсь, – повторил король. – Ты не слушаешь свой разум. Ты даже не понимаешь, кто ты.

Пылающий гнев Рыжей стал угасать, тлели лишь его крошечные угольки. Рогатый сиял, питаясь ее умирающей надеждой, черпая силу из ее слабости. Снова и снова она прокручивала все в уме, пока не осталось одно – единственная непреложная правда.

– Я знаю достаточно, – сказала она. – Я знаю, что мое имя Роуэн.

По залу прокатился вздох. Самодовольное выражение исчезло с лица рогатого короля.

– Рыжая, что ты делаешь? – прошептал Уорик. – Нельзя открывать им свое… – и замолчал, увидев торжествующий блеск в ее глазах.

– Это имя дала мне моя мама.

К ней возвращались силы. Теперь она понимала – понимала, что пыталась объяснить ей Роуз. Рябина… Заокраинная Ведьма, Снетчер… Наконец все встало на свои места.

– Этим именем называли меня всю мою жизнь, и только с тех пор, как похитили брата, я стала скрывать его. Но даже тогда оно оберегало меня и защищало от беды. Я победила Заокраинную Ведьму, пусть даже сама не понимая как… Зато понимаю теперь. Мое имя и то, что оно означает, не позволило Ведьме причинить мне вред. Она поплатилась за все. Я – Роуэн… и у тебя нет надо мной власти!

Последние слова Роуэн прокричала рогатому королю, который зло смотрел на нее с трона. Он ничего не мог поделать, потому что знал, как и она, что это правда.

– Вы даже прикоснуться ко мне не можете, – сказала она. – Только разрушили все, в чем я жила, – ложь, окружавшую всю мою жизнь. Но теперь я знаю правду и принимаю ее. Я возвращаюсь и отвечу за то, что совершила, – как бы

ни сложилось. Потому что лучше быть там, чем здесь с вами!

Она повернулась к Джеймсу и его родителям-фейри и в последний раз вгляделась в маленького золотоволосого мальчика.

– Берегите его. Я знаю, вы сделаете все. – Роуэн протянула руку и взъерошила мальчику волосы. – Прощай, – прошептала она еле слышно. – Прощай, Джеймс.

Слезы вновь потекли из глаз женщины-фейри, и она прижала к себе сына.

– Когда-нибудь, – сказала она, – мы отплатим тебе за твою доброту. Когда понадобится помощь…

Роуэн покачала головой:

– Вы ничего мне не должны. Просто… заботьтесь о нем.

Уже уходя, она обернулась и крикнула:

– Подождите!

Родители-фейри, которые обнимались и рыдали, подняли глаза. В них был страх, что Роуэн передумала. Поспешно сняв рюкзак, она принялась рыться в нем. Наконец нашла то что искала, и протянула им.

– Вот, еще одно вы можете сделать. – Роуэн держала в руках книгу сказок. – Это принадлежало нашей маме. – Она последний раз провела пальцами по грубой ткани обложки, дотронулась до позолоченных краев страниц. – Иногда… иногда читайте это ему.

Улыбаясь сквозь слезы, мать-фейри взяла книгу, а затем Роуэн и Уорик двинулись сквозь возбужденную толпу фейри. Лицо рогатого короля исказила ярость, он проиграл, но был бессилен их остановить.

Когда Роуэн с Уориком подошли к лестнице, стражи опасливо расступились и пропустили их.

Они поднимались. На полпути Роуэн взяла Уорика за руку.

– Стич? – прошептала она, не осмеливаясь произнести вслух его настоящее имя. – Мне страшно. Что со мной будет, когда мы вернемся? Как мне исправить все? Что мне сказать?

Уорик сжал ее руку.

Вершина холма была совсем рядом.

– Просто говори правду. Вот и все. Скажешь, что тосковала по брату и хотела его вернуть, но, что бы ни делала, каких бы детей-подменышей ни забирала, ничто не могло помочь. Потому что это правда, ведь так?

Холм раздвинулся, и прохладный воздух обдал их лица. Преодолев бегом последние ступени, Роуэн и Уорик спрыгнули с лестницы на мокрую траву. С неба лил дождь, и они промокли насквозь за считаные секунды. Когда холм стал смыкаться, из уст

рогатого короля вырвался дикий яростный рев. Проход закрылся, разрывая связь между двумя мирами.

Но, возможно, не полностью.

Вдалеке по холмам и долинам, окружающим Тор, прокатился глухой рокот. Двое уже спускались по склону. Уорик повернулся к Роуэн и усмехнулся:

– Думаю, буря надвигается…

Эпилог

Лендровер подъехал к поместью Элвесден. На земле лежал толстый слой снега.

Из машины вышли двое – мужчина с проседью в темных длинных волосах и высокая худощавая девочка. Мужчина достал с заднего сиденья потрепанный коричневый чемодан, и, сгорбившись из-за пронизывающего холода, они пошли по усыпанной снегом гравийной дорожке ко входу в дом.

В коридоре слегка пахло затхлостью, как часто бывает в старых домах. Ничто не нарушало тишину и спокойствие, разве что мелькнул под телефонным столиком всклокоченный рыжий хвост, обладатель которого старался не попадаться на глаза.

Из кухни, словно незримое приглашение, долетал запах жарящейся еды и доносились голоса. Приехавшие распахнули дверь, голоса на мгновение стихли, но тишина тут же взорвалась восторженными возгласами и приветственными криками. Заскрипели стулья – все повскакивали с мест и наперебой кинулись обнимать девочку и мужчину. Большая коричневая собака радостно прыгала на них, а попугай взбудораженно кудахтал.

За старым дубовым столом остался сидеть только один человек – женщина с бледным заостренным лицом и гривой рыжих длинных волос. Она испытующе глядела на девочку.

– У тебя отросли волосы. Тебе идет.

Роуэн поднесла руку к голове: ее волосы, такие же рыжие, как у этой женщины, теперь аккуратно обрамляли такое же тонкое лицо. Она нерешительно улыбнулась:

– Спасибо.

Роуз встала. Мгновение они неловко смотрели друг на друга, а потом обнялись.

Еще чуть погодя Таня шагнула вперед и потянула Роуэн за рукав.

– Я покажу тебе твою комнату, – с сияющими глазами позвала она. – Соседняя с моей, так что у нас общая ванная…

– И общий обитатель стоков! – воскликнул Фабиан. – У него уже бусы Нелл…

– И наперсток из моего набора для шитья, – добавила Флоренс с улыбкой. – Чрезвычайно докучливое создание.

– Я не против! – рассмеялась Роуэн, а Таня с Фабианом уже тащили ее из кухни. Они взбежали по лестнице мимо дедушкиных часов и на площадке второго этажа остановились перед дверью.

Посередине двери на железном гвозде висел венок из зеленых листьев и сухих красных ягод.

Роуэн глубоко вздохнула, закрыла глаза и… вошла.

Благодарности

Спасибо моей семье и друзьям – особенно Даррену, за то, что готовил мне тысячи чашек чая, пока мои мысли блуждали в компании фейри, а Кэролайн и Дженис – за то, что помогли мне проникнуться темой детских домов.

Благодарю Джулию Черчилль, Бекки, Мэдди и всех сотрудников Darley Anderson Agency. И, наконец, хоть и последняя, но столь же значительная благодарность Венеции, Джейн и всей команде детской литературы издательства Simon & Schuster UK.

Об авторе

Мишель Харрисон выросла в Англии, в графстве Эссекс, и была в семье младшей из трех сестер.

Мишель Харрисон – автор серии бестселлеров «Щепотка магии». Ее сочинения переведены более чем на двадцать языков. Первая книга, «13 сокровищ», была удостоена премии Уотерстоуна для начинающих детских писателей, произведение «Другая Элис» получило премию Колдердейла как лучшая детская книга года, а «Щепотка магии» вошла в шорт-лист Британской национальной книжной премии.

Прежде чем начать публиковаться, Мишель успела поработать в баре, в пекарне и в арт-галерее. Затем она устроилась продавцом в сеть книжных магазинов Waterstones, а потом стала помощником редактора по детской литературе в оксфордском издательстве. Теперь она занимается только писательством. Мишель Харрисон живет с мужем, сыном и кошками.

Рекомендуем книги по теме

Щепотка магии
Мишель Харрисон

Пустая
Яна Летт

Поймать океан
Виктория Войцек

Сыщики с Нанкин-роуд
Сильвия Алиага

notes

Сноски

1

Настоящее имя Рыжей – Роуэн. Английское слово *Rowan* переводится как «рябина», а кроме того, это женское и мужское имя.

2

Фут – 30,48 см.

3

Дюйм – 2,54 см.

4

Рыжая (Роуэн) имеет в виду свою фамилию – Фокс. Fox в переводе с английского – «лиса».

5

Миля – 1,61 км.

6

Стич (англ. Stitch) в переводе означает «стежок», «шов».

7

Снетчер (англ. Snatcher) в переводе означает «похититель».

8

Вайолет (violet) в переводе с английского «фиалка».

9

Примроуз (primrose) – «первоцвет», иначе «примула». Роуз (rose) – «роза».